

Чёрный мёд

Gaia Тайя
Азеги Azazy

Гайя Азеги

**Чёрный мёд. Ты
выбираешь свое счастье**

«Издательские решения»

Азези Г.

Чёрный мёд. Ты выбираешь свое счастье / Г. Азези —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507602-1

Книга откроет удивительный мир мусульманской культуры на стыке с культурой европейской. Главные герои — египетский бизнесмен Адам и Эмма, школьная учительница из Украины проходят свои испытания и ищут ответы на вопросы, которые актуальны для любого человека. В чем истинное счастье и залог процветания? Где заканчиваются границы личной свободы? Всегда ли цель оправдывает средства? Как среди тысяч узнать своего человека? Небанальный роман, в котором каждого читателя ждут свои открытия и инсайты.

ISBN 978-5-00-507602-1

© Азези Г.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Листья семейного дерева	7
Глава 2. Стойкий инженер	11
Глава 3. Родовое гнездо	14
Глава 4. Встреча на Русановском мосту	18
Глава 5. Портал в счастье	22
Глава 6. Желанная свобода	29
Глава 7. Лабиринт Динары	32
Глава 8. Фрау с собачкой	38
Часть 9. Свадебные подарки	41
Часть 10. Жизнь налаживается	46
Глава 11. Жизнь обычная	51
Глава 12. Последний проект	56
Глава 13. Боевые действия	59
Глава 14. Потому, кто я	62
Глава 15. День фестиваля	66
Глава 16. Время перехода	73
Глава 17. Плата за изъян	78
Глава 18. Березовый частокол	86
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Чёрный мёд Ты выбираешь свое счастье

Гайя Азеги

Фотограф Lera Hetman

Дизайнер обложки Петр Завасрад

Редактор Юлия Дворецкая-Федорчук

Корректор Юлия Дворецкая-Федорчук

© Гайя Азеги, 2019

© Lera Hetman, фотографии, 2019

© Петр Завасрад, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-0050-7602-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гайя АЗЕГИ, 55 лет, выросла в семье медика и инженера, обладательница богатого профессионального и жизненного опыта. По базовому образованию преподаватель географии и биологии. Достигла мастерства и в других профессиях: музыкальный руководитель в детском учреждении, специальный корреспондент в деловых еженедельниках Украины, руководитель брендинговых проектов, автор и хозяйка проекта «Аромастудия «КИНЗИ», ароматерапевт и аромадизайнер, целитель методами китайской, арабской и индийской древних медийн, автор обучающих программ по женскому здоровью, писатель.

Три несчастливых семейных союза, уроки которых стали причиной для роста, двое сыновей. Ныне – счастливая жена. Дважды прошла через терминальные стадии в здоровье и полностью восстановила его.

Мне интересны эмоции людей и влияние подсознания на принятие решений. Мне нравится передавать состояния души через окружающие предметы и события, которые кажутся случайными. Люблю обнаруживать скрытые взаимосвязи и разрушать шаблоны, но при обязательном условии полной экологичности и бережности.

Мне повезло в течение 13-ти лет глубоко окунуться в нетуристический Египет и познать параллельный европейской ментальности мир, который поразил меня своей вековой мудростью и непреходящей актуальностью. Мир за пределами набивших оскомину штампов об арабах и мусульманах, в который я приглашаю заглянуть и вас через свои книги.

Все мои герои имеют реальных прототипов и сюжеты сотканы из реальных событий, случившихся со мной и с известными мне людьми. Конечно, я постаралась их пазлы сложить с новыми деталями.

Выражаю благодарность за содействие в литературных трудах моему супругу Ахмеду АЗЕЗИ, который стал проводником в мир арабской мудрости, египетских характеров и тонкостей ислама.

Надеюсь, вы, уважаемые читатели, получите многослойное наслаждение от путешествия на грани non/fiction в моем романе.

Глава 1. Листья семейного дерева

Эль-Гуна мерцала цветными огнями, отражаясь в многочисленных каналах и заводах. Адаму не спалось. Все улеглись или, по крайней мере, разошлись по своим апартаментам в трех соседствующих виллах. Им удалось заранее арендовать жилье именно вблизи друг от друга – каждое с большим бассейном, собственным пляжем и выходом в морской канал.

Задачи прошедшего дня выполнены, а именно: все накормлены и напоены по высшему классу командой приглашенных поваров и официантов, услаждены купанием в бассейне, ленивыми посиделками под зонтиками на пляже. Все достаточно смуглы, чтобы поджариваться на солнце. Хотя, кажется, кожа Адама в сени складов и офисов не успевает побронзоветь так, как кожа родственников. Он лично учился кайтингу под руководством жилистого тренера Махмуда третий день подряд – одетый в шорты и футболку, чтобы не обгореть. Самые спортивные родственники развлекались игрой в волейбол, самые отчаянные – катанием на надувном банане. А еще были шахматы, нарды и соревнование в чтении арабской поэзии. На сей раз были выбраны стихотворения Руми.

Адам расположил свою маленькую семью из пяти человек, мать и семью старшего брата Ясина из четырех человек на самой большой вилле, удобной для встреч всего огромного семейства. Центральный зал представлял собой обширное, порядка ста метров пространство из нескольких зон, перетекающих одна в другую. Помещение было организовано функционально правильно, светлое и, благодаря большим окнам в пол, позволяло чувствовать себя все время в саду. Плотные двойные шторы дарили затемнение даже в середине дня, что актуально в сентябрьский, но еще палящий полдень.

Полукруглый красный диван из велюра приглашал одну группу гостей посидеть комфортно за разговорами. Антаре из пяти кресел и двух диванчиков, окружающие три мраморных столика разной высоты, собирали другую группу так, чтобы не мешать разместившимся на красном диване.

Еще одна группа – кресла, пуфики и даже просто высокий матрас, завернутый в плюшевый чехол, рядом с ним груда пышных подушек, одетых в роскошные наволочки с египетскими старинными узорами, выполненными в технике аппликации ткани по ткани. Напольная группа явно предназначались для самых юных гостей и располагались в отдаленной части зала, которую можно было обеззвучить плотными скользящими перегородками из стекла.

С противоположной стороны – огромная открытая кухня, отделенная от зала широким и длинным кухонным островом. Похоже, дизайнер переборщил с количеством золотых поверхностей. На кухне еще царил легкий беспорядок, который быстро устраняли нанятые работники, начищая мраморные столешницы, загружая посудомоечную машину и наполняя мусорные мешки.

Адам вышел во внутренний двор, скрытый от посторонних глаз с улицы зданием самой виллы, а со стороны моря – глиняной оштукатуренной стеной, увитой бугенвиллиями.казалось, кустарники облокотились на высокую стену и разложили свои усыпанные цветами шевелюры по ее бортику, словно усталые гуляки.

Он еще раз оценил внутреннее пространство дворика: все продумано для приема большого числа людей и здесь. Уникальной особенностью этого пространства была глинобитная скамейка в три яруса, образующая почти круг диаметром в десять метров – амфитеатр для просмотров представления. На двух нижних ярусах лежали тонкие подушки из пёстрого домашнего коврового материала. На верхнем ярусе располагались электрические светильники, одетые в узорчатые металлические плафоны.

Это поместье и сама вилла сильно отличались от многих других, оформленных незамысловато, с претензией на красоту, но на самом деле в стиле отельной маргинальности. Здесь же отсутствовала безвкусица и глаза расслаблялись в продуманной красоте.

Зеленые лужайки между дорожками, устланными бетонными плиточками, в которых залегли морские камушки, подстриженные и освещенные ночными фонарями в виде гигантских подсвечников в «домиках». Металлические домики для свечей со стеклянными стенами кучно расположились у пяти кресел из ротанга. Беседка для гриля сейчас была затемнена, но ее опоясывала подсвеченная бордюрная клумба из базилика и бархатцев. В тон махровым шарикам у входа в беседку росли стражи с огненными головами – стрелиции. По всему периметру на крюках висели пышные корзины с дурманящими петуниями красного цвета.

Праздник Аль-Аид – это один из один трех семейных праздников, когда собирается вся ближайшая родня из тридцати одного взрослого человека плюс один. Плюс дети. Он, Адам, избран в семейном клане лидером. И это ко многому обязывает, в том числе устраивать семейные праздники. И не только по таким величайшим поводам.

В течение года раз в неделю Адам дает пятничный обед – сразу после участия в пятничной молитве. На эту встречу раз в неделю могут пожаловать не все представители ветвей семейного древа, но меньше двадцати не бывало никогда. И что особенного в пятничных обедах? Он готовит их большей частью собственноручно. Конечно, без помощников не обойтись. Ему помогает не прислуга, как всегда, а дочери.

Адам искренне считал, что такая практика полезна девочкам. Служить семье – что может быть прекраснее? Даже строптивая Нэнси, которой уже исполнилось девятнадцать лет, с радостью подает родственникам чай или кофе. Ей, очевидно, стало нравиться чувствовать себя хозяйкой салона...

Конечно, всех умиляет малыш Али – любимый внук, наследник старшей дочери Сальмы. Он разносит на подносе печенье, выпеченное его мамой – двадцатичетырехлетней красавицей, которая снова значится в списке самых желанных невест Каира. Шестилетняя Дана, или Данита, как ее звал на латиноамериканский манер Адам, лучше всего справлялась с сервировкой стола салфетками и приборами.

Он чувствовал, что нет причин для волнения. Надо расслабиться – в кои веки он решил себе десять дней выходных перед праздником Аль-Аид. И именно для этого выбрал курорт и виллу, которые больше всего располагают к изысканному отдыху.

И тем не менее внутри что-то саднило и не давало настроиться на сон. Он зашел в комнаты младшей и старшей дочерей, послушал их дыхание. Укрыл простышкой Али – мальчик сбил ее в угол кровати ножками. Нэнси же не спала. Сильный поток холодного воздуха из кондиционера раскачивал кисточки и полоски ткани, прикрепленные на полог ее кровати. Она в наушниках увлеченно просматривала фильм на планшете... Адам, чтобы не испугать ее, остановился у ее кровати, размахивая ладонью, как метрономом. Как только дочь увидела его и сняла наушники, он подошел поцеловать ее и пожелать еще раз спокойной ночи. Дочь пообещала, что досмотрит фильм и сразу спать...

По-прежнему саднило в сердце. Адам решил прогуляться до ближайшего кальян-бара. Глава семейства не курил сигарет и сигары, но чувствовал болезненную зависимость от кальяна.

Из Каира он любит уезжать в Гизу в народные шиша-бары, где хрустящий с мелкой щебенкой песок под ногами вместо полов. Где после наступления сумерек растресканные или надщербленные столики могут быть выставлены прямо под мостом или у гулкой дороги. Неизменно пластиковые стулья, которые протирают от пыли штаны посетителей, тратящих свои три гинеи на чай и затяжки... Что привлекательного в таких местах? Его там не знают. Он, конечно, все равно выделяется выправкой, походкой, взглядом, другими мыслями на лице. Даже если одет просто в джинсы и футболку и даже если оставил свой внедорожник за углом,

чтобы никто не видел, какого статуса человек прибыл. И внимательные взгляды, брошенные на него даже недолго, в рамках приличия, все равно говорят, что они удивлены появлением этого человека, как если бы здесь посыпал снег. Но все же рамки мусульманской культуры не позволяют пялиться на человека, и ему удается раствориться в массе посетителей, погрузив свою голову в разбалансировку от сверлящих мыслей.

Что ж на отдыхе неймаётся? Он присел на подушки в бедуинском шиша-баре, что расположился в километре от вилл, где сейчас спала его огромная семья, и заказал яблочного табака для кальяна и айнэб – холодный каркаде, как сказали бы иностранцы.

Холодный каркаде – это не остуженный напиток, бывший изначально кипятком. Это сразу залитые холодной водой цветы гибискуса с добавкой сахара для лучшей экстракции, оставленные на много часов – в идеале от 12 до 24. Этот напиток прекрасно утоляет жажду, бодрит и снижает кровяное давление. Адам еще не стал заложником тахикардии и скачков артериального давления, он просто любил этот густой вкус и рубиновый цвет.

Из всех листков семейного дерева не явилась только Динара. Та, которая значится «плюс один» в семейном списке. Он ее так часто и называл – «плюс один» вместо ее статуса и имени, как если бы она была из семейства темных, которых лучше не поминать никогда и никак, кроме как в защитных от них молитвах. Его бывшая жена и мать троих дочерей.

Динара впервые за одиннадцать лет не явилась. Не посчитала нужным даже известить их, что ее не будет. Девочки научились жить без нее, но все же ждали маму, как Сахара редчайших капель дождя, которые оставят крохотные кратеры на песке, даже не увлажнив его на миллиметр вглубь под местом падения этой капли. Он ожидал каких-то ее выходов, но то, что она не приехала, разбередило старые раны.

Он тоже давно привык жить без нее и полагал, что вырезал женщину из своего сердца, когда объявил о разводе. Но сегодня ночью под клубы дыма он уговаривал себя, что нечего даже и хорошее вспоминать. Он сделал все по чести. Она же сейчас – совершенно другой человек, в венах которого текут змеевидные существа и в котором не осталось ничего от его нежно любимой Динары двадцатишестилетней давности.

Но что саднило? Конечно, вопрос: «Кто же девочкам заменит мать?» И возможно ли это в принципе? Очень трудно быть одиноким отцом, который прежде всего мама, а потом уже папа. Он выкормил младшую собственноручно детскими смесями, поскольку она отказалась от молока трех кормилиц, приглашенных по очереди. А египетским тетушкам и своей матери он ребенка не доверил: того и гляди накормят взрослой едой и напоят шипучкой из супермаркета. Египетские мамы очень далеки от европейских стандартов ответственных мам. Одному Аллаху известно, как груднички выдерживают египетский стиль их выхаживания! Поскольку Адам долго жил в Британии, он научился любить овсяную кашу, которую обычного египтянина под пыткой не заставишь есть. Приучил он к овсянке и дочерей. Так что дух Британии здесь витал по утрам регулярно.

Также он приучил девочек делать гренки на раскаленной сковороде без масла, мазать их сливочным маслом или класть кусочек сыра, украшать сверху медом, апельсиновым или гуавовым джемом и иногда добавлять тахины, которую он покупал за пределами Каира на одной маленькой фабрике. Адам умел печь английское масляное печенье с тертой кожурой апельсина или лимона, и посему его девочки не носили с собой в школу химически активное печенье из супермаркетов.

Так что мужчина чувствовал себя медалированным отцом, который сумел приучить дочерей к полезному рациону питания.

И, конечно, он был полностью вовлечен в жизнь дочерей с пеленок.

Он был папой, который знает расписание уроков в школе, любимых учителей, подруг, их номера телефонов и адреса, чем они дышат, что их радует и что огорчает, чем спасти дите от сопель, поноса и кашля, в чем они остро нуждаются, где нужно покупать им обувь, ночные

сорочки и белье, даже, пардон, какие гигиенические изделия взрослые дочери приемлют... И при этом был руководителем успешной фирмы номер один на рынке девятистомиллионной страны и лидером огромного семейства, которое никогда не оставляет без приглашений разобрать конфликты или дать совет в трудном вопросе.

Его семейная история не очень типична для Египта. Особенно в той части, где он остался отцом-одиночкой с тремя дочерьми. Но обо всем по порядку.

Глава 2. Стойкий инженер

Адам – представитель большой зажиточной семьи каирских интеллигентов – после окончания инженерного факультета лондонского университета был с распахнутыми объятиями принят на фирму своего дяди по маминой линии – хали Азиза. Приставка «хали» как раз и сообщает, что это дядя по ветке матери. По отцовской линии дядя был бы «аами».

Фирма хали Азиза занималась разработкой электрических сетей и их проводкой в промышленных и государственных объектах. На подряды дядя Азиз не жаловался. Однако с приходом Адама дела резко пошли в гору. И тому были несколько причин.

Первая – его квалификация. Да, Адам не шлялся в Лондоне по пабам, ночным клубам и притонам, не завязал ни одной интрижки за шесть лет. Хотя эмансипированных девушек, раздающих свою молодость в хмелю, в кокаиновой эйфории и без, было достаточно. И они с интересом вились вокруг него при любой возможности. В Адаме они прочитывали наличие денег и то самое мужское начало, по которому тоскует любая женщина, даже если и не признается в этом. И да, он хорош собой. Сложен выразительно по-мужски: с узкими бедрами и широкими плечами, длинными и ровными ногами. Его торс излучал силу так же, как и голос. Нос ровный, прямой, как восклицательный знак после фразы: «Да будет так!»

Еще нос был сигнальным элементом в его лице: он свидетельствовал о поколениях мужчин его фамильного древа, профили которых можно было бы чеканить на монетах. Ему бы больше шли доспехи и меч, чем современный костюм и ракетка для тенниса.

Адам получил прозвище «Святой из Каира» и любовь однокашников, поскольку он не болел снобизмом, выигрывал турниры по теннису для своего факультета и всегда был готов выручить в любой беде.

Как вы уже поняли, Адам хранил себя на пути Аллаха и свои силы исключительно для учебы в условиях, где все приглашает предаться пивным и половым загулам. Он знал, что за подобную стойкость Аллах в этой жизни вознаграждает сразу.

И он рано понял, что Всевышний не оставил без внимания его стремление удалиться от зла. Аллах дал ему эту обильную энергию света, которая запускает поломанные системы, улучшает настроение и мотивацию окружающих, заряжает всех оптимизмом и вдохновляет на взятие высот. Именно такие качества являются решающими у руководителя и владельца бизнеса. И родственникам Адама даже не нужно было напрягаться и собирать об Адаме в Лондоне информацию. Достаточно того, каким они его видели на каникулах по приезду в Каир. Он каждый следующий приезд сиял больше и ярче, незамутненно. То, как он проводил время дома, тоже свидетельствовало в пользу праведности их молодого родственника. Поэтому они очень ждали момента, когда носитель европейских технологий и стиля жизни в важной для бизнеса части приступит к труду на египетской земле.

Еще за два года до выпуска Адам получил приглашения от двух знаменитых компаний с мировым именем отправиться к ним на стажировку с возможностью трудоустройства в Германии. Но отверг эту идею, так как с трудом переносил в Лондоне серое небо и чувствовал, что отсутствие солнца триста сорок пять дней в году с возрастом станет невыносимым. А в Германии будет похолоднее, чем в Англии. К тому же он ощущал, что его сердце расположено развивать бизнес в Египте. Тем более, что поле было вспахано усилиями предыдущих поколений его родственников и его ждали. Он хотел оправдать ожидания своей родни, и у него это получилось.

У Адама был необъяснимый талант, который люди, далекие от ислама, называют волшебством или чудом. Конечно, этот талант был еще одним профильным подарком Всевышнего. Адам знал из рассказов старейшины их семьи – своего деда по отцовской линии – что каждый, кто день изо дня совершенствует знания и умения в избранной области, и при этом эта область

не наносит вред ученику, его семье, земле, планете и религии, получит раскрытие таланта, который станет его визитной карточкой, возможно, для всего мира, возможно, в рамках одной страны, а возможно, только в рамках одной общины. Но ученик станет выдающимся мастером.

Так вот, Адам мог без применения инструментов безошибочно установить узел проблем в пострадавшей цепи или блоке механизмов. Для этого он просто подходил к поврежденному участку и молча стоял рядом. На самом деле он сканировал поврежденную систему тем самым чудесно встроенным в него «сканером». Если его спросить, как он это делает, он не смог бы толком объяснить. Просто чувствовал, как голова в области родничка открывается – словно кости черепа расходятся и через это отверстие входит луч холодного света. Этот свет растекается по всему его телу, делая его чувствительным к вибрации технического повреждения. Он считывал эту вибрацию, и дальше в голове рождалась картинка повреждения или просто информация. Так, через непродолжительное время – минут семь—пятнадцать – он объявлял свое предположение о поломке, которое всегда с точностью в 100% случаев подтверждалось при разборке или раскопке данного участка.

«Ты – технический гений!» – часто говорили ему многие люди. Он же всегда прерывал похвалы и говорил в ответ: «Никогда „я“. Это не „я“, а „Он“». Верующему достаточно. Те, кто в теме, понимали, что Адам никогда не присваивает себе заслуги за проявление этого таланта и четко понимает, откуда этот талант родом. И они любили заказывать Адаму работу, поскольку знали: люди, благодарные Создателю за свой удел, всегда носители бараки – благословения Аллаха. Как это работает в обычной жизни? Если капитальный ремонт системы рассчитан лет на пять работы без поломок, то после выполнения подряда с участием Адама система будет жива и трудиться без поломки, вероятно, вдвое дольше.

Фирма дяди наливалась доходами, потому что слава необычного инженера шла по всей стране и хозяева объектов предпочитали экономить время на диагностике и даже готовы были за это платить. Спустя семь лет Адам предложил дяде основать вместе с ним новую фирму, которая возьмет на себя установку и обслуживание систем кондиционирования. Естественно, тоже в сфере business-to-business. Хали Азиз даже почувствовал некую досаду, что сам не додумался до такого логичного хода в диверсификации бизнеса!

У них уже была готовая клиентская база – причем по всей стране. А кондиционеры в Египте, жарком летом и прохладном в зимние два месяца, – тема неиссякаемая для заказов, и нет даже магазинчика, который бы обошелся без кондиционера. Ну, кроме совсем уж захудалых.

В 1989 году основным хозяином и директором новообразованной фирмы «Fresh Air», заключившей контракты со всеми ведущими производителями промышленных сплит-систем по охлаждению, вентиляции и обогреву воздуха, стал Адам. Его фирма стала первой ввозившей инверторные кондиционеры и кондиционеры с функцией очистки воздуха. Тогда, как, впрочем, и теперь, они были существенно дороже неинверторных, и требовалась деловая прозорливость и интуиция, чтобы рискнуть ввозить очень дорогой товар, когда на рынке размятают дешевый.

В египетской ментальности прочно сидит ген экономии. Даже больше – человека, который переплачивает, хотя может платить меньше, считают посмешищем. А вот донести идею целесообразности платить больше за лучшее качество жизни – это большой труд и отвага. И даже открыть новую дорогую нишу на рынке Адаму удалось!

Свой талант он поставил на службу уже в своей фирме. Точно так же использовал свои способности для диагностики поломок, которая по скорости результата превосходила обычные в этой сфере технологии. В связи с запросами на диагностику Адаму приходилось постоянно жить в командировках. Тогда его жена возмущалась: почему сотрудники инженерного отдела не делают эту работу? Он ответил: «Они не могут так, как я, за пятнадцать минут обнаружить

проблему. Легче и дешевле меня отправить на день-два в командировку, чем другого специалиста на десять».

Упрекнуть Адама в эгоизме никто из семейства не смог. Дело в том, что Адам предложил себя в качестве руководителя инвестиционного фонда всей большой семьи. Каждый родственник мог внести задокументированный пай, на который раз в году Адам выплачивал вознаграждение согласно процентному участию пайщика в зависимости от годового успеха предприятия. На пятничных обедах всегда минут двадцать отводилось деловому совещанию. Родственники слушали доклад их лидера об актуальном состоянии дел, ближайших планах и пожертвованиях. Мама Адама – Омм Ясин – молилась о здравии и успехе своего сына, поскольку он стал непревзойденным лидером семьи, умножившим состояние всех родственников раз в пятьдесят за немногим более чем 25 лет, чем поспособствовал им в том, чтобы стать пассивными миллионерами в долларовом выражении.

Адам всегда делал четкий доклад о движении денег в фирме, чем исключал даже зарождение подозрений в нечестности. Каждый из семейных инвесторов мог в любой момент запросить отчет и получал его. Если возникала необходимость экстренного финансирования из резервов фирмы кого-то из родни, то с этим тоже не возникало препятствий. Иногда сумму голосованием изымали из «банка успеха», дабы устроить пышную свадьбу, или выкупить прекрасный участок земли под строительство дома, или отправить в Хадж всю «гроздь» родственников. Обычно такие изъятия не превышали 3% от дохода компании, поэтому все были согласны с подобным стилем ведения дел.

За несколько лет Адам стал непререкаемым авторитетом среди родственников, хотя и не был старшим по возрасту. Но насколько он добился высокого статуса в обществе, в бизнесе и в большой семье, настолько же обвальными дела были в его малой семье. Он тщательно скрывал истинное положение дел, насколько это было возможно, долгие десятилетия...

Глава 3. Родовое гнездо

Женитьба в 28 лет на красавице Динаре не предвещала плачевного конца. Они были выходцами из семей одинакового сословия, их равенство проявлялось и в речи, и в пристрастиях, и в том, чему они радовались, и в том, что им претило. И, совершенно точно, они женились по любви. Она не боялась, что он при своем богатстве захочет вторую или третью семью, и уж тем более четвертую. Динара чувствовала, что он видит ее единственной супругой. Есть такой тип мужчин – однолюбы. Динара была одного роста с Адамом и, когда надевала туфли на каблучках, была слегка выше, но это их не смущало.

Ему нравилось ее овальное лицо с крупными губами, которым не нужна была помада и которые всегда были готовы к поцелуям. Крупные глаза служили двумя колодцами в мире ее музыки, которые она проживала, как другие жизни, проходящие через ее сенсоры. И от этого она всегда казалась разной. Как музыка Моцарта и Бетховена, Чайковского и Вагнера, Марради и Пьяццолы...

Девушка была воспитана в лучших традициях знатных семей Каира, выросла в особняке в Маади среди садов и чистого воздуха с перерывами на жизнь в других странах по месту службы ее отца. Она ела из британского фарфора за столом с накрахмаленными скатертями и серебряными кольцами для салфеток. Она знала вкус настоящего «Тирамису» из настоящего маскарпоне, по утрам пила кофе, приготовленный в гейзерной кофеварке, вприкуску с сыром «Neufchatel», который доставляли дипломатической почтой из Франции.

Зимними ночами укрывалась легким одеялом из пуха канадских гусей, вдетым в белоснежный пододеяльник. Для тех, кто не в курсе: в массе семей в Египте понятие пододеяльника отсутствовало вовсе. Бедные семьи обходились без них, стирая одеяла. Благо климат позволял их высушивать. Те, кто зажиточнее, использовали простыни, застеленные под одеялом. Также в Египте многие и не подозревали, что одеяла и подушки могут быть из чего-то другого, кроме хлопковой ваты...

Динара получила консерваторское образование и профессию пианистки. У нее даже была возможность сделать карьеру в музыкальном мире, поскольку совпали ее талант, деньги родителей и мамина национальность. Однако, выходя замуж за Адама, Динара полностью отдавала себе отчет в том, что концертные поездки по всему миру и счастливое замужество – вещи несовместимые, как мороженое в кипящем бульоне. Она ограничилась частными уроками музицирования. И, конечно, ее фортепианная игра была украшением любого салона. Прежде всего их домашнего салона на вилле в престижном районе Гелиополис.

Вилла, спроектированная и возведенная бельгийцами двести лет тому назад, была куплена Адамом за год до свадьбы в сильно разрушенном состоянии. В этом было два плюса: относительно низкая цена покупки и возможность сделать интерьеры под себя.

Когда приглашенный из Бельгии архитектор Лукас Мартинс спросил его о концепте, о том, что бы заказчику хотелось обыграть в интерьерных и декоративных решениях, Адам, не сильно искушенный в архитектуре и дизайне, тем не менее выпалил: «Соты! Пчелиные соты!»

Лукас, опираясь подбородком на ладонь, трижды погладил короткими пальцами свою шелковистую бороду, брызнул солнечными зайчиками светло-карих глаз.

– У меня еще не было лучшего заказчика! Вы только что сняли с меня пятьдесят процентов головной боли. Я уже вижу интерьер!

В итоге вилла ожила снаружи и внутри. Интерьер получился столь изысканным и необычным для Египта, что к Адаму стучались редакторы европейских журналов и профессор факультета архитектуры Каирского университета, дабы взять интервью и сделать фотоотчет. Но Адам

всем отказал... Ему не хотелось впускать чужие глаза в свое родовое гнездо, которое он только начал вить.

Пчелиные соты стали лейтмотивом всего особняка. Снаружи окна были обрамлены гипсовыми накладками в форме сот, наполненных незамысловатым арабесковым узором. Ручки на дверях – три соты. В большинстве коридоров была положена напольная плитка в форме сот белых оттенков.

В обеденном зале над огромным столом на двенадцать персон, который увеличивался до двадцати двух, нависали специально изготовленные люстры. С потолочного основания в виде деревянной потрескавшейся рамы на золотых цепочках свисали, как хлопья, стеклянные пластины в форме сот. Цвет переливался от белого к темно-желтому. Основание барной стойки и чайно-кофейных столиков представляло собой металлический каркас в форме сот, часть из которых была заполнена вставками из оникса. Столешницы тоже были ониксовые, с подсветкой изнутри. Так что столики одновременно работали светильниками. На одной из оштукатуренных стен было размещено объемное панно из девяносто девяти сот, в которых на золотых пластинах были выгравированы имена Аллаха арабской вязью. На другой стене – живописная инсталляция с потеками золота по мореным доскам: такая себе аллюзия на растекающийся мёд.

Был и еще один сотовый арт-объект, изготовленный по заказу японским мастером кумико – это особая техника резьбы по дереву, которая должна была бы быть египетской, но вот не стала. Речь идет о столе в кабинете Адама: объемная рама из неокрашенной липы, состоящая из ячеек в форме сот, сегменты ячеек заполнены вертикальными перегородками по рисункам арабских орнаментов на всю высоту сот. Все элементы собраны как конструктор – без гвоздей и клея. Покрыт этот шедевр японского резчика столешницей из каленого стекла.

Тема меда и сот перетекала из комнаты в комнату иногда акцентом в виде перегородки или формы зеркала, иногда репликой в виде полоски обоев или узора на подушках. Даже в туалетных и ваннных комнатах полы были выстланы мелкой мозаичной плиткой в форме сот. Чтобы не скучно – разных оттенков, преимущественно золотых. С серыми и шоколадными стенами такие полы вызывали вспышку восторга в сердце.

И, наконец, в супружеской спальне дизайнер оформил стену изголовья в виде крупных золотых сот, залитых темно-коричневым, почти черным стеклом с вкраплениями золотой пыли и кусочков золотой фольги. Эта панель подсвечивалась изнутри и обеспечивала ночное освещение разной интенсивности. Такого же цвета была и мебель. Пол из массивной доски венге был натерт пчелиным воском с добавками эфирного масла мадагаскарской ванили, индийской куркумы, кавказского эстрагона, камбоджийского агарового дерева и эфирного масла медовых сот из Франции. Есть, оказывается, и такое! Восковую ароматную смесь загнали и во все щели. И от этого комната мягко благоухала черным амбровым мёдом. Такого в природе не существует. А вот его натуральный аромат – после дизайнерских манипуляций – да! Эффект оказался потрясающим.

Вместе с ароматом колористическую строгость разбавляли занавеси, банкетки и покрывало бирюзового цвета. У изголовья прикроватные тумбы представляли собой увеличенные и перевернутые фужеры с сильно наращенным основанием «ножки», служившим столешницей. Они были прозрачными, а тело фужеров – бирюзовым, переходящим к венчику в темно-синий. Основной светильник тоже был изготовлен по эскизам дизайнера. С потолка на нитях с прозрачными бусинами свисали стеклянные ленты морских оттенков, каждая из которых была пару раз перекручена вокруг своей оси и содержала в себе крохи морского песка и пузырьков воздуха. Они подсвечивались россыпью лампочек маленького размера.

Когда семья невесты вместе с самой невестой пришла на смотрины дома, именно спальня вызвала самые сильные эмоции.

– О, да здесь можно прожить медовую жизнь, а не только медовый месяц! – резюмировала мама Динары, синьора итальянских кровей с именем Мирелла и зашитым в ДНК кодом красоты. – Complimenti, Adham! Mi sono colpita!¹

Захлестнувшие эмоции переключили ее на родной язык, но жених все понял. И оценка Миреллы для него значила даже больше, чем восхищение в глазах ее дочери. Отец невесты, мистер Габалла, лицо которого неизменно хранило печать избранности, а глаза – пронизательный ум, крепко пожал руку будущему зятю:

– УаЛлахи,² я хотел, чтобы моя дочь жила в красивом доме. Но то, что я увидел, – это райский сон!

– Аль-хамду лиЛлех, что у меня была возможность осуществить этот проект!

– Ин шэ Аллах, Адам, я не преувеличиваю. Известно ли тебе, что аромат агарового дерева, или уда, а также амбровые тона, получившиеся от сочетания подобранных дизайнером масел, – милость Всевышнего людям как напоминание о том, что Рай есть. И красота этих ароматов – это капли райской красоты на земле.

– Я этого не знал. Как удачно сложилось!

Кстати, трехкилограммовая банка ароматного воска осталась для дальнейшего натирания полов. Адам не очень представлял, как долго древесина будет удерживать аромат и как быстро понадобится его обновлять.

– Ci sono le stanze semplice nel questo palazzo?³ – продолжала урок итальянского языка синьора Мирелла.

– Certo, qualche⁴, – ответил Адам и повел показывать абсолютно не дизайнерскую часть дома.

Кладовая, постирочная, комната прислуги и странная комната, которую Адам назвал «Пустой ящик» – «Empty box». С потолка свисал электрический шнур с обычным патроном для обычной лампочки, белые стены и белый тюфяк на белом каменном полу. Окно с белыми ставнями изнутри. У Миреллы округлились глаза.

– Я оставил эту комнату для срочной перезагрузки. Иногда мужчине надо отключаться от всего и побыть в пустоте одному.

– А я-то думал, что же я упустил в этой жизни! «Пустой ящик»! Гениально! – совершенно искренне воскликнул мистер Габалла.

Как вы поняли, дизайнеру удалось соблюсти удивительный баланс бельгийского шика и арабского этно.

Конечно, вилла Адама стала достопримечательностью Каира. В их с Динарой дом на приемы с удовольствием стекались люди, ценящие красоту, или важные люди, которым нужно бывать в красивых интерьерах... Естественно, только по приглашениям.

Динара вносила свои ситуативные добавки в атмосферу салона. Она любила срезанные цветы, и в салоне всегда были три вазы с цветами – каллами, розами, орхидеями, гладиолусами, хризантемами или редкостными туберозами. Все непременно белого цвета. Так супруга поддерживала букетами основные интерьерные решения из белого, золотого и синего цветов. Немецкий рояль был тоже белым...

Супруга Адама вошла во вкус организации светских вечеров. Она лично подписывала пригласительные билеты, составляла программы салонных вечеров и проводила благотворительные аукционы. Кому оказывать помощь, тоже выбирала она. Чаще всего это были государ-

¹ Мои поздравления, Адам! Я поражена! (*ит.*)

² Клянусь Аллахом (*араб.*)

³ Есть ли простые комнаты в этом дворце? (*ит.*)

⁴ Клянусь Аллахом (*араб.*)

ственные госпитали и школы, находящиеся в ужасающе удрученном состоянии. Адам благодарил Создателя за то, что дал его супруге доброе сердце.

Естественно, она не только реализовывалась в качестве светской звезды, но и прекрасно управляла домом и уделяла много времени своему мужу. Готовила его любимые блюда, собственноручно стирала и утюжила дорогие рубашки. И – вы поверите? – когда он возвращался домой и присаживался в малом кофейном зале, она приносила таз и большой медный кувшин с ароматной водой – в ней настаивались почки гвоздики – и мыла мужу ноги. Адам видел, что жене нравилось так выказывать свои почтение и нежность к нему.

Родив двух дочерей с интервалом в четыре года, Динара стала исключительно домашней хозяйкой, которая приглашала на свои фортепианно-салонные вечера гостей гораздо реже – бывало до одного раза в полгода.

Глава 4. Встреча на Русановском мосту

Эмма – киевлянка и учительница младших классов с абсолютно не украинским именем, однако сочетающимся с украинской фамилией: Эмма Вадимовна Любченко. Если вы жили среди славян, то знаете, что женщина, выходя замуж, берет фамилию мужа: как зонтиком покрывает себя энергией новой семьи, куда она вошла за мужем.

Эмма же, выходя замуж, оставила девичью фамилию, поскольку супружеская была совсем неблагозвучной и несла странный смысл, если человек был в курсе глубин украинского языка. Черногуз – ни много, ни мало – «черный зад». Конечно, у ее супруга кожа была белой и даже без особой поросли, но без обид: то ли дело Любченко!

Когда выходила замуж второй раз, у нее не было претензий к красивому звучанию и смыслу фамилии мужа, но язык заплетался бы произносить имя и фамилию – Эмма Мережко. Легче уж оставить любвеобильную девичью фамилию. Тем более, что и сын был записан на нее.

Второй муж был известным в Киеве архитектором. Со временем – с приставкой «главный». Он отвечал за генеральный план застройки столицы и учреждал стандарты фасадов, которые не должны нарушать общее стилистическое единство домов на одной улице, был руководителем группы по разработке плана развития столицы, да и в целом талантливый архитектор! Причем Эмму радовал тот факт, что талант не опьянял его настолько, чтобы не замечать и не поощрять таланты других.

Конечно, он был богат. Но важно то, что отличался добрым нравом и щедростью. Имя Эммы заиграло в достойном обрамлении: появились невиданные ранее наряды и украшения, поездки на модные курорты – в Баден-Баден и Карловы Вары.

Он исходил с ней улицы Зальцбурга и Инсбрука, Утрехта и Лиона. Комментировал со знанием эксперта все увиденные красоты. Нанимал на несколько часов гондолу в Венеции и карету в Вене. Ему всегда хотелось дать жене удовольствий по максимуму. Почему? Таков он был. И у него точно были на то свои причины.

Когда они поженились – через десять месяцев после знакомства и тогда он еще не был главным архитектором столицы, – Эмма с трудом верила, что ее сказочная жизнь – реальность, а не киношная мечта, по которой сохнут те, у кого нет своей жизни.

Хотя само начало их истории выглядело очень неромантично, банально и даже пугающе. За полтора часа до того, как они встретились с Данилой – ее вторым супругом, – ее первый муж, Кирилл, начал метать марокканские ножи по движущейся мишени в квартире. И этой мишенью была его жена – Эмма. Вы едва ли признали бы будущую жену главного архитектора в этой измученной женщине на пике ее столь ужасной роли жертвы.

Запой Кирилла становились все более частыми и все более опасными. Если раньше она еще лелеяла надежду, что однажды он поборет недуг, то летающие ножи раскололи на щепки не только фанерные вставки на дверях в кладовку, но и ее упования.

Пока он задержался в ванной, Эмма успела всунуть босые ноги в полусапожки, накинуть куртку, выпустить из запертой комнаты сына, помочь ему надеть кроссовки и куртку, захлопнуть дверь и выбежать прочь. Они жили на третьем этаже, потому, не вызывая лифта, побежали ступеньками вниз.

О возвращении домой без наряда полиции этой ночью не было и речи. Эмма полагала, что во внутреннем кармане куртки есть небольшая сумма денег и ключи от квартиры, но оказалось, что их там нет. Ломать дверь квартиры не решилась, а впустить наряд будет некому. Соседей она знала не настолько, чтобы попроситься на ночь, – они только пять месяцев назад сняли эту квартиру на бульваре Давыдова в самом центре Русановского острова.

Выбор был продиктован тем, что в киевской школе номер семнадцать, без всяких шумных приставок типа «лицей», растили вундеркиндов с таким уровнем подготовки, что выпускники спокойно поступали в любые вузы Украины и России без легальной и нелегальной финансовой поддержки со стороны родителей.

Они решили с мужем, что сын должен пройти обучение у таких выдающихся педагогов и в столь качественном окружении. Плюс и ей нашлась работа в этом же учреждении. Вот и сняли квартиру через дорогу от школы на том же бульваре.

Дурманила опавшая желтая листва. Совершенно точно тополиная. Уже было час после полуночи – в конце октября здесь это глубокая ночь. Редко автомобиль проедет, и вместо пешеходов разве что кошки... Голова беглянки горела, она представила, что будет прискоками гулять всю ночь по Русановке, пока не наступит утро, и она в ЖЭКе позовет слесаря вскрывать замки в присутствии наряда полиции, чтобы сразу забрать пьяного в «обезьянник» на трое суток, как это бывало раньше.

Она знала, что в участке много вопросов задавать не будут – ее и супруга знают как регулярных гостей. Но от стыда у нее уже сейчас загорели щеки.

Поймать такси и отправиться к свекрови на бульвар Перова, с тем чтобы свекровь оплатила такси, Эмма опасалась. Засушенная годами старушка спала с «берушами» в ушах и могла не открыть им дверь. Вариант с поездкой к брату мужа вообще не подлежал обсуждению. Вячеслав был спившимся звукорежиссером, давно распродавшим свою студию звукозаписи, в которой писались все начинающие звезды украинской эстрады, и даже метр Кобзон. В его квартире-студии всегда царил ужасающий беспорядок, дополнительных спальных мест не было, и сам хозяин редко бывал вменяемым и сытым. Поскольку он давно не работал, то питался тем, что мог своровать в супермаркетах, чем – если представлялся случай – хвастался. Так что Эмма предпочитала избегать любых встреч с ним.

Подруга Светлана, которая могла приютить в любое время дня и ночи, была в отпуске в Хургаде... Эмма отважилась позвонить в дверь школы, в которой она работала. Они могли бы поспать в спортзале на спортивных матах... Но, видимо, дежурный спал слишком крепким сном, или тоже использовал «беруши», или вообще покинул свой пост по неведомым причинам...

И, наконец, поездка к родителям на далекую Оболонь исключалась. Эмма не могла допустить и мысли, что сделает родителей свидетелями своего кошмара...

В общем, вариантов не было.

Они с сыном зашли на середину моста, соединяющего Русановку и проспект Воссоединения, ведущий на мост Патона. Влад молчал, она его обняла, и они оба смотрели на отражение фонарей в воде и тонущие листья, занесенные поземкой на воду. Возможно, ужас сегодняшней ночи будет стерт из памяти ребенка как неподлежащий хранению. Потому как очень силен конфликт любви к отцу, когда он вменяемый, и ужаса, когда он в запое. По крайней мере, Эмме хотелось верить в это.

Она считала себя виноватой в том, что сын многократно был свидетелем омерзительных сцен с участием пьяного отца.

Почему она не разводилась? Сначала такие сцены были редкостью – примерно раз в три года, а между запоями муж был золотым. Он ведь успешный переводчик с арабского языка и красавец под стать этому языку, носящий рубашки исключительно с запонками и батистовые платки на шее вместо галстука, говорящий на литературном русском и украинском языках в обычной жизни. Они были очень красивой статной парой. Ей все завидовали.

«Я для тебя достану звезды с неба!» – эта заезженная повсеместно фраза приобретала очевидное звучание в их семейной спальне, когда Кирилл оставался наедине с женой. И ей импонировало то, что муж был охоч до ласк, во время которых она физически ощущала, как разверзается потолок и исчезают все квартиры над ними, а с открытого неба сыплются звезды

на голову, сладко покалывая и кружа ум так, что он молча, с эффектом центрифуги удалялся на окраины сознания. Потом звезды покрывали кожу и уже было не понятно, то ли звезды продолжают падать сверху, то ли отрываются от кожи и устремляются в воздух и ввысь. В их спальне царили такие страсть, согласие и гармония, ради которых мужчина может бросить все. И ради которых женщина на многое может закрывать глаза. Естественно, пока не наступал запой.

А потом она считала часы до того дня, когда он будет лежать в полумертвом состоянии и начнет взывать о помощи тающим голосом, и она сможет вызвать бригаду специальной скорой помощи. Они введут много снотворного и прокапают много капельниц с глюкозой, чтобы он в заторможенном состоянии пережил приступ ломки и не отправился добавлять алкоголь для спасительного похмелья. Когда он выходил из запоя, словно возвращался на лодке Харона из царства мертвых. Кирилл тогда был похож на человека, с которого сняли кожу и который разучился ходить и говорить. И ее задачей было быстрее восстановить его, чтобы он скорее приступил к работе.

Витамины, бульоны, печеночные тоники... Эмма стала асом по выведению из запоев. Но разве это предмет для гордости? Она предпочла бы никогда не уметь делать это... Если бы не его болезнь, они бы уже трехкомнатную квартиру купили. А так – все съемные и попроще. Чтобы легче восстанавливать. А что говорить про расшатанные нервы? Мужнины запои – это гарантированное средство для раннего старения. И хуже всего чувствовать себя заложницей... А она просто втянулась не жить...

Ко всему этому окружающие внушали ей мысль, что сын должен расти при отце. Она и сама верила в то, что ее ребенок получит восхитительное возвращение в лингвистике и по жизни и никому другому, кроме Кирилла, мальчик не будет нужен. Тогда никто не видел, что происходило за закрытыми дверями, когда вышколенный аристократизм с магнетической маскулинностью тонули на дне полулитровой бутылки водки и окончательно захлебывались в добавленной полуторалитровой бутылке пива.

А позже, когда запои участились до раза в три месяца и стали продолжительностью по месяцу, она все жалела его. Правда, жалеть становилось все труднее и труднее. К тому же Кирилл подрывал финансы семьи. Он срывал сроки работ, на него накладывали штрафные санкции, а потом и вовсе перестали предлагать крупные переводы. Денег едва хватало дожить до следующего гонорара. Во время запоя дом превращался в побоище, которое надо было потом расчищать и отмывать, и Эмма даже не могла заставить виновника участвовать в чистке, так как он следующий месяц едва ноги передвигал, выходя из пике. И, конечно, с каждым запоем он становился все опаснее.

И вот она всматривалась в текущие воды и старалась понять, как же она прошла этот порог вседозволенности, как разрешила себе подвергнуть себя и сына смертельной опасности? Так не может продолжаться. Она подаст на развод – завтра же.

По мосту в сторону Русановки шел мужчина в темном пальто и сверкающих начищенных ботинках. Щегольский белый шарф под порывами ветра взмахивал концами, как крыльями, попадая мужчине в лицо, словно отвешивая пощечины. Мужчина прошел мимо Эммы и ее сына. Уже ступив на тротуар Русановской набережной, он остановился, оглянулся и вернулся к ним.

– Извините, с вами все в порядке? – встревоженно спросил он.

– Н-н-нет, не в п-п-порядке, – ответила Эмма, клацая от холода зубами.

– Я могу вам помочь?

– Н-н-не знаю...

– Почему вы здесь в такой час и... – глянув на ее пижамные штаны с принтом в бантики, заправленные в замшевые полусапожки – ...легко одетые?

У Эммы в горле свился комок из слез, и она не могла вымолвить ни слова. Сын ответил:

– Мы спасались от пьяного отца и не успели взять ни денег, ни ключей от квартиры...

– Понятно. Идем со мной, переночуете у меня, а утро, как известно, мудренее вечера.

– Ч-ч-ем мы вам заплатим?

– Улыбками! Когда отогреетесь!

– В-вы с-с-серьезно?

– Я похож на шутника?

– Вроде вы дяденька серьезный, – подключился сын.

– Меня зовут Данила Викторович. Живу вот в этом доме.

Он указал на дом справа на углу бульвара Давыдова и Русановской набережной – шестнадцатипятиэтажное квадратное здание с длинными балконами по всему периметру. Эмма знала, что в этом доме давали квартиры архитекторам.

– В-вы архит-тектор?

– Да.

– А п-почему вы ходите т-так поздно?

– А не езжу?

– Угу... – молвила Эмма, переминаясь с ноги на ногу.

– Я не люблю водить автомобили. Предпочитаю такси или рабочий автомобиль. И всегда люблю пройти от проспекта до подъезда моего дома.

– А в-ваша семья? Что скажет ваша семья на н-наш приход?

– Я давно разведен и живу один. Не переживайте.

– Я был-ла обязана с-спросить об этом.

– Да, однозначно!

– Ма, пойдем, этот человек нас не обидит! – рассудительно молвил Владик.

– А вас как звать? – поинтересовался, улыбаясь, архитектор.

– Мама – Эмма Вадимовна, а я – Владислав, или Влад, – торжественно ответил за двоих мальчик.

– Честно? Мне неловко и боязно к вам идти, – сжав губы, выдавила Эмма.

– Бывает, незнакомец безопаснее того, кого вы знаете много лет, Эмма Вадимовна.

– Согласна. И у меня, собственно выбора нет.

– Хотя я вас вижу впервые, но не могу оставить вас с ребенком на улице, мерзнуть в пижаме...

Эмма похлопывала по предплечью сына и подышала на заледенелые пальцы левой руки.

– Ну, если хотите, я оплачу вам ночь в отеле. Благо «Славутич» в пяти минутах ходьбы.

– У меня нет с собой документов...

– Ах да! Однозначно глупая идея!

– Я согласна! Простите, в смысле, я согласна идти к вам в гости.

Глава 5. Портал в счастье

Пока они шли к его дому, затем поднимались в лифте, Эмма внимательно разглядывала лицо ночного спасителя.

Темно-русые волосы ежиком, аккуратно подстриженные, четкая линия подбородка и нижней челюсти, формирующие круглое лицо – частая примета лидерства. Кожа без изъянов. Легкая щетина начала пробиваться и придавать менее формальный вид одетому с иголки мужчине. Нос нормального размера, но особенной формы: заканчивается утолщением в виде аккуратного «шарика» с бороздкой. А ноздри тонкие, с извивом. Эмма давно заприметила, что такие носы у людей, которые ценят красоту. Брови густые с сильным изгибом и напоминают сильно распластанную букву «л». Артистичен. Глаза серые и глубокие. Значит, при выборе людей руководствуется не их внешними данными, а внутренними... Губы крупные и пухлые – щедрый во всем. Уголки губ приподняты – оптимист. Крупные ушные раковины – крепко здоровьем.

– Рассматривайте, рассматривайте! Я не против! – расплылся в улыбке Данила Викторович.

Квартира одинокого архитектора приятно удивила Эмму отсутствием лишних вещей, предельным минимализмом и в то же время наличием предметов и деталей интерьера, свойственных дизайнерам.

Пол в прихожей был из необычного полированного гранита синего цвета с вкраплениями кварцевых кристаллов. Он своим густым синим индиго перетекал в зал, но за раздвижными дверями заливал уже отлично подогнанные деревянные доски. От них он поднимался по стенам вверх и плавно переходил в перламутровый зеленый – такой, как на перьях птиц или крыльях бабочек, а потом снова возвращался на потолке. На стенах мягко горели бра в виде золотых ананасов, наверное, из муранского стекла.

– Я не люблю, когда квартира встречает меня темнью, всегда оставляю свет, – словно извиняясь за свое электрическое транжирство, пояснил Данила Викторович.

– Теперь я верю, что вы архитектор. У вас такое стильное жилье! – воскликнула Эмма, – можно я рассмотрю эту комнату?

– Конечно, мне так отрадно, что вам по вкусу мое интерьерное решение.

– Прямо как в кино, где-нибудь на Манхэттене... А вы здесь обитаете!

Акцентом в комнате был самый настоящий камин. Его портал с лепными элементами тоже был в том же индиго. У его основания замерла плетеная из ротанга корзина, полная полевых, готовых выполнить свою миссию.

На каминной столешнице стоял куб из малахита, в котором уютно прикорнула японская микрососна, с другой стороны – очень красивая пузатая ваза из стекла цвета лайма с пузырьками, облитыми золотой глазурью. По центру стены над камином – круглое зеркало в простой сине-зеленой раме.

Все кресла в комнате были разных моделей и обивок, но удивительным образом не конфликтовали. Кожаное темно-зеленое кресло, оббитое по всем важным линиям медными гвоздями со шляпками, низкое и глубокое кресло, обтянутое шерстью в шотландскую клетку нежно-бирюзового с бежевым, с широкими деревянными подлокотниками и бархатное кресло без боковин с круглой спинкой цвета медовой горчицы, на котором лежала барашковая шкура, выкрашенная в точно такой же солнечный оттенок. Эмме показалось, что кресло позвало ее: «Не робей, заходи, осваивайся!»

Она даже от неожиданности слегка тряхнула головой, прикрыв глаза.

– У вас болит голова?

– Нет. Звуки слышатся странные...

– Это от усталости...

Маленький кофейный столик из ржавых металлических прутьев, причудливо скрещенных под стеклянной столешницей, уже ждал появления чашек с блюдами на своей поверхности и сиделок у камина. По центру комнаты растянулся тонкий домотканый коврик из светлой неокрашенной верблюжьей шерсти без узоров.

У противоположной от камина стены стоял оббитый желтым бархатом диванчик с лаймовыми и зелеными подушками в синюю крапинку.

Тяжелые портьеры разбавленного лаймового цвета плотно смыкались и лежали волнами по полу.

Данила Викторович дотронулся до выключателя, и центральная люстра с подвесками из ярко-желтого хрусталя засверкала и отзеркалила лучики по стенам. Молодая женщина не могла оторвать взгляда от плафонов в виде цветов желтого мака, у которых из сердцевинки вздымаются свечки-лампочки, окруженные стеклянными тычинками.

– Живут же люди в такой журнальной красоте! – подумала Эмма и поймала во рту привкус зависти.

Еще она зафиксировала, что рассматривание этого изысканного интерьера полностью выключило в ней дрожание от холода и стресса. Она забыла, как и почему оказалась здесь. Сын тоже рассматривал интерьер почти с открытым ртом.

– Что, сильно большая разница между тем, что снаружи дома, в подъезде и внутри моей квартиры?

– И сильно большая разница с тем, где живем мы, – честно призналась Эмма.

– Ну вы мажор, Данила Викторович! – с детской непосредственностью выдал Влад.

– У вас даже камин есть! Я как будто во Францию попала! Ну, если не во Францию, то точно на другую планету! Где нет запойного мужа, слез, черепков и только красота... – медленно проговорила Эмма.

– Ну вот и отлично! Сейчас уже поздно заниматься растопкой камина. Вы не против, если мы мажорно на кухне посидим, почаевничаем?

– Нет, не против, – тихо согласилась Эмма и погладила сына по макушке головы.

Женщине казалось, что увиденная красота будто произвела какую-то инъекцию, от которой ее кровь стала течь замедленно и сонно. И теперь казалось, что все случившееся с ней несколько часов назад – всего лишь сон. Тяжелый, мучительный, в щепках фанеры, но сон.

И что еще более удивительно, она чувствовала себя очень естественно в этой красоте, уже будто проросла в красоту этого удивительного зала.

– Но сначала я вам покажу гостевую спальню. Как вам спокойнее: спать в гостевой спальне, а сына разместить в гостиной или будете спать вместе на одной кровати в спальне?

– Вместе, – решительно ответила женщина, отрезая всякие варианты сближения с хозяином квартиры, если вдруг ему вздумается его осуществить.

– Однозначно правильное решение! – поддержал ее хозяин квартиры.

– Почему?

– И сыну будет спокойнее, и вам. Вас не затруднит застелить постельное белье? Я терпеть не могу застилать кровати и вдевать подушки в наволочки.

– Конечно, не затруднит.

Ей очень нравилось, что их спаситель говорит красивым языком, далеким от уличного.

Гостевая спальня казалась просто-таки аскетичной по сравнению с залом. Однако это был такой себе пастельный минималистический шик, который читался во всех предметах, наполнявших пространство.

Кровать с простым металлическим изголовьем, окрашенным белым, и удивительно высоким матрасом не скрипела, как ожидала Эмма. По бокам кровати вместо тумбочек – круглые столики, покрытые салфетками с мережками и вышивкой белым по белому. Для локальной

подсветки установлены бра на стене в виде глиняных кувшинчиков, повешенных вниз горлышками.

Белые оштукатуренные стены. Украшения на них – три старинные «фиранки» с вышивкой тоже белым по белому, обрамленные белыми рамами под стеклом.

Шкаф был деревянный, с множеством ящичков по центру, выкрашен в цвет мяты, а два деревянных стула радовали глаз осветленным васильковым цветом. «Мы вас ждали!» – беззвучно сообщили стулья...

В общем, не комната, а портал для разгрузки.

Хозяин достал из неокрашенного сундука, который служил прикроватной тумбой уже не одно столетие в разных домах, тонкие подушки из латекса в батистовых чехлах и расположил у изголовья. Потом достал еще одну и разъяснил: «Эту рекомендую для ног, если точнее – для колен».

Увидев изумление на лице Эммы, продолжил пояснение:

– Моя мама – ортопед и с детства приучила меня спать с тонкой подушкой между коленями. Так суставы – тазобедренные тоже, – получают правильное расположение и предохраняются от нарушения кровообращения и изнашивания.

– Спасибо, попробую, – постаралась быть вежливой Эмма, хотя ей не очень хотелось проводить эксперимент с подушкой именно сегодня ночью.

Но она решила, что следовать рекомендации хозяина – это в какой-то мере уважить его и доставить ему толику радости. Тем более, подушка между коленями может оказаться вполне комфортной штукой.

– Надеюсь, вы хорошо отдохнете за ночь!

– Я тоже надеюсь.

– Но прежде и сыну, и вам нужно принять ванну. Однозначно, у вас есть один час, чтобы избежать простуды, если вы сейчас попаритесь, насколько это возможно.

Он включил воду в ванной и принес туда комплект полотенец и халаты.

– Я приготовлю пока липовый чай и мед. А может, вы голодны?

– О нет, уже совсем поздно, чтобы ужинать, и рано, чтобы завтракать.

– А я не против подкрепиться, – деликатно сообщил Влад.

– Здорово! – оживился Данила Викторович. – Хоть порадую гостя!

– Если есть йогурт и печенье, этого будет достаточно.

– У меня есть блины, красная икра, хумус и конфитюры из груш, крыжовника и слив.

– Да, я такое люблю, – откликнулся ребенок.

– Ты знаешь, Влад, что такое хумус?

– Знаю! Это нутовая паста! Папа привозил из командировок из стран Персидского залива!

– А чем отличается конфитюр от варенья? – осмелилась спросить Эмма.

– В конфитюре фрукты и ягоды не развариваются, а сохраняются плотными.

– А как этого достичь?

– За чаем расскажу, если не возражаете!

– Да-да, простите...

– Не извиняйтесь. Просто важно побыстрее попариться.

Пока хозяин хлопотал на кухне, Эмма была с сыном в ванной. Пятнадцати минут хватило, чтобы он прогрелся. Данила Викторович дал мальчику свой хлопковый халат, который, конечно же, был гигантским и сделал Влада похожим на Карлсона, который пугал бандитов на крыше, надев халат не по размеру.

Ребенок отказался от блинов с икрой, но с аппетитом съел нутовые и конфитюрные варианты.

Эмма напоила сына липовым чаем вприкуску с липовым же медом и уложила спать. Отправилась в ванну и тщательно закрыла защелку изнутри.

Она лежала в горячей воде, которая прогревала ее до сердцевин косточек, и плакала...

Ей было жалко себя, ребенка, мужа... Она понимала, что ее любовь ничего не может изменить... Но признать фиаско, за которое она заплатила одиннадцатью годами замужества, – все равно что облить себя ведром помоев первого сентября при учениках с родителями. И, тем не менее, она признала, что не всеильна.

Потихоньку горячая вода расслабила мышцы и ум. Эмма почти заснула в воде, но усилием воли встрепенулась: неловко хозяина заставлять так долго не укладываться спать.

Женщина оделась в свою пижаму, поверх пижамы – тонкий вафельный халат, явно гостевой, завернула густые русые волосы в полотенце чалмой и, раскрасневшаяся, как красавица с картины Кустодиева, вышла на кухню. Заботливо укутанный чайник и мед в керамической плошечке под стать чайнику – явно от мастера с Андреевского спуска – ждали ее на столе.

Данила Викторович, наливая чай в прозрачные стеклянные чашки, поинтересовался: «Вы почувствовали себя лучше?»

– Однозначно! – ответила Эмма словом, которое числилось любимым в лексиконе хозяина.

Она полагала, что выпьет чаю и свалится спать. Но, оказалось, что прилив сил лишил ее сна.

Похоже, и Даниле Викторовичу не нужно было делать усилий, чтобы держать глаза открытыми.

– Что вы планируете делать с утра?

– Сына – в школу. А я не могу в таком виде... Надо будет позвонить директору, что у меня ЧП... Чтобы сделал замену.

– Вам нужна помощь?

– Спасибо. Вы уже ее оказали.

– Это не опасно: возвращаться к вам домой?

– Не знаю. Я вернусь с нарядом полиции...

– Эмма, могу я спросить вас о личном?

– Да, можете.

– Благодарю. Вы себя видите со стороны?

– О, предполагаю, что я сейчас очень смешная.

– Я не про сию минуту.

– Не понимаю...

– Эмма, скажите, как женщина с таким именем выбрала такую жизнь?

– А на каком основании вы меня спрашиваете об этом? И при чем тут имя?

Данила Викторович, не отводя глаз, ответил:

– Во-первых, об имени. Имя Эмма – это не Нюра, не Маня, не Фрося... Имя аристократичное и предполагает, что его носительница будет жить красивой жизнью. Скорее, добротной немецкой, нежели жертвенной славянской...

– Вот и моя мама то же самое говорила, когда рассказывала, почему выбрала необычное в наших краях имя.

– Необычное имя – необычные способности и необычная судьба.

– Правда?

– Правда. Только что вы сделали с собой, разрешив случаться таким ужасным событиям и обращению с вами...

– Именно об этом я думала, стоя на мосту...

– Эмма означает цельная. Вам нужно вспомнить, что вы цельная красавица и умница...

– Откуда вы знаете, что означает мое имя?

– Это имя моей бабушки по материнской линии...

– Спасибо вам, Данила Викторович.

Ее глаза увлажнились.

– Вот что я вам скажу, Эмма, вам было бы полезно пожить некоторое время у меня, независимо от того, как пойдет жизнь в той квартире, откуда вы убежали.

– Почему?

– Знаете, что происходит с фабричными курочками, когда их впервые выпускают на лужайку в деревне и там вокруг пощипывают травку сельские курочки?

– Не знаю. А что происходит?

– Фабричная курочка всю свою жизнь жила в клетушке, в которой на один квадратный метр с ней соседствовали еще пятнадцать таких же. Она привыкла к тому, что пространства нет. Ну как в тюрьме – бок о бок с товарками. И когда ее выпускают на волю, на зеленую траву, где она одна на десятки квадратных метров, если не на сотни, она несколько дней стоит на месте! Она просто не знает другой жизни! Она не знает, что можно наслаждаться свободой.

Эмма разрыдалась.

– Простите меня, ради Бога, – Данила сгреб ее ладошки и зажал между своих ладоней, – я совсем не хотел вас расстраивать!

– Да, я знаю. Я верю вам! Просто вы очень точно показали мою проблему через эту несчастную курочку. С той разницей, что она сама из фабрики выбраться не может... А я ведь человек. Я могу.

– Эмма, к сожалению, люди тоже иногда нуждаются в ком-то, кто их выпустит из их же клетки. Это как поломанная система сама себе помочь не может. Нужен мастер извне. Согласны?

– Да, именно так, – вздохнула Эмма и развернула чалму, вернув первоначальный вид полотенцу.

Роскошные русые волосы по пояс, еще мокрые, рассыпались по плечам. Она знала, что ее густые волосы – редкостное богатство и самый сильный пункт в ее внешности, но сейчас она не собиралась демонстрировать свою красоту – только подсушить.

– Вам нужен фен?

– Спасибо, что спросили, но я не люблю фенов...

Кухня оказалась совершенно новаторской – никаких открытых и застекленных полочек-ящичков и сложных фасадных поверхностей. Гладкие фасады из каленого стекла цвета бетона с фисташковым фартуком из стеклянной плитки в мелкие кубики. Рабочая поверхность – тоже фисташковая из композитного материала, который на ощупь – как камень, но «перетекает» и составляет углубление мойки. Пол из белоснежного мрамора, положенного без швов, и вместо обычного стола – кухонный остров с основанием из шкафов и огромной столешницей, на которой можно было бы делать выкройки. Стулья – барные с мягкими сиденьями из белой кожи и спинкой-подхватом на талию тоже из кожи.

Абсолютно мужской интерьер с явным отсутствием женского духа.

– А кто поддерживает у вас такой исключительный порядок? – не удержалась Эмма и задала вопрос на грани приличия.

– Я сам. Плюс раз в неделю приходит домработница. Она и готовит немного. Но я, знаете ли, балованный гурман, предпочитаю сам.

– А кто вас разбаловал? Мама?

– Нет, экс-жена. У нее сейчас ресторан в предместье Парижа и личные мишленовские звезды. Она как задала тон дома, так я и не смог снизить планку. Вы конфитюр с грушами попробуйте! Лично делал!

– А что это за вкрапления в конфитюре?

– Корочки лайма мелко нарезанные...

– И... бадьян?

– Да! Признаюсь, перепробовал и корицу, и гвоздику, и даже душистый перец, а вот бадьян оказался самым подходящим...

– Мне к вам надо на мастер-класс, – прикрывая глаза от наслаждения, молвила Эмма.

– С удовольствием проведу! Пробуйте сливы! Я их неделю присыпанными сахарной пудрой томил в духовке!

– Боже, какие тонкости! Сахарная пудра вместо сиропа!

– Да, может быть еще тростниковый сахар.

– Да, непременно. Начинаю смаковать ваши сливы... – молвила Эмма и отправила в рот половинку упругой сливки мармеладного вида. – Так мы отвлеклись от темы. Что будет «вторых?»

– А во-вторых, вы даже не представляете, Эмма, со сколькими женщинами меня знакомили родные, друзья и даже бывшая жена, которая сейчас в Париже.

– С француженками?

– И с француженками тоже. Но вот что любопытно: шел я себе по Русановскому мосту и почему-то меня таким магнитом к вам притянуло. Сейчас вот гляжу на вас и знаю одно: хочу, чтобы именно вы были хозяйкой в моем доме.

Эмма резко поставила чашку на блюдце.

– Позвольте мне договорить. Это вне всякой логики. Я вас не знаю. И в то же время мое сердце сейчас прыгает от радости, как будто знает вас. Как будто мне семнадцать лет и все невозможное возможно! И вот сидел бы и кормил бы вас конфитюрами всю оставшуюся жизнь... Образно говоря...

– Я глубоко замужем.

– По документам да. А в реальности – за бесом.

– Это как?

– Ну, вы же не станете отрицать, что тот человек, с которым вы шли под вальс Мендельсона, и тот человек, который заставил вас убежать в ночь, – это два разных человека.

– Да.

– Тот, кому вы давали обещания верности, уже не существует. Есть только его критически поврежденная оболочка и новое содержимое, которое внушает вам вину.

– Да, именно так. А вы сильны не только как архитектор!

Эмма задним числом сообразила, что сказала двусмысленность, которую можно истолковать в сексуальном контексте, и сразу вдогонку добавила:

– Я имею в виду, что вы сильны как психолог!

– Послушайте, Эмма, мы сейчас допьем чай и разойдемся по разным спальням. На этот счет можете быть совершенно спокойны. Быть может, у вас еще все наладится. Но знайте, что я вас подожду. То есть с утра мне надо будет в шесть тридцать уехать, вот вам ключ от квартиры. Занесете мне завтра или послезавтра вечером, ладно?

– И вы не опасаетесь, что я тут полквартиры вынесу?

– Нет, отнюдь. Вы не из таких.

– Это вы так ищете повод еще раз встретиться?

– И это тоже, не скрою.

– Ключи, конечно, занесу. Но я не буду с вами встречаться, потому что я замужем.

– Да, сегодня. А завтра посмотрим. Разное может произойти. Замужество может закончиться. И вы передумаете.

– Не исключено. Но мне трудно сейчас даже представить какую-то новую историю...

– Я вам неприятен?

– Что вы! Приятны. Но пока... не более того.

– Значит, надежда есть. Желаю вам крепкого сна. Знайте, что завтра, то есть уже давно сегодня, вы можете не только ключи принести, но и остаться еще на ночлег, если в вашем доме вам будет оставаться опасно.

– Спасибо, вы так вовремя прошли по мосту!

– Кто знает, может, это я должен сказать спасибо вашему нынешнему супругу, что он заставил вас оказаться ночью на мосту...

Глава 6. Желанная свобода

Что случилось дальше? Пастельная комната так охраняла сон Эммы и Влада, что они спали крепко и не слышали, как хозяин осуществлял утренний туалет, завтракал и покидал квартиру. Проснувшись около половины восьмого утра, Эмма застала на кухне манную кашу с цукатами в сверкающей полированных боками кастрюльке, которая, как ни странно, сохраняла кашу горячей без укутывания. Кастрюлька была очень толстостенная с тяжелым дном – такие раньше Эмме не попадались.

Нарезанный черный и белый хлеб под вышитой салфеткой, сырная нарезка под стеклянным колпаком со шпажками, на которых кусочки груши «Ниши» и груши «Конференция» рассказали женщине, что этот мужчина, несмотря на свою занятость, умеет заботиться о тех, кого хочет порадовать.

На столе лежала записка: «Доброго утра и приятного аппетита Эмме Вадимовне и Владиславу! Спасибо, что вы почтили мой дом своим присутствием и наполнили его светом!»

«Совсем по-арабски приветствует», – удивилась Эмма.

Она в ответ оставила записку на кухонном столе: «Благодарю, Данила Викторович! Вы – особенный человек с нестандартно большим размером сердца! Желаю вам только счастья! Завтрак восхитителен и подкрепил здорово. И да! Подушка для колен оказалась открытием года!» Влад сделал свою приписку: «Уважаемый Данила Викторович, спасибо за теплый прием! У вас нет доспехов, но вы настоящий рыцарь!»

Эмма пораньше отправила сына в школу как есть – без портфеля, написала записку для директора и просила Влада занести в его кабинет. А сама отправилась по маршруту жилищно-эксплуатационная контора, или по-простому ЖЭК – русановское отделение полиции – дом.

За дверью квартиры был тишина. Когда слесарь вскрыл дверь, не повредив замка, и она вошла в сопровождении наряда полиции, в прихожей их встретили затхлый и вызывающий рвотный рефлекс запах. На полу – крошево из фанеры, пять валяющихся коллекционных ножей, разбитая керамическая копилка с несколькими десятками монет врассыпную.

Она увидела мужа, лежащего в неудобной позе в ванной. Его босые стопы находились в дверном проеме, а голова прижималась к кафелю, обрамлявшему ванну. По этому же кафелю были размазаны нечистоты и кровь. Правая рука была неестественно вывернута в плечевом суставе.

Женщина окаменела и не могла ступить ни шагу. Полисмен двинулся в ванную и заслонил собой ужасную картину.

«Мертв. Вызывайте криминалистов и скорую!» – это предназначалось коллегам.

«Гражданка, присядьте в комнате!» – это уже ей, и Эмма не замедлила выполнить распоряжение: зашла в детскую, села на стул, на спинке которого висела школьная форма ее сына. Комната поплыла кругами.

Эмма удивилась тому, что первой всколыхнувшейся эмоцией была радость. Да, не грусть, не боль, не отчаяние, не горе по ушедшему... Радость. Она теперь свободна!

– Вам не понять, – сказала она пытливо глядящему на нее капитану полиции и точно узревшему искры улыбки в ее глазах.

– Отчего же? Видать, нагoreвались достаточно... С освобождением вас!

Тут Эмму прорвало, и она разрыдалась, как будто собрала рыдания за все годы мучений для одного момента. И каким бы он ни был, все же он человек, в которого она когда-то влюбилась, с которым она делила стол, постель, от которого родила сына. В голове не укладывалось, что то неуклюже распластавшееся тело, почти нагое, и есть все, что осталось от красавца и умницы Кирилла.

Капитан оказался удивительно образованным для рядового полисмена и обладал нестандартным умом, потому как слова его утешения прозвучали так:

– Эмма Вадимовна, бывает крайне важно очень вовремя кого-то потерять. Быть может, сейчас даже больше для вашего сына, чем для вас.

– Я сама, наверное, не смогла бы его бросить и уйти.

– Или не успели бы...

– Типун вам на язык, капитан!

– Типун – не типун. Я вам за жизнь говорю, – и, сменив тон на более официальный, продолжил: – Гражданка Любченко, мне нужно взять более подробные показания. И... у вас есть алиби на эту ночь?

– Да, – произнесла Эмма, неожиданно для всех собралась в комок и прекратила рыдать, достала из кармана куртки, которую так и не сняла, ключи от квартиры Данилы Викторовича, – вот мое алиби. Мне несказанно повезло!

Расследование показало, что смерть наступила от удара головой об ванну в состоянии критического опьянения около трех часов ночи. И если ли бы не случился этот роковой удар, то, вероятнее всего, отказала бы печень. Оказалось, что покойный Кирилл уже был болен циррозом. Алиби жены покойника и его сына подтвердил архитектор. Он же взялся помочь со всеми процедурами, связанными с похоронами, но сам на похоронах не присутствовал.

Он же нанял бригаду по генеральной уборке, чтобы Эмма с сыном не видели удручающую картину в съемной квартире и не притрагивались к... Ну сами понимаете, к чему.

Следующую ночь она провела в доме своих родителей, попросила приглядеть за сыном два дня, пока все траурное завершится.

Данила Викторович предложил Эмме с сыном переехать к нему. Но Эмма отвергла этот вариант категорически со словами: «В качестве кого?»

– Моей будущей жены, возможно, – с надеждой в голосе вымолвил архитектор.

– Вот когда мы определимся и заменим «возможно» на «точно», а «будущей» на «действительную», тогда я к вам перееду...

– Вы отличаетесь от многих женщин и по этому пункту, Эмма. Мои комплименты! Уважаю.

– Я рада, что вы понимаете меня. Так будет лучше для нас, если мы захотим построить что-то долговечное.

– Однозначно, Эмма. Вы согласны со мной видеться время от времени – как друзья?

– Вы полагаете, это возможно?

– Что именно?

– Дружба мужчины и женщины?

– Да. Как тропинка к большему.

– Или ни к чему...

– Дайте нам шанс!

– Я сейчас так раздавлена, что мне нечего дать, кроме боли...

– Это пройдет, Эмма, – Данила хотел обнять ее, но не осмелился.

– Но вы должны знать, Данила Викторович, что я испытываю к вам особые чувства. Прежде всего, они происходят из благодарности и понимания того, что мы так странно, но так своевременно встретились и вы поддержали меня, когда некому было это сделать. И все же для чего-то большего я должна быть уверена, что это не только благодарность... Дайте мне время.

– Я готов ждать. Я вам сказал это через несколько часов после нашего знакомства. Мне есть чем поделиться с вами. И самое важное, я хочу делиться с вами. Вы не наглая. Вы благодарная.

– Я жизнью побитая!

– Вы благодарная, как алмаз, который после огранки станет бриллиантом...

- Вы хотите попробовать себя в качестве огранщика?
- О да!
- Сегодня вы танк, который остановил трактор отчаяния... чтобы тот не раздавил меня своими гусеницами...
- Танк? Меня так еще никто не называл!
- Эмма потянулась и поцеловала его в щеку, как маленькая девочка.

Глава 7. Лабиринт Динары

Через два года после рождения Нэнси начались проблемы. Супругу словно подменили: она позабыла, в чем есть главное предназначение женщины, перестала радовать мужа и служить ему тем покровом внутри дома, за которым каждый мужчина, утомившись воевать во внешнем мире, спешит домой.

Адам же списывал холодность и отстраненность супруги на гормональные перестройки, сезонные колебания настроения, пыльные бури и февральские ливни. Но по-прежнему ни в чем не ограничивал супругу и старался доставить ей радость всем, что она просила. И не заметил, как вскормил ненасытное чудовище в красивой оболочке. Она стала казаться ему черной дырой, которая засасывает все ресурсы. И при этом все, что от нее достается в ответ, – злобный выхлоп вечного недовольства.

Однажды она заявила мужу о том, что не намерена больше хоронить свои таланты дома и хочет заняться бизнесом. «Зачем?» – спросил муж, почувствовавший, что ничем хорошим это веяние в голове жены не завершится.

«Я не какая-нибудь жена фермера. Я – дама из высшего общества и заслуживаю больше почета и больше денег!» – на высоких тонах высказалась Динара.

– Чего тебе не хватает? – спросил Адам. – У тебя итальянские белье и туфли, французские платья и духи, которые даже во сне не трогали многие египетские женщины! Аллах и так щедр к нам!

– Ну... это не значит, что мне не нужно стремиться к большему! – упрямо ответила жена.

– Зачем? – настойчиво снова переспросил Адам.

– Ты считаешь себя самым умным? Самым талантливым? Милостыню мне тут раздаешь! Надоело! – она перешла почти на визг.

– Побойся Аллаха, Динара! Как ты с мужем разговариваешь! Как ты ненасытна!

– Может, когда я буду работать, ты будешь больше дома бывать. А то девочки забыли, как ты выглядишь!

Тогда Адам предпочитал прекратить разговор вообще. Он был вымотан после тяжелой командировки и очень ответственного расследования проблем с вытяжной системой госпиталя в Хургаде.

Ему было проще дать ей денег и юриста открывать фирму, чем продолжать выслушивать упреки, переходящие в истерику. Меньше всего он хотел, чтобы Сальма с Нэнси были свидетелями приступов неконтролируемого гнева матери. И это было его критической ошибкой. С этого эпизода их семья войдет в пике, и никто не сможет вывести этот самолет из губительного падения.

Он нарушил всего один раз всего одно правило: нельзя поощрять недостойное поведение. При первом предьявлении недопустимого действия надо немедленно остановить человека так, чтобы повторять было неповадно. А открытие фирмы жене после ее демонстративно пренебрежительных заявлений в адрес мужа было, конечно же, поощрением, а не остановкой, и уж тем более – не наказанием.

Когда Адам спустя годы вспоминал этот эпизод, он понимал, что сам допустил критическую ошибку. Спрашивал себя, почему он попустил жене наглое поведение? Может, он все еще видел в ней ту Динару, с которой он провел первую брачную ночь, переполненный невыразимой нежностью? Может, он мерял ее по себе? Но он посмотрел еще глубже. Его поступок был продиктован тем, что он общался с породистым человеком, а не с беспородной шавкой, которая, не помня родства, норовит укусить за лодыжку любого, даже своего благодетеля. Позже он задавал другой вопрос: как же он не разглядел в породистом семействе шавку? Ладно он, молодой и неопытный, а как его мама не разглядела отсутствие породы?

Той ночью он улегся в белой пустой комнате, надел наушники и включил на всю мощь «Либертанго» Астора Пьяццолы в оркестровом исполнении. И слушал его снова и снова. Наверное, раз тридцать подряд...

Через три месяца она открыла туристическую фирму. Благодаря связям с министерством туризма, в котором муж ее сестры возглавлял департамент безопасности, фирма Динары с целеустремленным именем «Алатул», что в переводе с арабского означает «Вперед», получила огромные преференции и приоритет в обслуживании туристов в Каире и вверх по Нилу до Асуанской плотины.

Фактически сама Динара не особо себя утруждала. Она наняла менеджеров, которые заключали договора между поставщиками услуг и поставщиками туристов, от них требовалось успешно обеспечивать координацию денег и любителей старины. Но нужно отдать ей должное: она цепко взяла в руки вожжи своей туристической колесницы.

На следующий год она открыла направление зарубежного туризма для египтян. Тут помогли связи ее отца, который когда-то был атташе в египетском посольстве в Анкаре, Лиме, Торонто и Брюсселе.

Туристам, приобретающим тур в агентстве Динары, не было отказов с туристическими визами в Европу. Деньги полились двумя ручьями, которые вскоре превратились в два Гольф-стрима.

Наступил момент, когда фирма Динары стала зарабатывать больше, чем фирма ее мужа, затрачивая существенно меньше – без всяких складов с товарами.

Однажды, завершив ужин без жены и матери, Адам вместе с девочками убирал со стола.

– Баба, йа баба⁵, – напряженно позвала его старшая дочь.

– Да, покой моего сердца, Сальма! – чутко откликнулся отец.

– Почему у всех девочек в школе мамы как мамы? Отвозят их на машине на занятия, забирают из школы, вместе ходят в бассейн, вместе делают уроки, вместе шьют костюмы на бал... А наша мама... Она уже не знает, какой у меня размер обуви и какие зайцы вышиты на пижамке у Нэнси! Ей не интересно, что я не люблю печенье на завтрак и не хочу, чтобы бабушка меня кормила египетским завтраком. Она не в курсе, что я стесняюсь, что у меня волосы на руках и ногах густо растут...

Адам приблизил десятилетнюю дочь, обнял, усадил к себе на колени и прошептал:

– Сальма! Ты очень счастливая девочка! Густые волосы на руках и ногах можно легко удалить. Попрошу твою бабушку сделать это для тебя.

– И в чем же здесь счастье?

– У тех девочек, у которых обильно растут волосы на руках и ногах, роскошные волосы на голове! Остается только ухаживать за таким богатством, чтобы потом услаждать глаза твоего мужа!

Маленькая Нэнси – ей скоро исполнялось шесть лет – атаковала отца со спины и повисла на его шее, рискуя удушить под давлением своих рук и веса. Адам опустил на пол старшую и стал стряхивать с себя младшую, как крупный плод с дерева, пытаясь разомкнуть ее руки на шее. Нэнси довольно смеялась, сползая по папиной спине на диван. Потом она переворачивалась на спину и, болтая руками и ногами в воздухе, звонко заявляла: «Я не гуафа! Я большой светлячок – завалился на бочок!»

– Ты наш любимый светлячок! – щекотал ее по бокам отец. – Теперь пора принимать душ и укладываться спать.

Жена появилась далеко за полночь. Адам сидел в кресле и ждал ее во тьме спальни. Когда она прокралась к краю кровати, он включил торшер.

– Тебе не кажется странной такая семейная жизнь, Динара? – спокойно спросил ее Адам.

⁵ Папа, о папа! (араб.)

- У нас отличная семейная жизнь. Я хочу спать!
- Ты скоро забудешь, как выглядят твои дочери!
- У них есть папа, и я за них спокойна!
- А я нет.
- Ну, чтобы не раздражать вас, я съеду от вас пожить отдельно!
- Может, тебе надо не на отдельную квартиру, а в санаторий? Полечиться?

Адам вскочил к туалетному столику, на котором стояло красивое зеркальце с увеличивающим эффектом – удобно женщинам для нанесения косметики.

Он направил зеркало к ее лицу и спросил:

- Ты свои глаза видишь?
- А что не так с моими глазами? Ну да, не сняла макияж. Устала!
- А твоих глаз уже давно нет! – с горечью констатировал факт Адам.
- Как это нет? – возмутилась Динара.
- Вместо глаз моей жены я вижу заслонки с изображением долларов!
- Остроумнее было бы сказать «динаров»! Это тебе надо к доктору, к окулисту! – грубо сказала жена.

- Реплика достойна дочери дипломата в отставке!
- Если ты не оставишь меня в покое, я сейчас вызову такси и отправлюсь в отель!
- Думаю, это будет лучше сделать поутру, – сказал Адам и резко вышел из спальни.

Динара и вправду с утра съехала сначала в отель, потом на съемную квартиру. Ситуация была невыносимой для Адама, потому что, исходя из того, что ее поведение и отношение недопустимо по нормам шариата, он обязан немедленно дать ей развод. Только одного факта – того, что она покинула сама дом без дозволения мужа по шариатскому и, что важно, по светскому закону Египта, было достаточно для инициации развода, при котором самовольная женщина не получает никакой финансовой компенсации.

Но дело даже не в деньгах, поскольку Динара была очень богата. В их роду никто не разводился. Ну точно лет триста! Ему показалось, что его ДНК сжимаются в маленькие пружинки и протестуют от самой мысли о разводе. Наверное, для начала ему надо привыкнуть к самой мысли о необходимости развода.

На него насада вся родня с текстами о том, что ему надо потерпеть: жена, которая похожа на сумасшедшую, образумится и все потечет, как раньше, и никто не будет перемывать им косточки по поводу позорного развода. Больше всех была расстроена мать супруги. Она, обладая несколько взбалмошным характером итальянки-северянки, тем не менее, глубоко прониклась египетской семейной культурой и понимала, что подлинное счастье ее дочери Динары – в семье с Адамом и дочерьми. Она также понимала, что девочки в итоге будут отрезаны от ее семьи. И не потому, что Адам не позволит им общаться с бабушкой, прабабушкой и прадедушкой из Бергамо, с теткой Франческой, живущей от медовой виллы в двух кварталах, а потому, что дети не простят такого предательства. Им будет больно видеть родню покинувшей их матери. Она бы и сама не простила... Однажды Адам спросил свою мать, почтенную Омм Ясин: «Как ты думаешь, почему Динара переменялась?» Мать задумалась и ответила: «Много чужих и недобрых глаз сопровождали ваш успех. И какая же она красавица! Сабрина Ферилли, умноженная на Монику Беллуччи! Итальянская кровь с египетской всегда дают таких экстра-красивых женщин. Долго ли шайтанам присоединиться, когда стрелы зависти пронзают тело?»

– Мама, ты знаешь даже Сабрину Ферилли?

– Сынок, твоя мама элегантная и разносторонняя дама, хоть и любит носить египетскую абею, – мягко улыбнулась Омм Ясин.

– Мама, я молюсь Аллаху о том, чтобы он вернул Динаре здравомыслие и чистоту сердца.

Но пока все напрасно...

– Сын мой возлюбленный, надо, чтобы и она того же хотела... Аллах ведь подсобит после того, как человек сделает первые шаги в нужном направлении.

– А если это уже не она – ведь бесы текут по ее сосудам и хозяйничают в ее мозге, – то, как она захочет вернуться?

– Смирись, сын мой. Это ее лабиринт. И ты не можешь пройти его вместо нее.

Однажды он пригласил друга погулять пешком по парку на острове Замалек и подняться на смотровую площадку каирской башни. Это был его многолетний партнер по теннису – Омар. Адаму нравилось, что тот никогда не заискивал перед ним и всегда говорил, что думал. И в этот раз он спросил его:

– Послушай, друг мой Омар! Как же так могло случиться, что моя жена, изумительная женщина, превратилась в чудовище? Как так Аллах попустил, чтобы бесы ее попутали да в плен взяли?

– Аллаху алем⁶, друг мой, Адам. Я знаю одно: Аллах попускает вторжение бесов, когда у человека «форточка» открыта для них.

– Что ты имеешь в виду?

– Человек приоткрыл им часть окошка щелочкой, а они окно с дверями вынесут и разрешения не спросят...

– Что это за щелочка?

– Изъян в сердце. Они идут на этот изъян, они выжидают, когда этот изъян проявится. Вот, прости меня, ты хочешь мой комментарий?

– Конечно, я позвал тебя побыть со мной. Мне надо принять решение о разводе. И мне очень тяжело на сердце.

– У твоей супруги, да будет милостив с ней Аллах и вернет ее на здоровый путь, сильная гордыня. Вот она и стала той форточкой, в которую влезли шайтаны. К незапятнанному сердцу у них нет доступа, а к сердцу, наполненному светом пятиразовой молитвы, они не могут приблизиться вообще!

– Да, я не помню, чтобы последние годы жизни под одной крышей она молилась...

Адам стоял на смотровой площадке телебашни, овеваемый теплыми ветрами, и думал: «Неужели вся жизнь пройдет так безрадостно? В смысле без любви?»

Друг, словно прочел его мысль, обнял и сказал: «Оставь все свои печали Аллаху. Он Всеведающий, Он лучший Распорядитель нашими судьбами!»

Была еще одна тема, которую он не мог обсудить ни с кем.

Возникло еще одно интимное обстоятельство. И он, и она оказывались постоянно далеко друг от друга, сексуальное напряжение росло, оно должно было находить сброс. Вопрос с кем? Если она замужняя дама – то с мужем, разумеется. Он женатый мужчина – значит, с женой. Но он ее уже не хотел видеть и слышать, не то что вместе возлежать на одном ложе. В то же время она заявила ему, что если она совершит прелюбодеяние – этот грех падет на него, поскольку он ее не удовлетворяет.

Тем не менее, три года раздельной жизни дали свои плоды.

Адам постарался открыть новую страницу в их отношениях и попробовать все с чистого листа.

У него витала призрачная надежда, что у супруги прояснится замутненное сердце, она очнется и вернется в семью. Он водил ее в рестораны на обед, иногда на концерты или в оперу. Он возил ее в Грецию, на белоснежный Санторини. Затем на Миланскую выставку обуви. И после гостевания у бабушки и дедушки в горном домике в Доломитах повез жену есть мороженое не куда-нибудь, а в Тоскану, в Сан-Джиминьяно, в джелатерии у тройного обладателя мирового кубка мороженого.

⁶ Аллах знает (араб.).

Как потом решил Адам, этот период имел только одну ценность: в марте 2007-го года у него появилась еще одна дочь, которую он назвал Дана – желанная. К моменту рождения супруга вернулась в дом. Сказать, что жизнь семьи изменилась, было бы преувеличением. Она жила, как планета, которая летает по своей орбите, никогда ни с кем не пересекаясь. Или как гостя в отеле: получала сервисы и ни с кем не контактировала, даже с дочерьми. После рождения третьего ребенка через полгода супруга снова съехала жить отдельно на квартиру.

Что же послужило толчком к окончательному разрыву?

Динара перемотала грудь тканью и объявила, что между ею и дойной ослицей – большая разница, и если кто ее – эту разницу – не заметил, то это его или их проблемы.

Она активно включилась в работу своей фирмы, полностью вычеркнув из своего графика уже трех дочерей.

Однажды Динара пришла около полуночи, приняла душ и позвала мужа из спальни.

У Адама встрепенулось сердце: неужели переменилась?

Динара возлежала обнаженная среди подушек в недвусмысленной позе, разметав волосы для пушей соблазнительности. Адам вопросительно глянул на жену. Она поманила его пальцем.

– Что случилось? – спросил он настороженно, поскольку эта сцена была уже совершенно не типичной.

– Я тебя хочу, – молвила Динара, играя прядью своих длинных волос.

– Даже не знаю радоваться или нет...

– Отчего же?

– Не хочется больно падать после полетов...

– Глупый! Тебя зовет женщина, а ты разговорами занимаешься!

Он решил достать из тумбочки свечи, которые никто не зажигал несколько лет.

Ему захотелось опять волнительной романтики, воспоминание о которой вихрем пронеслось в его теле от макушки до стоп. Он ощутил, как же его тело окостенело за годы вынужденного одиночества.

– Адам! – голос жены прозвучал, как у бригадира на стройке.

Он оглянулся. Ее итальянская красота испарилась, и проявился африканский оскал:

– Иди сюда и выполняй свой супружеский долг! Ты что, не видишь, что мне некогда ждать твоих свечей!

– А сколько у тебя есть времени на супружеский долг? – с нажимом на последние слова спросил Адам жену.

– Ну, минут десять, я думаю, с тебя хватит.

Он почувствовал себя заключенным князем в темнице, которому после жизни на свободе, после пиров в горнице фаршированными голубями да рыбой-дениз, запеченной с лимонами и розмарином, подали немытую щербатую миску с юшкой, в которой плавали опарыши.

Мужчина развернулся к жене и произнес медленно и тихо: «Я не хочу тебя. Отныне никогда. Амин! Ты разведена. Ты разведена. Ты разведена. Завтра ты покинешь этот дом навсегда. Мой адвокат с тобой свяжется».

Ей показалось, что он резанул воздух между ними гильотиной, и женщина содрогнулась.

От развода его уговаривали все без исключения взрослые родственники. Но он твердо решил развестись, и главный мотив был таким: рано или поздно ей нужен будет мужчина, и если она станет чей-то любовницей, будучи по документам замужем, она опозорит его. Он же, будучи официально мужем, перед Аллахом обязан заботиться о ней и о ее сексуальном удовлетворении, что было уже категорически невозможно. К тому же перед Аллахом они разведены: он дал ей тройной развод по шариату, трижды произнеся: «Ты разведена». Теперь, чтобы ее вернуть по исламу, он должен был дожидаться ее замужества с другим мужчиной, затем ее

развода с ним и только потом он сможет вернуть ее как жену. В общем, никаких лазеек, слава Всевышнему.

Спустя восемь лет упадет российский самолет на Синае и туристические дела жены устремятся в пике. Она не постесняется попросить приюта в доме бывшего мужа, сетуя на бедность. Конечно, Адам понимал, что она технически не может быть бедной после десяти лет в бизнесе с миллиардными оборотами. Но он очередной раз понадеялся, что мама ищет повод вернуться к дочерям.

Адам будет держать совет с детьми: открывать ли ей дверь, впускать ли ее? Данита захлопала в ладоши: «Пускать!» Сальма задумалась, поджав губы, потом выдавила из себя: «Пап, мы тебе вряд ли хорошие советчики. Нам с тобой хорошо. А с ней – не очень...»

Нэнси была категорически против: «Мы здесь и без нее прекрасно справлялись, папочка. Явится и будет изображать тебе верную жену, а нам добрую маманьку?!»

Адаму резанула сердце та резкость, с какой дочь отозвалась о матери. С уязвленной ревностью, как если бы Нэнси была не дочь, а его новая жена.

Впрочем, не удивительно. Она уже много лет, хоть и ребенок после того, как замужняя Сальма переехала в дом мужа, выполняла функции отсутствующей мамы и жены в бытовых вопросах. Заигралась...

И Адам решил спросить бывшую супругу: а как она видит свою жизнь в семье, не будучи его женой?

Она, не размышляя, ответила: «А я тебя стеснять не буду. И девочек тоже. Я буду приходить, когда вы спите, и уходить, когда ты на работе, а девочки в школе, в институте».

Адам сразу ответил: «Извини, у нас не отель для одиноких женщин. Поищи пансион в другом месте». Это и был его момент невозврата. После этого эпизода он уже более никогда не разрешал задавать себе вопрос о возможности возврата экс-жены даже только в качестве мамы. Он запер дверь между ними, задвинул засов и, пройдя деревянный мост, поджег его бутылкой с зажигательной смесью.

У нее было право только дважды в год приходить на семейные празднования двух фестивалей Аль-Аид. Эту милость для нее выпросили синьора Мирелла и маленькая Данита.

Глава 8. Фрау с собачкой

Долгожданные отпускные Адам пил, как воду в жаркой пустыне.

На следующий день лидер семейного клана спланировал свободу от большого семейства и объявил, что официальных совместных событий не будет. Он хотел расслабиться в самом близком окружении – с мамой и дочерьми.

Они решили пообедать в модном ресторане бельгийской кухни «Chez Chantal» с бельгийским шефом во главе этой самой кухни. Как вы уже могли заметить, Адам был не равнодушен ко всему бельгийскому. Что касается кухни, она была изысканная и пряная, что делало ее желанной даже для обычных египтян со вкусами, некорректированными в Европе.

Нэнси вызвалась зарезервировать столик на террасе, на третьем уровне ресторана. Всем пришла по душе идея занять диванчики с малиновыми подушками и созерцать красоту залива. Терраса была отгорожена от мира стеклянными перегородками, поэтому здесь никогда не бывало ветрено, но в то же время всегда свежо.

Заказ сделали быстро. Как всегда, старались заказать различные блюда, чтобы потом угощать друг друга и так насладиться вкусовым разнообразием. Официант настойчиво предлагал омаров, Адам категорически отказался. Он не мог есть мясо придонных очистителей – оно пахло застойной водой и теми, кого и в какой стадии омар поедал с этого дна.

Салат из молодых осьминогов, салат из циккория, паштет из угря, уха из мелкой морской рыбы, заправленная желтками со сливками, суп-пюре из спаржи и стручковой фасоли, приправленный бельгийским тертым сыром. Еще крупные мидии, запеченные в пряном соусе, телячьи почки в соусе с ягодами можжевельника, целых три порции картофеля фри, поскольку не поесть в бельгийском ресторане изобретение бельгийской кухни – большая ошибка. И на гарнир тушеные овощи – картофель, сельдерей, морковь, брюссельская капуста – как же без нее? – приправленные гвоздикой и мускатным орехом...

Данита, увидев, как красиво поданы заказанные блюда, воскликнула: «Мы их будем фотографировать или есть?»

– Можем сфотографировать, а потом съесть! – заявила Нэнси, щелкая камерой своего мобильного в режиме макро – съемки. – Будет натюрморт в стиле семнадцатого века...

Сальма прокомментировала: «Данита, ты просто не была в Европе. Такая презентация блюд в ресторанах там – норма!»

– Ба, а пиво пить будем? – задала провокационный вопрос Нэнси.

– Безалкогольное и только я, – сразу отрезал глава семейства.

Адам мог расслабиться в общественном месте, потому что его дети были вышколены по европейским стандартам и вели себя за столом безупречно, чего не скажешь о детях за соседними столиками.

Вот ближайшая к ним семья. Адам краем глаза увидел, как страдающие от безделья и тоски дети, у которых нет аппетита, потому что в ресторан они вошли с полупустыми пакетами чипсов, мучаются пребыванием в ресторане, пиная друг друга ногами, сбивая кепки с голов друг друга, соскакивая со стульев и укладываясь то одной, то другой щекой на сиденье и елозя лицом по нему... Мать семейства в эти минуты, похоже, потеряла не только зрение, но и, наверное, этих детей. Будто их нет в природе и в этом ресторане – в метре от нее. Отец семейства с чертами лица, свойственными уроженцам Персидского залива, озабочен тем, чтобы положить повкуснее кусочек в тарелку супруги из каждого заказанного блюда, которыми щедро уставлен стол. Он тоже в упор не видит, что вытворяют дети. Ох... Адам внутри перевернулся и отвернулся. Как странно, что детей не останавливает красота, а взрослых – право других в этом ресторане отобедать в тишине и комфорте...

Семейство Адама выбрало десерты. Бельгийские вафли с бельгийским шоколадом и взбитыми сливками, свежая клубника с бельгийским шоколадом, яблочные тарты. Кофе для взрослых. Вода для детей.

Пока ждали десерт, неспешно делились впечатлениями от распробованных блюд. Тут раздался шум на лестнице перед террасой. Все невольно повернули головы к входу. Метрдотель закрывал своим телом вход на террасу со словами:

– Сорри, мадам, это ресторан для людей, а не для собак!

Но мадам оказалась напористой, а вежливый египтянин не мог допустить соприкосновения тел, поэтому отступил на шаг.

В проеме показались две женщины, европейки. Обе в льняных брюках и туниках. Одна из них держала на руках рыжего шпица.

«Ну надо же было приехать из Каира в Эль-Гуну, чтобы встретить здесь ее!» – с досадой подумал Адам.

Он оглядел свое семейство: все, кроме Али, узнали ее, потому как резко перевели глаза с дверного проема на него.

Тем временем метрдотель четко потребовал, чтобы дамы, если хотят отобедать, оставили собачку в машине, или вход для них закрыт. Дамы, выплевывая возмущения на немецком языке, не отказали себе в удовольствии отведать бельгийских блюд и таки отправились водружать собачку в салон автомобиля. Потому как через минут семь они снова появились на террасе и заняли круглый столик, накрытый льняной скатертью с рисунком в розовые букеты.

– Деда, а эта тетя помыла руки после собачки? – Али спросил так звонко, что его услышали во всех частях террасы.

– Не знаю, – ответил внуку Адам, – важно, чтобы ты всегда мыл руки семь раз, если потрогаешь собачку.

– Да лучше ее тогда вообще не трогать, а только смотреть на нее! – резюмировал Али.

– Разумно, – подвел итог Адам.

Все члены семьи солидарно хранили молчание, только Нэнси прокомментировала:

– А кто-то грозился покинуть Египет через год!

Адам в упор глянул на дочь и произнес: «Нэнси, мы сейчас не нуждаемся в твоих замечаниях!»

Адам испытал чувство отвращения, которое закрыло его желудок, и он не мог притронуться к вафлям в шоколаде и под взбитыми сливками.

– Сын мой возлюбленный, – молвила издалека Омм Ясин, – появление гражданки Германии не может служить поводом для отказа от бельгийских сладостей!

– Да, если эту гражданку зовут не Ребекка и фамилия ее не Фэртиг!

– Папа, ты не подойдешь к ней поздороваться? – нежно спросила старшая дочь.

– Еще чего не хватало! – отбрила средняя старшую.

– С каких пор ты уже папа? – строго спросил Адам.

Нэнси показалось, что у него случился электрический разряд в глазах.

– Прости, папа. Просто Сальма задает глупые вопросы...

– Позволь мне самому судить о глупости или мудрости вопросов, обращенных ко мне! – резко высказался Адам и, обратив лицо к старшей дочери, продолжил: – Доча, хайети, с какой стати я пойду с ней здороваться? Она уже чужая женщина... Мне не пристало уподобляться европейцам, которые бегают за бывшими...

– Ок, папа. Сорри.

Адам предпочел, чтобы они завершили трапезу, быстро рассчитались и покинули ресторан.

Конечно, Ребекка – искусная ловушка для мужчин – уже окинула зал и оценила присутствие одиноких мужчин. И он переживал, что она, конечно же, узнает его семью, особенно после возгласа Али. И меньше всего он хотел, чтобы она подходила к ним.

Адам предложил дочерям с мамой и Али отправиться к выходу и сам пошел к стойке метрдотеля. Рассчитался наличными, поскольку ресторан не принимал карты, тепло поблагодарил за кухню и обслуживание, оставил щедрые чаевые в размере двухсот гиней и стремительно отправился к выходу.

К его изумлению, на ступеньках ему преградила путь Ребекка.

Прическа в стиле Мэрилин Монро, слегка располневшие формы. Да, стабильная жизнь в Египте тому способствует...

– С каких это пор ты отличаешься невежливостью?!

– Извините, мадам, вы обознались.

– Да-да! Обозналась с целым семейством на пять человек!

Она одной рукой ухватила за поручень, другой оперлась о стену.

– Пропущу тебя, когда ты скажешь мне комплимент!

– А еще говорят, что египтяне пристают к европейским женщинам!

Но Ребекка решила окончательно испортить настроение Адаму и не открывала ему путь вниз по лестнице.

Адам знал, что подвыпивших или нахальных людей можно остановить только неожиданным резким выпадом, который они никак не ожидают от элегантного человека.

– Мадам, от вас дурно пахнет. Наверное, собачатиной...

Сработало! Ребекка захлебнулась воздухом и, оторвав руку от перил, занесла ее, чтобы ударить Адама по лицу. Но потеряла равновесие и была вынуждена прислониться к стене, открыв Адаму путь. Чем он не преминул воспользоваться.

Часть 9. Свадебные подарки

Когда Адам объявил матери, что он встретил женщину, которая вернула его к жизни, Омм Ясин поинтересовалась ее профессией.

– Она пианистка, – сказал Адам

– Не слишком ли много музыки для одной семьи? – спросила дальновидная мама, узревшая не очень хороший знак в совпадении профессии с бывшей женой.

– Мама, она не напополам европейка, а полностью европейка. Я надеюсь, что теперь будет все хорошо.

– А девочки? Они ее примут?

– Я постараюсь их подготовить. Ребекка очень красивая. Она им понравится.

– Сын мой, им ее красота не нужна. Она сможет им стать второй мамой?

– Аллаху алем.

– То-то и оно. Ин шэ Аллах⁷.

Он познакомился с тридцатичетырехлетней Ребеккой после концерта в Гете-институте, в котором он находился по приглашению немецкого посла. Она играла произведения малоизвестных для обычных людей немецких композиторов. Эти музыкальные эпизоды сопровождали чтение немецкой поэзии. Адам не был силен в немецком, можно даже сказать – крайне далек от этого языка, но Ребекка произвела на него впечатление сладкой молнии, упавшей прямо в сердце.

Тонкий прямой нос, губы бантиком, светлые брови дужками, голубые крупные глаза, как две Марианских впадины, волнистые белые волосы до плеч. Марлен Дитрих двадцать первого века.

Внешне она была полной противоположностью Динары и от этого открывала надежды, что на сей раз история любви не завершится крахом. И он представил, какие красивые дети у них родятся! Ин шэ Аллах!

Адам до встречи с фройляйн Фэртиг наслушался витавших в пространстве представлений о том, что немки крайне рациональны, мало эмоциональны, за собой мало следят и не балуют тело депиляциями, что у них интимные радости строго по расписанию, как и все остальное. Поэтому был немало удивлен, когда открывал в Ребекке эмоциональную отзывчивость, внимательность, умение украсить себя и далее по списку все с точностью до наоборот. Такое впечатление, что она училась у русских или в ней течет русская кровь, хоть она этот факт и скрывает.

Он знал, что в Вене есть школа для барышень, которые хотят выйти замуж за состоятельного мужчину, и хозяйка этой школы – уроженка русской глубинки, которая охмурила австрийского банкира. Он даже получал приглашения на венские балы от этой школы как престижный жених. А Ребекка на прямой вопрос, не училась ли она дамскому мастерству в Вене, не скрывала этого факта и подтвердила с гордостью: «Да».

– А ты считаешь это предосудительным? – встревожилась женщина.

– Отчего же? Мне нравится, когда женщина обучается специальным наукам, чтобы быть причиной особых радостей для мужа.

– Надеюсь, я стану для тебя причиной радостей, – сказала она с искорками в своих синих морях.

– И я надеюсь, – молвил Адам, целуя ее руку.

Она говорила мало, ум Адама отдыхал с ней. Она чаще задавала вопросы и внимательно слушала ответы, поглаживая его пальцы. Это было очевидное послание – тактильно она обе-

⁷ Если Аллаху угодно (араб.).

щала ему удивительные наслаждения в постели. Ее пальцы были мягкими, теплыми, скользящими, конечно, с остриженными ногтями. Только эти прикосновения уже дали ему понять, что ночи с Динарой были удачными экспромтами, а ночи с Ребеккой станут утонченными дегустациями.

Ребекка всем своим видом давала понять, что она давно сгорает от страсти и не хотела бы терять время. Более того, она оказалась в курсе египетских правил: они не могут уединиться для пылкой любви, не став мужем и женой.

– Адам, хани⁸, давай полетим в другую страну, где никто на ресепшене не запросит наш свадебный контракт!

– Ты полагаешь, я ищу лазейки?

– Я думала, ты будешь рад!

– Конечно, я буду рад обладать тобой. Но только в качестве законного мужа.

– Почему не сейчас?

– Я верующий человек. Аллах запретил незаконные связи.

– Ох! Ты хочешь сказать, что никогда не пробовал... незаконные связи?

– Это некрасивый, оскорбительный вопрос. И я не обязан на него отвечать. Я вот не задаю тебе подобные вопросы, хотя в ответе уверен.

– Ну ладно, хани, не заводись!

– Поверь, я страдаю не меньше тебя, но для нас будет лучше обождать. Я не вожу женщин в свой дом. Я могу привести только невесту – познакомить с моей семьей.

На момент встречи с Ребеккой Адам уже был четыре года одиноким отцом. И да, в Египте нет возможности делать пробные союзы для безответственного сожительства. За редчайшим исключением в среде людей, которые себя не уважают и их не уважают в обществе – например, семьи наркоманов. Посему, как только он почувствовал, что эта белокурая красавица воскресила в нем радости жизни, и посчитал, что она достойна стать его женой, он сделал ей предложение.

Через пять месяцев после знакомства – по египетским меркам достаточно много для мужчины, у которого нет финансового стеснения, – он привел ее на вершину той самой каирской башни, где когда-то сам себя спрашивал, будет ли жизнь такой безрадостной всегда? И вот в этом же месте он открыл коробочку с обручальным кольцом и, поблагодарив Всевышнего за посланную новую супругу, надел ей на безымянный палец правой руки колечко с трех-каратным бриллиантом чистой воды.

Неожиданно появившиеся из лифта музыканты с аккордеоном, скрипкой, виолончелью, флейтой и перкуссией залили смотровую площадку звуками песни «I will always love you». Две девушки в костюмах жар-птиц осыпали пару красными лепестками роз и гибискуса.

Он видел в глазах возлюбленной, что она удивлена, впечатлена и счастлива.

Поскольку немка – не египтянка, процесс женитьбы растягивается надолго. Сначала заключается орфи-контракт в офисе адвоката. И на основании этого первого контракта невесте открывают визу невесты на полгода, в течение которых пара должна пройти все необходимые процедуры проверки и подготовить документы для официальной государственной регистрации союза. Но с момента подписания первого контракта Адам уже мог ввести свою невесту как жену в свой дом.

Никому из родни молодая жена не понравилась, но это не сильно опечалило Адама. Жизнь-то его!

А дочерей он понимал. Они, конечно, за столько лет безраздельного владения отцом стали собственницами. Им сложно было согласиться на появление чужой женщины. Даже

⁸ Адам, милый (англ.).

такой красивой и даже умеющей играть на фортепиано, как мама. Наиболее лояльной будет Сальма. Она уже вышла замуж, у нее есть муж, она уже отвязывается от отца.

Первую семейную встречу с Ребеккой Адам организовал как путешествие в заповедник Эль-Файюм в январе, когда на озерах зимуют птицы из Северной Европы. Натянутость иногда нивелировалась восторгами по поводу красоты природы. Как и предвидел Адам, Сальма была самой коммуникабельной. Она расспрашивала гостью о традициях немецких семей, о ее детстве, юности... Они беседовали о музыке. Почти четырёхлетняя Данита с удовольствием вложила ладошку в ладонь Ребекки и могла просто молча шагать рядом.

Нэнси решила, что она – почетный семейный экзаменатор и расспрашивала немку о ее египетских впечатлениях и планах.

У Ребекки контракт с Гете-институтом и несколькими отелями на один год. А там дальше будет видно, продлит ли она пребывание в Каире или нет...

Нэнси, конечно, сразу поняла, что разговоры о жизни после годичного контракта – для папы, чтобы боялся ее потерять...

Что до ее эмоций в отношении папы... Нэнси сомневалась. Отец – пусть не высокий, но красивый и знатный мужчина. Наверное, половина женщин легко влюбляются в таких, как он. Но вот эта фройляйн Фэртиг... Действительно ли она влюблена в мистера Адама? Или все-таки в возможности, которые ей открывает отец?

– А сколько детей вы хотели бы иметь, фройляйн Ребекка? – зашла с другой стороны Нэнси.

– О, представляешь, я хотела троих! А у моего любимого мужчины уже есть три дочери! «Переигрывает! Слишком экзальтированно радуется тому, чему ей и радоваться не стоит!» – внутри Нэнси продолжал работу эксперт.

Невеста отца не просекла умозаключений Нэнси и на той же волне продолжала.

– Какое счастье! Целых три девочки! Поэтому еще одного хватит! – заулыбалась Ребекка, оголяя крупные, выступающие в верхнем зубном ряду клыки.

Нэнси, увидав такое строение зубов – единственный недостаток во внешности Ребекки, сразу почувствовала, как после свадебного торжества фрау Фэртиг вонзается ими в огромный кекс, на котором лента с их фамилией – Радуани.

Нэнси продолжила смотреть это внутренний микрофильм и следующий кадр срежиссировала сама: Ребекка пытается проглотить слишком большой кусок и давится...

– Что-то не так? – игриво поинтересовалась обладательница клыков и дотронулась до плеч Нэнси.

– Все хорошо! У вас очень мягкие руки, как и полагается пианистке!

Нэнси не соврала. Действительно, руки у нее мягкие, и она почувствовала себя очень хорошо. Почувствовала, что эта фройляйн, хотя и намерена официально запрыгнуть в постель к ее отцу, этот турнир не выиграет. И никакие венские школы не помогут! Про эту школу она услышала в их разговоре и отправилась на поиски в Интернет, сделала перевод страницы и в целом поняла, чему там учат.

– Ну если Аллах не одарил сердцем и мозгами, то она безнадежна, – сделала вывод Нэнси, естественно не вслух.

Адам не исключал сложностей периода притирки, поэтому даже навязчивые расспросы и натянутые моменты его не расстроили.

Когда глава семейства представил своим дочерям в своем доме фрау Фэртиг в качестве новой жены, сказал такое предложение по-арабски:

«Девочки! Постарайтесь принять мою жену, поскольку ее приняло мое сердце. Я очень люблю вас и любовь к женщине не уменьшает любви к вам. Вы не конкуренты друг другу. И не заставляйте меня разрываться между вами и ею!»

Ребекке он сказал на английском, и, конечно, его дочери, поняли, поскольку прекрасно владеют этим языком, обучаясь в британской школе.

«Ребекка! Прими моих девочек в свое сердце, потому что они появились в моей жизни раньше тебя и в них течет моя кровь. Никогда не заставляй меня выбирать между ними и тобой. Потому что выбор будет не в твою пользу».

Сальма – тогда замужняя дама, беременная мальшом Али, в сопровождении супруга преподнесла новобрачной дизайнерский букет цветов и коробочку с тремя тонкими золотыми браслетами.

Нэнси с наивной улыбкой пятнадцатилетней девочки вручила Ребекке сверток в красивой бумаге с золотыми лентами.

Четырёхлетняя Данита принесла ей красивый медный поднос с чеканкой ручной работы с красиво уложенными египетскими сладостями от ее любимой кондитерской.

Ребекка поблагодарила за подарки и нежно поцеловала девочек.

Адам глянул на Нэнси и увидел, что она готова прыснуть со смеху. Значит, подготовила какой-то подвох.

Когда они уединились с Ребеккой в спальне и она развернула сверток-подарок средней дочери, из него выскользнула черного цвета полиэстровая абая, цена которой сто гиней, и накидка на голову, закрывающая все лицо, оставляющая только прорези для глаз. Кроме одежды, в свертке были сахарная паста для удаления волос с тела и лосьон от облысения...

Ребекка не смогла скрыть негодования, которое перекосило ее лицо.

Адам обнял супругу и попытался загладить дурацкую выходку дочери поцелуями.

Ребекка же оттолкнула его и прошипела сквозь зубы:

– Если она так встречает меня в день свадьбы, то что будет дальше? Она будет мины раскладывать на моем пути?!

Адам все же крепко обнял ее и сказал: «Ребекка, сколько лет ты прожила со своей мамой?»

– Восемнадцать.

– А она только шесть, и то урывками. И то условно... Прости ее. И мой тебе совет, попроси ее завтра научить тебя надевать эту одежду...

– И не подумай. Я никогда не буду из себя делать почтовый ящик!

Лицо Адама побелело.

– Поступай как знаешь. Я бы советовал внимательно подбирать слова, особенно если тема тебе малознакомая. И сегодня ты будешь спать одна.

– Адам, хани, почему? За что ты меня наказываешь? Мы так ждали этой ночи!

– Подумай сама. У тебя будет время до утра. И не вздумай устраивать сцену сейчас, – сказал он с мрачным лицом и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Меньше всего он ожидал такой брачной ночи: он один в «Пустом ящике». Устроился на тюфяке, даже не сняв костюм.

А Нэнси в это время не спала, тихо разговаривая по телефону с подругой Нафисой.

– Как жалко, что я не видела момент, когда она раскрыла мой подарок!

– Как ты думаешь, твой отец не расстроился?

– Расстроился. Сильно. Она устроила ему скандал! Он даже оставил ее саму в спальне и удалился.

– Нэнси, но так тоже нехорошо!

– А я не хочу ее здесь видеть! Она папу не любит!

– Ну откуда тебе знать? Может, и любит!

– Да, деньги на его счетах!

- Нэнси! УаЛлахи, харам⁹, так говорить! Только Всевышний ведает.
- Йа хараби!¹⁰ Я не поняла: ты ее подруга или моя?
- Конечно твоя! Но то, что ты сделала, не подходит мусульманке и любящей дочери.
- Хватит меня позорить, а то я тебе больше ничего не расскажу.
- А что, ты еще что-то устроила?
- А то! У меня грандиозные планы.
- Ты серьезно?
- Ненавижу эту пианистку! Пусть отправляется в свою Германию и там охмуряет своих немецких пожирателей сосисок!
- Нэнси, я уже сожалею, что ты втянула меня в этот разговор!

⁹ Клянусь Аллахом, это запрещено! (*араб.*)

¹⁰ Восклицание, связанное с эмоцией раздражения, удивления, сюрприза, аналогично «ух ты!» (*араб.*).

Часть 10. Жизнь налаживается

Муж Эмму однозначно любил. Это чувствовалось во всем и всегда. Он мог постирать ее белье и любовно развесить его для сушки. Мог собрать ее рассыпанные помадки и аккуратно сложить в шкатулочку. Даже во время вспышки раздражения он обращался к ней не иначе как «Возлюбленная моя Эмма!». Пока он произносил такое обращение, раздражение не имело шансов вырасти в бомбу.

Конечно, он готовил деликатесы даже по утрам, когда собирался на работу. Для этого вставал на полчаса раньше. В течение дня обязательно раза два звонил и спрашивал, все ли в порядке, хорошо ли она была одета для дождя, как прошло чаепитие с подружками, что бы ей хотелось, чтобы он купил к ужину? Когда Эмма о чем-нибудь его просила, он записывал с свой блокнот и старался выполнить в срок.

Единственное, в чем был отказ, – в рождении детей.

Данила Викторович состоял если не в контрах, то весьма в отдаленных отношениях с родной сестрой Верой только из-за того, что у нее регулярно рождались дети, и их было четверо. Видимо, она выполняла план по деторождению и за себя, и за брата.

Архитектор не мог выносить маленьких детей более пяти минут, а маленькими он считал всех до восьми лет. Поэтому он не ездил в гости к сестре и не принимал ее у себя. В доме у родителей они не пересекались даже по праздникам. Сестра хранила обиды, хотя ее брат не мог изменить природу своего восприятия.

Чем ему не угодили дети? У него раскалывалась голова от их передвижений, манипуляций с предметами и всяких детских глупостей – от бесконечных вопросов до визга.

Почти также трудно он переносил вид и запах кормящих женщин. Запах грудного молока доводил его до рвотных рефлексов.

Он опасался, что непереносимость малышей может стать препятствием для их союза с Эммой, если та захочет снова пережить беременность и роды.

– У тебя ведь уже есть Влад? – начал Данила издали. – Теперь он будет и у меня. Мне достаточно. А тебе?

– И мне достаточно, – совершенно искренне сказала Эмма, чем несказанно успокоила жениха.

И что удивило Эмму, так это отношение отчима к ее сыну – как если бы это был его родной ребенок. Временами ей казалось, что покойный Кирилл так не любил свою кровинушку, как Данила... Нет, конечно, покойный муж любил своего наследника, только сотни дней его алкомании, как термиты в крепком дереве, выели всю сердцевину этой любви.

– Ма, мы изобрели мятно-ореховый соус к помидорам! Данила Викторович сказал, что за такую вкуснятину можно мишленовскую звезду получить!

– Для начала можно получить премию «Счастливая Эмма», правда? – включился Данила, обращаясь к жене.

– В этом месяце это будут связанные мною шарфы и шапки! Не слишком ли это банально?

– Это очень тепло! – в один голос подтвердили мужчины.

– Ну, давайте же, проводите дегустацию своего соуса!

Владу разрешалось очень многое, даже валяться на диване рядом, забросив руку или ногу на Данилу Викторовича. И супруг явно наслаждался такой близостью. Он вовлек сына в занятия кулинарией, как вы уже поняли, и в проектирование. Иногда он поручал Владу прodelывать определенные чертежные работы на компьютере в 3D-графике, и оба были в восторге от кооперации. Спустя много лет Влад станет промышленным дизайнером в мебельной промышленности. Эмма была убеждена, что этот талант был раскрыт именно Данилой.

Эмма удивлялась интуитивной мудрости своего мужа, ведь никаких институтов по психологии он не заканчивал. Но он сразу отмел концепт «Я – друг сыну», потому как отец или отчим не может опуститься до уровня ребенка, чтобы быть его другом или искусственно поднять его в иерархии в обход матери до своего уровня. Данила был убежден, что многие беды происходят от ложного императива «дружить с детьми».

Дружба предполагает вводить друга в курс дел, а семейные отношения, наоборот, призваны хранить психику ребенка, который не должен нести ответственность за дела взрослых, включаясь в них. Дружба не предполагает семейной ответственности. Сегодня друг, а завтра развернулся вдруг и нет. В семьях так не должно быть. В семьях один платит за взращивание другого, и это не дружба, а иерархическая ответственность родителей за детей. Соответственно, дети должны знать свое место в иерархии, тогда их реже будет заносить туда, куда не надо. И, быть может, в свое время они смогут позаботиться о стареющих родителях.

Как-то, еще в первое полугодие совместной жизни, Влад постарался раздвинуть границы своих возможностей и залезть на территорию взрослых с заявлением: «Я такой же человек, у меня такие же права, и вы должны считаться с моим мнением!» Этот пассаж прозвучал после того, как он потребовал купить джинсы с заниженными талией и матней и заууженными до уродства штанинами, специально порванными на коленях. На что Данила Викторович отреагировал так:

– Влад! Ты будешь таким же человеком, когда вырастешь, женишься, обеспечишь свою семью всем необходимым и будешь в ответе за свою жену и ребенка. Тогда ты будешь решать, во что тебе одеваться».

– Значит, я пока недочеловек?

– Ты человек. Но пока – ребенок. Значит, на уровне согласования своих желаний с возможностями родителей. И пока ты – ребенок в семье, третий после меня и твоей мамы. Ты можешь рассчитывать, что мы выслушиваем тебя и соотнесем наши представления и возможности с твоим вежливым пожеланием или запросом.

– А если запрос покажется невежливым? – обмяк изначально агрессивно настроенный Влад.

– Мы с твоей мамой вправе игнорировать его.

– Так вы ущемляете мои права ребенка! Дети могут даже в суд подавать на родителей!

– Ага, и оплачивать адвоката и судебные издержки тоже!

Влад был явно сбит с курса нападения ново открывшимися обстоятельствами делопроизводства и не нашелся что ответить.

– Откуда этот бред в твоей голове появился? – не удержалась от вопроса Эмма.

– У нас в школе проходят занятия по правовой осведомленности детей.

– А занятий по выражению благодарности родителям за любовь и заботу у вас не проходят? – логично спросила мама. – А то не мешало бы ввести немецкую систему, когда в 18 лет мы попросим тебя на выход и вручим тебе счет по всем затратам на тебя к оплате...

– На выход куда? – изумился сын.

– Во взрослую самостоятельную жизнь, где ты – если пожелаешь – купишь себе ящик чипсов на ужин и драные джинсы, как у психически больных.

– Фух! Ну после еды у вас трудно переходить на чипсы...

– А на драные джинсы?

– Ну... Если они модные...

– Это джинсы прикрывать не попу, а промытые рекламой мозги... – заметил Данила Викторович.

– Влад, ты как ребенок – представитель нашей семьи. И нам не все равно, какой у тебя имидж и что ты вещаешь о семье, в том числе через одежду. Понимаешь? – продолжила дискуссию Эмма.

– Да, с родителями мне повезло! Это я уже понял!

– Иди сюда, любовь моя, – позвала раскрытыми объятиями Эмма.

Но перед тем как ринуться в мамины нежности, Влад посмотрел в глаза Даниле и произнес:

– Прости, Данила Викторович!

Отчим ответил:

– Знаешь, Влад! Сильный вирус нигилизма гуляет по планете. Вас учат тому, что ваша свобода должна реализовываться за счет отрицания правил и за счет свободы других. Ну, чтобы все и сейчас. И вы этому, конечно, верите.

– И?

– А секрет в том, что в своих семьях те, кто вас учат, поступают абсолютно по-другому. Они учат расти в иерархии, соблюдать правила и чтить тех, кто им дорогу протаптывает – старших, то есть.

– Я знаю, о ком ты. Мне еще папа рассказывал, что они кошерную еду едят, а других не вовлекают... Дескать, религия у них такая... Себя берегут, а других информировать не обязательно...

– Ну так ты ж теперь в курсе, что у евреев есть много чему поучиться?

– Ага. Есть. У нас половина школы – это дети с еврейскими фамилиями. Они и вправду как будто выведены методами селекции.

– Это как? – поинтересовался Данила Викторович.

– На пятнадцать толковых максимум два слабеньких. Но и эти слабенькие – как наши средненькие... На их фоне знаете, как надо грести, чтобы быть на уровне?

– Вот и греби! – напутствовала мама. – Ты можешь!

Через два года после женитьбы Данила Викторович оплатил учебу сына в частной школе-интернате в Швейцарии. На семейном совете был выбран Tasis, расположенный в милостивом городке Монтаньола на италоязычной части Швейцарии, неподалеку от Лугано. Эмме самой хотелось бы учиться в этой школе. Ученики пятидесяти национальностей со всего мира, обучение на английском, помимо всех обязательных предметов, включая уровень первого года в университетах, четыре иностранных языка, фотография, театр, живопись, архитектура. А еще теннис, конный спорт... Конечно, такое образование выстилало дорогу для прекрасного делового будущего ее ребенка, какую бы специальность он ни выбрал. Он даже мог ничего особенного и не выбирать, а начинать работать переводчиком в какой-нибудь солидной компании.

Зимой, в конце декабря, она летала на свидание с сыном, и они проводили каникулы вместе в Италии или соседних странах.

Летом он прилетал домой на два месяца, и они посещали родственников, далеких и близких, летали вместе с Данилой Викторовичем в страны, прохладные летом. Как-то Эмма подумала, что даже если бы она не полюбила Данилу, то могла бы в него влюбиться только за одного его отношение к ее сыну.

Каждый раз, провожая его на работу, Эмма смахивала невидимые пылинки и целовала туда, где сердце.

Она каждый день возбужденно ждала его возвращения. Ей нравились совместные ужины и всегда интересные беседы. У них не было скучных вечеров, даже если они просто смотрели кинофильм... А ночи... То, чего она так боялась – что никогда не будет счастлива без Кирилла, – оказалось ее большой фантазией. Любящие сердца всегда находят эйфорию в телах.

Эмма впервые в жизни могла не работать – муж оплачивал все семейные важности и сверх того. Захотела получить второе образование психолога и изучить итальянский язык – супруг ее поддержал.

Она стала студенткой и частной ученицей по языку.

Ту замечательную квартиру с зеленым перламутром и всеми вещами Данила Викторович продал одному американцу, который щедро заплатил. Это было их совместное решение. Как только Влад переехал в итальянскую Швейцарию, они уже не хотели жить на Русановке... Только один предмет она захотела забрать с собой – люстру с желтыми маками.

По проекту ее мужа был возведен одноэтажный дом среди сосен на юго-западной окраине Киева. Маленький дом, как по меркам Украины для известного человека, всего на сто пятьдесят метров жилой площади плюс патио. Достаточный для двоих дом. Конечно, с определенными новшествами и изысками.

Возле дома тек ручей, и муж изменил его русло так, чтобы он затекал в патио под стеклянной крышей и дальше, развернувшись, вытекал наружу и продолжал естественный путь. В патио, размером со стандартную трехкомнатную квартиру, «тротуары» и площадки были выложены палубной доской, а в промежутках насыпана галька из белого каррарского мрамора. Здесь рос узколистный клен, плакучая рябина и голубая елочка. На одной из стен был организован вертикальный сад из мхов, плющей, колеусов и очитков. Вдоль внутреннего русла ручья были высажены цикламены всех оттенков – от белых до сиреневых. На берегу ручья росли папирус и кувшинки. В ручье жили три рыбы коуи, которым точно нравился местный биоценоз. Температура в патио не поднималась выше 15 градусов. Данила Викторович трудно переносил жару летом, и это было его излюбленное место для отдыха, поэтому посиделки в патио всегда сопровождалось набрасыванием пледов или шалей на плечи.

Еще до того как была завершена внутренняя отделка, Эмма открыла в себе талант декоратора. В каждом европейском городе, который они посещали, она первым делом разыскивала «сундучные» рынки (слово «блошиный» она концептуально вытравила из своего лексикона), магазины старых и винтажных вещей.

Помимо того, что она покупала предметы, которые, скорее всего, были выпущены малыми или ограниченными партиями, а то и существующие в единичном числе, ее тешила мысль, что она платила очень малую цену за особенные вещи.

Например, ее значимым приобретением во Флоренции стал ореховый стол, которому свыше ста лет и который такой необычной конструкции, что вызвал восхищение с первого взгляда. Его столешница увеличивалась в размере за счет накладных досок, как у буклета, с той разницей, что две накладные сверху доски были половинками большой столешницы.

Когда она узнала, что стол на двенадцать персон в безупречном состоянии стоит всего пятьсот пятьдесят евро, ее радость затрепетала флажком на флагштоке.

В торговой палатке на небольшой площади поблизости от Санта-Кроче она нашла два старинных окна и балконные двери. На оригинальной деревянной раме в почтенном возрасте около пятисот лет был закреплен ячеистый металл типа свинцовой проволоки, а ячейки в виде кружков были заполнены стеклянными выпуклыми линзами желтоватого цвета. Эмма в тот миг поняла, что это ее момент истины и зона обеда будет перестроена в абсолютно итальянскую. Она даже увидела, как ее любимая люстра с желтыми маками переезжает в эту итальянскую столовую.

И муж без колебаний поддержал ее видение. Оставалось только найти перевозчика, что оказалось делом несложным. В их отеле консьержем работала украинка. Она-то и поделилась, как легко и недорого переправить даже крупные предметы в Украину: еженедельно ездят курьеры на микроавтобусах. Два евро за килограмм или как договорятся, когда груз большой.

Конечно, когда Эмма дозвонилась до курьеров и договорилась о доставке своих предметов, она зарезервировала еще местечко для орехового бюро с инкрустацией.

Они въехали в дом, как только была завершена чистовая отделка и установлены приборы первой необходимости.

Эмме так нравилось наполнять собой этот дом, что вместе с нанятыми работниками она мыла его после ремонтных работ, а в спальню она вообще запретила входить кому бы то ни было из персонала. Возможно, кто-то посчитает ее суеверной, но Эмма была убеждена, что столь интимное пространство должно оставаться недосягаемым для чужих глаз и прикосновений.

Глава 11. Жизнь обычная

Теперь они жили в доме за городом и на занятия ее отвозил водитель. Встречал и привозил обратно.

Конечно, другие студенты глядели на нее, как на небожительницу. Она же нос не задирала, потому как помнила, откуда сама.

Из всех направлений психологии ей больше всего нравились два: психоколористика и психология измененных состояний сознания. Если первое направление она воспринимала как шахматную доску, на которой можно сыграть феноменальные партии, используя краски, то второе направление было для нее вызовом. Она чувствовала: то, что они изучают в рамках университетской программы, – это только вершина айсберга и есть огромное поле, на котором ей интересно производить свои раскопки и выискивать непроявленные связи с внешне далекими областями знаний. Такая себе криптопсихология.

Ей было интересно докопаться до того, как гипнотизеры осуществляют контроль над мозгом человека, что тот начинает верить в несуществующую нелепицу, например, что у него нет скелета, и тогда подопытный падает как тюфяк, не в состоянии держать тело вертикально. Или как всякие гуру внушают психически нормальным людям императивы, не имеющие никакой логики, – типа колеса сансары и воплощений в придорожные кустики или в хвостатых бабуинов, либо дрозифилу, жить которой пару часов... И ведь люди верят в целесообразность такого бреда... Это все не случайности, а определенные технологии. Возможно, с участием тех, кого не упоминают ни в учебниках, ни на ретритах...

Еще в период выведения покойного экс-мужа из запоев Эмма часто видела, как в ответ на введение лекарств его вены вздуваются и в них движутся похожие на змеи существа, изгибая в протесте свои тела. Так по сосудам перемещаются бесы, которые контролируют алкоголиков. Эта информация зашла в голову и в сердце одновременно с комментарием опытного нарколога, которого очень волновало, чтобы от увиденного зрелища Эмма не грохнулась в обморок... Но она была столь впечатлена увиденным, что не собиралась тратить драгоценное время на обмороки.

– А у алкоголиков всегда так? С венами? Ну, змеи по венам...

– Всегда. Больше или меньше... Их судороги сводят от лекарств, блокирующих их работу... Но я их присутствие еще до вен по глазам обнаруживаю.

– Как?

– Возьмите фотографию мужа до того, как он стал алкоголиком, и сейчас. Сразу увидите разницу. Больше никогда не спутаете...

Эмма тогда не выдержала, сразу побежала в детскую комнату, достала семейный альбом. Вот портрет Кирилла, 14 лет. Выпуск восьмого класса средней школы.

Глаза живые, теплые, в них еще есть будущее. Блистательное будущее. И дорога цветущая.

А вот его паспорт. Он потерял и недавно менял.

О, и вправду глаза совсем другие. Стеклашки бессмысленные.

Ей было очень важно докопаться до всех аспектов такого управления: как впервые они попадают в тело человека, выскакивают-заскакивают потом или живут, временами затаившись... Ей было важно разузнать, как именно происходит контроль сознания человека посторонними. Эмма чувствовала, что эта тема еще долго будет служить тем сосудом, который она захочет заполнить сама, и не из тех книг, которые рекомендовали в университете.

Эмма была очень признательна Даниле Викторовичу, поскольку он помог ей получить заказы на колористический анализ и колористическую разработку фирменных стилей. Поначалу это были малоизвестные бренды украинской локации, но Эмме в радость было попрак-

тиковаться еще в статусе студентки. Она получила свой первый гонорар – четыреста пятьдесят долларов за колористические решения линейки плавленых сырков и сразу купила по скидкам в магазине турецких мехов тонкую дубленку в пол. До этого ее заработки никогда не выходили за предел двухсот долларов в месяц, и Эмма испытала интеллектуальную эйфорию. Плюс впервые она работала не как рабыня в советской системе, а как мастер-фрилансер. Это абсолютно другие ощущения. Она никогда не летала на дельтаплане, но почему-то была убеждена, что переживает эйфорию именно такого полета.

Муж радовался ее старту в этой области больше, чем контракту на двадцать пять тысяч долларов, который только что подписал как частный архитектор.

Чуть позже он подключил ее к своим проектам, чтобы она разрабатывала цветовые решения для фасадов и интерьеров, помогала фиксировать запросы заказчиков.

Наибольшим событием в ее недолгой практике стал заказ одной удивительной женщины по имени Валентина. Она вышла из синего кабриолета в пышном платье удивительной расцветки – карта мира на желтом сырцовом шелке, на плечах лимонного цвета шкурка песка.

Когда эта молодая дама вошла в прихожую их дома и Эмма проводила ее в кабинет мужа, поняла, что не может первые минуты сконцентрироваться на записи технического задания. Ей все время лезли в голову всякие некрасивые мысли, а глаза приклеивались к посетительнице.

«И что это за Барби? Как можно жить с такой кукольной внешностью? Боже, как мужчины выдерживают ее манеру говорить? Убила бы на третьей ужимке! Не убила бы. Она моему мужу заказ принесла неслабый...»

Эмма пыталась остановить поток мыслей, но они выстреливали в пространство, как из пулемета. Ей даже показалось, что Валентина чувствует эту пальбу...

«И откуда у нее столько денег? Ну, конечно, таким папики дарят и спортивный BMW, на котором она приехала, и деньги на особняк...»

Валентина же была сосредоточена на том, чтобы, хлопая ресницами, максимально емко изложить перечень своих пожеланий к будущему дому.

Она действительно обладала абсолютно кукольным лицом с натуральными пухлыми губами, длинными прямыми волосами некрашеной блондинки, тонкой талией, подчеркнутой поясом, пышным бюстом и длинными ногами, обутыми в умопомрачительные замшевые синие туфли на платформе от Roberto Cavalli с фирменной гербовой пряжкой. А еще у нее была жеманная манера говорить и поправлять свои волосы, отправляя их за плечи на спину. Также она все время открывала и закрывала свою маленькую брендовую сумочку Gucci цвета вина на позолоченной цепочке. При этом на ее руке трепетали, позвякивая, золотые браслеты. Между открыванием и закрыванием сумочки она теребила ключи от машины – тоже с соответствующими звуками.

В общем, пережить присутствие этой женщины, словно сошедшей с модного языка и страницы комикса одновременно, Эмме было сложно. Она видела, что и пана архитектора раздражают мелкие действия и ужимки Валентины, но он держал себя в руках.

Тем не менее, ее речь была грамотной и излагала она мысли последовательно и четко, что не вязалось с ее детской тональностью в голосе.

Эмме, несмотря на собственную пулеметную стрельбу, стало удобно фиксировать пожелания заказчицы, озвученные ясно.

Валентина захотела обалденный особняк всего на пятидесяти сотках у реки Козин. И хотя речка Козин – это не Рейн и не Миссисипи, особняк должен стать событием архитектуры, так, чтобы в Лос-Анжелесе и во Флориде позавидовали... А может, и в Дубае...

Она сообщила, что хочет крышу в виде ступенчатой террасы с зимним садом (на пятидесяти сотках сильно не разгуляешься, так что сад на крыше – удачное решение).

Такие заказы всегда включали в уме Данилы Викторовича особые кнопки, у него активировалось то состояние интеллектуального зуда, в котором рождались экстра-красивые концепты.

Данила Сергеевич уже начал потирать ладони. Процесс пошел, причем сумма гонорара в этом не являлась решающей. Это азарт решить трудную задачу лучше всех.

Эмма поинтересовалась, желает ли гостя напитков? Есть апельсиновый фреш, приготовленный перед ее прибытием, чай, кофе, минеральная вода.

Посетительница попросила фреш и эспрессо.

Причем, когда Эмма подала и то, и другое, Валентина вылила эспрессо в фужер с апельсиновым соком и стала пить через трубочку.

– Есть ли какие-то ограничения по бюджету? – спросил напоследок Данила Сергеевич.

– Есть. Шесть с половиной миллионов долларов за все, включая начинку, ландшафт и ваш гонорар на стадии разработки и на стадии стройки за сопровождение. «Выписать ли чек на предоплату?» – спросила она, накручивая цепочку сумочки на указательный палец правой руки.

– Да. Для начала достаточно пятнадцати тысяч. Я разработаю три концепта. После утверждения рабочего варианта я смогу рассчитать стоимость черновых работ, свой гонорар и вы получите эскизы интерьеров.

– У вас будет возможность вести авторское сопровождение?

– Да. У меня еще один объект в работе, как раз вблизи вашего участка. И я приостановлю заказы на полгода.

– Я вам очень благодарна. Надеюсь, у меня в итоге будет удивительный дом!

– И я надеюсь!

Когда Валентина удалилась, в кабинете повисла пауза.

– Эмма, тебя напрягла эта заказчица? – спросил Данила Викторович.

– Очень! Я не понимаю ее. Она выглядит, как набитая дура из провинции, которую причесали, одели и даже словам умным научили... В то же время то, что она говорит, не всякий мужчина четко сформулирует. Какая-то несостыковка... И откуда у нее столько денег?

– Интересный вопрос. Ты очень удивишься, когда узнаешь, чем она зарабатывает на красивую жизнь.

– Она так зарабатывает? Ты откуда знаешь?

– Ох, Эмма! Не суди по первому впечатлению! Я занимался перестройкой квартиры ее мамы на Тургеневской. Так вот, ее мама – профессор русского языка и литературы в университете имени Шевченко.

– А она?

– Она дипломированный переводчик английского языка. Сейчас она пишет учебник по старинной английской литературе. Но это, скорее, хобби. А большие гонорары она получает, будучи единственной женщиной-продавцом в компании Paramount.

– В киностудии?

– Нет. Этот «Парамаунт» без «пикчерз». Фирма, которая продает оружие для самолетов и вертолетов...

– ?!

– Ага, у меня тоже была такая реакция, когда я узнал о роде ее бизнеса.

– Я поняла! Она лучший их продавец! Покупатели – всякие министры и шейхи – сначала не ожидают увидеть женщину на подписании контракта, тем более такую куклу, и расслабляются: что взять с Барби? Да еще такой жеманной с детским голосом! А она их раскручивает на суммы, которые они не собирались тратить.

– Ты зришь в точку! Именно так!

– Я заинтригована! Я теперь хочу подробнее побеседовать с ней. Я сделаю ей колористические решения! Но это будет трудно.

– Почему?

– Судя по твоему рассказу, она пресыщена деньгами, людьми и впечатлениями. И, может, ее надо не удивлять красками, а наоборот, освободить и разгрузить. С другой стороны, она привыкла к вкусностям и красотам, и ее надо спасти от скуки...

– Вот умница! Ты все схватила с первого раза! Боже, как приятно с тобой работать, Эмма!

– Даже больше, Дань, она не просто скучает. Она глубоко несчастна!

– Ты и это заметила?

– Да. При ее-то деньгах и возможностях, при ее стартовой выигрышной внешности... Она совсем одинока!

– Как видишь, счастье уж точно не в деньгах.

– В ее случае да.

– В любом случае, любовь моя Эмма! Никогда деньги не являются причиной счастья.

В глазах Данилы Викторовича запрыгали странные огоньки, но Эмме некогда было анализировать этот азартный блеск.

В дальнейшем появился этот удивительный дом. Именно этот проект Эмма считала лучшей работой ее мужа и его команды.

Параллелепипед, который состоял из белого камня и стекла. Вся крыша – это каскад широких ступенек с выемками для выходов на террасу из разных комнат и для миниатюрного и неглубокого бассейна с подсветкой и журчащими фонтанчиками, в который по светящимся желобам по всей террасе стекаются ручьи.

Из-за каскада ступенек северная часть дома обладала стеной в два высоких этажа, в их верхней части ступени соприкасались со стеклянным навесом над террасой. В нижней части стена дома состояла из стекла и встречалась со ступеньками, которые почти спустились до лужайки. Эта стеклянная стена могла становиться экраном домашнего кинотеатра.

Остекление большими фрагментами закаленного стекла со специальным покрытием, которое уменьшает отдачу тепла наружу, с системой раздвигания стекол и их смыкания, вентиляции и подогрева... Все стеклянные поверхности двигались по принципу вертикальных и горизонтальных жалюзи. Жарко? Открыли. Холодно? Закрыли. Уже только один стеклянный навес заслуживал премии в мире архитектуры.

Много интересных архитектурных изюминок было в этом доме. Например, в душе потолок – это квадрат, вырезанный в одной «ступеньке» на крыше-террасе, застекленный непробиваемым стеклом. Душевая лейка расположилась прямо в центре квадрата, и, когда включали душ, казалось, что дождь льется прямо с неба. Такие же врезные окна подавали свет в некоторые помещения, что приносило эффект улёта в небо.

Ступенчатая крыша – она же терраса, покрытая белым мрамором, могла служить локацией для журнальных фотографий, голливудских вечеринок и для роскошного одиночества, когда наполняешься силами только от вибрации красоты, исходящей от каждой ступеньки, каждого элемента декора и каждой клумбы, разбитой по законам садового мастерства. Не хватало только парочки гепардов...

Что касается цветовых решений, то Эмма предложила весь дом оставить белым с серым снаружи и внутри. И только цветовые акценты – свой в каждой части дома – содействовали тому, что пространства перетекали друг в друга, но не сливались.

Эмма запланировала мимозовый пантон в комнату отдыха. Брызги желтого цвета вызывали фонтан радости. В салоне – изумрудный насыщенный цвет, гасить неровности людей и дня.

В столовой – сочный мандариновый, в кабинете – фиолетовый, в кухне – лаймовый. Стиль – ар-деко и скандинавский минимализм в простых помещениях.

Акценты – это портьеры, ковры, обивка, подушки, вазы, цветовые пятна картин...

Валентина поручила наполнение комнат вкусными предметами Эмме, и она очень удачно съездила в Италию.

Глава 12. Последний проект

Иногда Эмма себе задавала вопрос: «А есть ли у Данилы Викторовича изъян? Ведь не бывает так, чтобы не было...» Его нелюбовь к маленьким детям Эмма не относила к недостаткам, лишь к индивидуальным особенностям. И однажды наступил день, когда ее кинематографическая жизнь рухнула и она узнала, что изъян у ее мужа был, и он стал роковым.

За несколько дней до того она видела, что муж весь извелся размышлениями. Конечно, она нежно поинтересовалась, что же его так гложет.

– Заметно?

– Очень!

– Прости, Эмма! Не хочу утомлять тебя!

– Так мне же в радость выслушать тебя!

– Любовь моя Эмма! Я принял решение уйти из системы государственной службы.

– Почему?

– Лучше тебе не знать. Если в общих чертах: постоянный конфликт интересов городской архитектуры и интересов олигархов, умноженный на аппетиты чиновников.

Эмма слушала и не комментировала.

– И, знаешь, душа моя, мы с командой завершили план развития столицы и области до 2025 года и можно уходить. Конечно, его перекроют так, как захотят, но я свою работу сделал честно.

– Я верю тебе, Даня!

– Спокойно заработаю персональными проектами. Думаю, достаточно для нас двоих до окончания лет.

– Это очень серьезное решение. Ты действительно решил пойти в отставку, а не тебя попросили?

– Намеки прозвучали со стороны мера, я предпочитаю, чтобы меня не попрекали мохнатым рыльцем те, у кого косы можно завивать с этого самого рыльца.

– Ох, Данила Викторович! Я знаю, что в этой стране без взяток просто невозможно и шагу ступить. И ты либо в той касте, где берут, либо в той, где дают. Вариантов больше нет.

– Тяжко мне, Эмма, оставаться там, наверху. Наверное, национальностью не вышел!

– Ну да. Не Гольдберг и не Львов... Ни лицом, ни по паспорту... Хотя... Ты почти три года пробыл на посту. Тоже не мало...

– Давай закроем эту тему! – муж обнял Эмму, уложив ее голову себе на грудь.

– Дань, но я чувствую, что это еще не весь твой сундук с волнениями... Выкладывай! – она подняла глаза вверх, чтобы видеть его глаза, и похлопала ладошкой по его предплечью.

– Миссис Проницательность, у меня очень ответственный частный заказ. Мне хочется, чтобы не только заказчик был доволен, но и ты могла бы мною гордиться!

– Что за заказ?

– Пошли в кабинет!

Он вынул из-под вороха бумаг наброски.

– Что ты видишь?

– Проспект Дружбы Народов.

– А еще?

– Красивый дом. Без углов. Как гостиница на площади Славы.

– Вот! Это не просто красивый дом без углов! Знаешь, кто заказчики? Гарик Белгородский и хозяин банка «Столица» Марк Розенштайн.

– Хозяева «Глобуса» и «Мандарин плазы»?

– И не только! Ты хорошо осведомлена!

– Да. Мой покойный экс-супруг был городским активистом, когда строили «Глобус» и перепахали Майдан Незалежности.

– И что же в результате?

– Он собрал инициативную группу против возведения неуместной арки возле стеклянного купола, нарушающую симметрию площади. Он лично общался с Гариком и Марком на предмет объединить усилия против Сергея Мамушкина, главного архитектора, ну, ты и сам знаешь, который узаконил дурацкие изменения на Майдане. Они-то как собственники подземного пространства были не заинтересованы в уродстве на поверхности!

– Да, как видно, интересы тогдашних градоуправителей оказались сильнее даже еврейских капиталов!

– Увы! А среди дельных предложений экс-мужа, которые были воплощены, – этот монумент в виде большого глобуса, от которого, как лучи, идут расстояния до разных городов мира. Кирилл тогда попал в точку, предложив поддержать глобусом название торгового центра и дать киевлянам и гостям столицы удобное место встреч.

– Какая неожиданная подробность! Ты всегда, когда проезжаешь по Майдану и видишь этот монумент-глобус, вспоминаешь своего покойного мужа?

– Часто. Если гляжу в ту сторону. Но это воспоминание – только интеллектуальное, если можно так сказать. Знаешь, после похорон, когда мы просто сидели на бульваре Перова на лавочке с моей экс-свекровью, она мне сказала: «Не плачь. Ты его быстро забудешь». Я спросила: «Это как? Мы прожили вместе 11 лет! У нас есть сын!» На что она сказала: «Я знаю, о чем говорю. Я ведь тоже хоронила первого мужа. Потом ты встретишь нового мужчину. И когда ты его узнаешь и вступишь в себя, воспоминания о предыдущем муже сотрутся. Ты начнешь забывать и забудешь его голос, очертания его фигуры, родинки на его коже, его запах после ночи с тобой. Даже то, как он был в тебе! Все забудешь!»

– И ты забыла?

– Да. Без вариантов. Помнишь, ты просил меня выйти за тебя уже через полгода после его похорон, но я попросила 10 месяцев? Знаешь, почему я это сделала?

– Ты так и не объяснила тогда...

– Он постоянно транслировал мне информацию об арабской культуре, о шариате, о правилах жизни из Священного Корана. И меня восхитила информация о том, что женщине можно выйти замуж после развода по истечении периода идда – три месяца для того, чтобы убедиться, что она не беременна. Или наоборот, что она беременна и тогда нужно дождаться рождения ребенка, а потом строить новую семью. В случае смерти супруга женщине рекомендуется выждать десять месяцев. Когда я спрашивала разъяснения о таком сроке, Кирилл рассказал, что за этот период женщина завершает свой траур и ее тело, и психика свободны для нового союза.

– Как любопытно! Я никогда о таком не задумывался! А что будет, если женщина все же раньше выйдет замуж – не выждав три или десять месяцев?

– Подробное объяснение нашли ученые из Германии. Они обнаружили некое сходство между воздействием мужского проникновения в женщину и изливанием спермы как формой программирования женщины на себя, на свою программу, на свой протеин, на свою ДНК. А женский организм устроен так, что «перезагрузка» без повреждения «материнской платы» происходит только после определенного интервала. То есть другой мужчина может войти в женщину и не повредить ее индивидуальные настройки только после периода одиночества.

– Значит, женщины, которые спят в одном периоде с двумя или несколькими мужчинами, ломают себя?

– Да. Не секрет, что многие проститутки не могут забеременеть. Это тоже проявление поломки. Или многократные разрастания кист яичников, которые разрываются, женщина

в критическом состоянии попадает в операционную. Или самое тяжелое – когда рак и все женское удаляют... Ух! Давай вернемся к твоему проекту, любовь моя Данила Викторович!

Эмма прильнула к мужу. Она не видела, как на его глаза навернулись слезы. Но она слышала, как неровно бьется его сердце, как он дышит ей в макушку головы... Это и есть любовь.

– Тебе действительно интересно узнать, что я придумал?

– Конечно! Ты еще спрашиваешь!

– Мне хотелось сделать что-то абсолютно новое! И мои размышления дали результат!

Мне ночью приснился этот дом. Среди подсолнухов.

– Так что же в нем особенного?

– Квартиры этого дома, как круги детской пирамидки, могут вращаться вокруг своей оси, следуя за солнцем. Так что часть квартиры всегда может быть сильно освещена естественным светом, если хозяин пожелает. Плюс из каждой комнаты постоянно меняется вид из окна!

– О Боже! Ты – гений, Данила Викторович! – всплеснула ладошками Эмма. – А кто-нибудь в мире уже делал подобное?

– Пока нет...

– А технически... Уже есть технологии, которые позволят осуществить такой концепт?

– Я как раз сейчас занимаюсь поиском. А если и нет, то будет рабочая группа для появления этих технологий.

– И сколько, по-твоему, должна стоять квартира в таком доме?

– Если одна квартира – один этаж – полный ви-ай-пи... Несколько миллионов зарубежных денег.

– И что, найдутся покупатели на такую цену за квартиру?

– Не меряй всех по себе, Эмма Вадимовна. Я знаю людей, которые за покером проигрывают миллионы... Так уж лучше вложить в эксклюзивное жилье!

У Эммы был готов сорваться вопрос: «А откуда ты знаешь людей, проигрывающих миллионы в покер?», но тут зазвонил телефон, и Данила Викторович погрузился в прослушивание отчета с объекта и раздачу задач...

Ей показалось, что он так и не ответил на вопрос о том, что же его гложет... Но она решила не дробить его череп долотом и подождать другого момента.

А другого момента больше не представилось.

Глава 13. Боевые действия

Адам вожделел эту женщину, он мечтал забыться в ее объятиях, и иногда ему это удавалось ярко и незабываемо. Но ничего не срасталось между детьми и молодой женой.

Ребекка, как виделось Адаму, честно три месяца прилагала усилия. Она готовила завтраки до того, как придет Абир, их домашняя помощница. Затем отвозила в школу Даниту и встречала ее из школы лично, ездила с Нэнси заниматься в конно-спортивную школу, давала уроки музыки младшенькой.

Нужно отдать ей должное, она предложила девочкам изменить систему хранения вещей. Отныне в выдвигаемых ящиках лежали свитера, свернутые «ребрами» вверх. Многие предметы сворачивались в трубочки и укладывались стоя в ящики или лежа на полки так, что глазу открывалась картина с многочисленными кружками. Вытягиваешь один сверток-трубочку, а расположение других не нарушается. Также Ребекка показала, что после такой раскладки многие вещи не надо гладить. Что касается гардероба на плечиках, она предложила зонировать по цвету – от белого к черному.

Это был навык, которого в семье Адама не знали. Нэнси даже искренне пожала Ребекке руку и пригласила старшую сестру пройти курс обучения у папиной жены.

Ребекка провела ревизию на кухне и в кладовке и сложила все по-другому – по темам. Для этого она накупила удобных красивых банок, и многие сыпучие и мелкие продукты переехали в банки. Были докуплены некоторые посудные принадлежности, например, силиконовые прихватки – мелочь, а полезная.

Еще молодой жене удалось научить девушек печь штрудель с яблоками и корицей и немецкий кекс с цукатами. На этом позитивные новации закончены.

Все ее усилия разбивались в осколки, как только Адама не было рядом. Нэнси использовала партизанские методы. Например, стоило Ребекке отвлечься, как она включала огонь на плите на полную мощность, и каша, блинчики или пироги сгорали. Предприимчивая девушка могла нарядиться в одежду бедуинки с закрытым лицом, тихо подойти со спины и постучать по плечу Ребекки пальцами. Обернувшись, та вскрикивала от неожиданности. Испуг небольшой, но в копилку неприятностей добавился.

Нэнси могла перевести стрелки всех часов в доме, изменив время даже на мобильном телефоне Ребекки, и обеспечить безнадежное опоздание на самолет.

В ее чемодан находчивая падчерица могла положить порванный пакет с охлажденным медом, который со временем потечет и зальет весь ее гардероб.

Перед выходом на прием Нэнси могла подсыпать в ее сок слабительного, а в критические дни вынуть из сумки запасные прокладки.

Девушка проложила сахарную дорожку от подоконника в ящики туалетного столика немки, и в один день Ребекка застала нашествие муравьев среди своих вещей.

Удивительно, но немецкая красавица не жаловалась мужу. Может, решила дожидаться свадьбы, а потом открыть ответный огонь?

Нэнси вела разговоры с Данитой, чтобы младшая сестра была ее союзницей. Она убеждала ее, что нужно обязательно ворваться в спальню к отцу, рассказать, как она боится всяких шайтанов. И дальше слезно убедить, что эту ночь она не может спать без его объятий. Или у него в кровати – между ним и его женой, или у нее в спальне. Естественно, без чужой тетки.

На четвертый месяц немка перестала прилагать усилия – просто хранила нейтралитет.

Чем больше Ребекка терпела, тем больше Нэнси убеждалась в том, что эта женщина пришла в их дом, чтобы, завершив процесс замужества, отобрать у отца половину его имущества... Потому как никакая уважающая себя женщина не потерпит такого обращения...

– А может, она терпит твои издевательства, потому что очень любит твоего отца? – как-то спросила Нафиса, находясь в гостях у Нэнси дома.

– Нет и еще раз нет. Когда она идет в направлении отца, в смысле моего отца и ее мужа, а он ее не видит, лицо у Ребекки скучающее. Но если он вдруг оглядывается на нее – она преображается, начинает лучиться радостью. Женщина, которая любит, будет светиться всегда – и когда мужчина смотрит, и когда не смотрит на свою женщину.

– Откуда тебе знать такие тонкости? Ты ведь еще никого не любила!

– Сама не знаю... Наверное, я сильно люблю отца!

– Или его возможности, которые обламываются немке?

Нэнси разозлилась:

– Вечно ты портишь мне настроение!

Нафиса вскочила, обняла подругу и начала ее укачивать, как если бы была ее мамой:

– Нэнси, настоящая подруга должна помогать тебе, а не растить в тебе чудовище! Пони-маешь?

Стиснутая объятиями, Нэнси не могла отвечать. Она вырвалась из объятий и спросила:

– Ты считаешь, что я чудовище?

– Ты красавица, Нэнси! Но у тебя портится сердце!

– Ты серьезно?

– Конечно! Посмотри на себя глазами дочки мадам Абир, которая вам прислуживает! Ей даже не снится то, что есть у тебя! А тебе все мало?

– Да нет же! Я не хочу, чтобы женщины делали больно моему отцу!

– Послушай, он взрослый мужчина. Если хочет, чтобы женщины делали ему больно, это его путь! И вообще, однажды ты выйдешь замуж и тебе будет по большому счету все равно, что там в личной жизни твоего отца.

– Никогда!

– Что никогда?

– Никогда мне не будет все равно! Мой отец не для того тяжело трудится, чтобы пришла какая-то дама на все готовое и пользовалась тем, что есть у нас!

– Значит, на самом деле ты просто жадина, тебе нужны папины деньги.

– А кому они не нужны, Нафиса! Тебе не нужны деньги твоего папы? Просто тебе повезло, что он не развелся с твоей мамой.

– Ин шэ Аллах, Нэнси! Астахфиру Аллах азым¹¹, подруга, что ты говоришь! Думаю, твой папа тебя никогда не оставит без денег. Без больших денег. А твой папа не молодеет, уж извини. У него не так много времени дать новой жене, ин шэ'а Ллах, то, что он мог бы дать в тридцать лет! И эта женщина разделит с ним все тяготы старости, хотя она не взяла лучшее от него в его молодые годы!

– Нафиса, ты ведь не замужем. Откуда у тебя столько мудрости?

– Я внимательно слушаю женщин за кофейными посиделками...

Несколько раз Ребекка забылась и вела себя чрезмерно сексуально с мужем на глазах его детей.

– Ребекка, ты много раз смотрела фильм «Основной инстинкт»? – поинтересовалась Нэнси с невинным видом.

Но Адам знал, что сейчас она начнет ее «закапывать», потому что действительно Ребекка сидела, широко расставив ноги, в коротком поплиновом платье с оголенными коленями, ее взгляд был мокрым, аромат секса уже витал в воздухе.

– Да! Обожаю Шерон Стоун! Все женщины должны у нее учиться!

¹¹ Пусть Аллах простит мне ошибки, да хранит Аллах от худшего! (араб.)

Предвосхищая нападки дочери, Адам резко встал, взял за руку удивленную жену и увел ее в другую комнату.

– Любовь моя! У нас не принято демонстрировать то, что должно быть скрыто от чужих глаз. Интимные отношения мужа и жены называются интимными. Тебе известно, что это значит?

– Догадываюсь.

– Ты даже не контролируешь этот параметр. Интимное у мужа и жены – это костный мозг семейного, любовного союза, столь драгоценное, что никто из окружения не должен узнать это – на вкус, на цвет, на форму, на запах, на голос... Ты бездумно впрыскиваешь сексуальное желание в пространство, сидя на софе за просмотром новостей, и хочешь, чтобы мои девочки нормально при этом себя чувствовали?

– Так, а что я им делаю?

– Ты их дразнишь! Ты им сигналишь, что они тебе не конкуренты. Что я только твой.

– Но в спальне ты только мой!

– Да! Но им-то зачем это подчеркивать?!

– Я поняла: никакой свободы выражения!

– Ты вышла замуж за мужчину с дочерьми! Такая свобода выражения приветствуется только за закрытыми дверями. Все? Тему закрыли?

– Да, любимый, прости...

– Я принимаю твои извинения. Будь впредь внимательной.

Большая ошибка Ребекки – если она действительно хотела получить все бонусы от замужества с одним из богатейших мужчин Египта, – была в том, что она не постаралась со своей стороны найти ключик к сердцу чрезмерно ревливой девочки и не согласилась подождать, пока эта девочка немного подрастет и выйдет замуж. Она даже не постаралась переманить на свою сторону маленькую и нежную Даниту.

Но даже если принять во внимание сложные исходные в виде вредителя-Нэнси и ее решимости не сворачивать с партизанского пути, у Ребекки был шанс обойти эти ловушки – если бы у нее хватило мудрости проникнуться почтением к исламской и египетской культуре.

Свою самую большую ошибку она допустила, когда день ото дня демонстрировала абсолютное нежелание вникнуть в то, что такое ислам и как проявляются исламские правила в жизни, что важно ее мужу, который был очень верующим и набожным. Она даже не трудилась подбирать слова, насмехаясь над чем-то абсолютно египетским.

Глава 14. Потому, кто я

Адам сразу объявил ей, что она вправе оставаться лютеранкой, но обозначил, в каких сферах жизни он ожидает от нее проявления уважения к исламу.

Она должна пересмотреть свой едкий язык и отменить любые негативные комментарии.

Он предложил ей отказаться от мини-юбок и маечек, перейти на более закрытый гардероб. Алкоголю полный отказ, свинине тоже. Желательно воздерживаться даже от пожатий рук мужчинам. В такси нельзя садиться рядом с водителем. Нельзя общаться с мужчинами, которые были ранее ее любовниками. Никогда и ни под каким поводом. При встрече с родственниками, даже если они не вызывают энтузиазма, лицо следует делать доброжелательным. Перемещения и ответственные шаги следует согласовывать с мужем. Мужа при посторонних не обнимать, не целовать, не глядеть ему в глаза соблазнительно и страстно, не класть ему ладонь в задний карман джинсов, как это принято в Европе и Америке, ни в коем случае не шлепать по мягкому месту даже в шутку при свидетелях.

Словом, стандартный набор.

Ребекка же несколько раз вернулась после встреч с европейскими подружками с ароматом алкоголя изо рта, в холодильнике Адам обнаружил баночное пиво. Однажды он без предупреждения пришел раньше домой и застал ужин своей супруги с Данитой из капусты, тушеной со свининой... В этот день домработница Абир была выходная... Он по запаху, войдя, сразу ощутил, что именно приготовила его жена, пока он не видит...

Он на месяц обеспечил ей домашний арест, чтобы в следующий раз думала, как распорядиться доверием, здоровьем Даны и своей свободой.

Пока Нэнси придумывала новые акты сопротивления, Ребекка умудрилась все завершить своими усилиями.

Она поинтересовалась у Нэнси, знает ли она, где можно купить красивую домашнюю собачку. Нэнси с радостью помогла ей найти хозяев, продающих щенков рыжего шпица.

Падчерица поинтересовалась: «Ребекка, а ты советовалась с папой или решила сделать сюрприз?» У Ребекки иммунитет отключился, и она собственноручно сунула свой семейный союз в петлю: «Конечно, сюрприз!»

– Класс! – с восхищением сказала Нэнси, впервые не покривив душой. – Как вовремя!

Ненавистная немка приняла радость Нэнси за чистую монету.

Через три недели предстояло заключение официального брачного контракта. Адам обдумывал, как они пышно отметят это событие, составлял списки гостей и приглашенных артистов. И он готовил особый подарок своей супруге: решил подарить ей пятикомнатную квартиру с видом на Нил в новом доме неподалеку от площади Тахрир ценой в полтора миллиона долларов. В квартире активно велись ремонтные и оформительские работы. В его рабочем гараже уже стоял кабриолет лимонного цвета – тоже для супруги.

И вот, изнуренный августовской жарой и рабочим днем в четырнадцать часов, он вошел в дом, обнял прибежавших дочерей и подошедшую к дверям красавицу-жену.

Ему очень хотелось погрузить тело в ванную и чтобы его жена нежно мылила ему кожу, волосы... От усталости он даже не чувствовал голода.

Она пошла хлопотать на кухню, он отправился в ванную.

Когда он вышел из ванной и присел на кровать, вдруг заметил бугорок под покрывалом. Этот бугорок стал издавать еще и писклявые звуки.

В изумлении Адам откинул покрывало и увидел щенка. Сам по себе щенок был красивый, но тот факт, что собачий детеныш лежит на его простынях, из писюнчика вытекает на постель щенячья смазка...

Хорошо, что он еще ничего не поел, потому как рвотный спазм свел его живот.

Он вышел в столовую с побелевшим лицом.

Это был час триумфа Нэнси.

– Можно тебя в спальню, Ребекка?

– Да, хани, конечно! – ответила она игриво, глядя в глаза мужу с нескрываемым сексуальным подтекстом.

– А, ты нашел мой сюрприз! – воскликнула она на пороге спальни. – Как он тебе? Правда красавчик!

Она кинулась к собачонку, схватила его обеими руками, прижала к лицу и стала издавать какие-то мурлыкающие и фыркающие звуки. Так поступают со щенками и котятами женщины, которым давно уже следовало родить своих детей, а не вымещать материнскую тоску на детенышах из животного мира.

Но есть и такие, которые под влиянием модной пропаганды экзальтированно впадают в восторги по животным только потому, что это круто. Так кто-то решил...

Совершенно еще не понимая, что на самом деле произошло, с этим шпиком она двинулась к Адаму в полной уверенности, что он тоже хочет взять его на руки и поцеловать в морду.

Адам отошел на три шага и не дал ей приблизиться.

– Хани, что такое? Ты боишься этого рыжего малыша?

– Где этот рыжий малыш побывал в доме и в этой комнате?

– Да еще нигде. Только в спальне. На кровати...

– Ответь мне, пожалуйста, Ребекка! Почему ты не посоветовалась со мной перед покупкой этого щенка?

– Я хотела сделать тебе сюрприз!

– Похвальное желание. Только тему ты выбрала неудачную.

– Ну, в следующий раз выберу удачную.

– Не выберешь.

Она присела на край кровати, не выпуская щенка.

– Почему не выберу?

– У тебя «выбиральная» система не сформирована. Когда двое людей предназначены друг другу для счастливой жизни, то такие ситуации, как неудачный выбор сюрприза, просто не случаются.

– Ну что же тут неудачного? Гляди, какой лапушка! – и она снова чмокнула щенка прямо в нос.

– Ты не любишь меня, женщина, которую я полюбил и душой, и телом.

– Что за глупости!

– И не уважаешь меня, хотя я тебе открыл жизнь, которой у тебя не было. И у тебя могло быть все, что твоя мама даже не смела просить у Всевышнего для тебя.

Ребекка замерла и уставилась на Адама.

– Почему ты говоришь такие страшные вещи?

– Потому что ты делаешь такие страшные вещи. Ты не потрудились выяснить, что держать собаку в доме мусульманина – недопустимо. Я когда-то рассказывал тебе, но ты забыла. Собаки – самые приятные и симпатичные – все равно нечистые животные. Все, к чему они прикоснутся, надо мыть с мылом семь раз. В дом, где находится собака, Ангелы не входят, зато шайтаны тут чувствуют себя как дома. И я не могу положить молитвенный коврик на пол, где пробежала эта собачка и напустила свою слюну. И я не могу целовать жену, которая только что облизывала собачью морду. И я теперь задаю вопрос: сколько раз ты помыла руки после того, как тискала этого щенка, и перед тем, как брала мобильный телефон, трогала кухонные предметы, дотрагивалась грязными руками к Даните и ко мне...

– Да он чистый!

– У тебя глаза – микроскопы? Мне больше нечего делать, как теперь сканировать весь дом? Есть ли яйца паразитов с морды и из-под хвоста этого щенка?

– Адам, да вы ненормальные! Да весь христианский мир дружит с собачками! И все здоровы, и счастливы!

– Не расписывайся за весь христианский мир! Он тебе этого не поручал. И да, если нормально укладывать собак в свою постель, то мы ненормальные. И я предпочитаю быть именно таким ненормальным. Не трахать женщин, меняя их как бензозаправки, не терять мозги от алкоголя, не красть даже чужое время, не лгать, не пресмыкаться, не поклоняться картинкам, не есть трупный яд и глистов...

Ребекка замерла, словно ее позвонки нанизали на шпагу.

– Мы тоже не поклоняемся картинкам, – тихо проговорила она.

Адам сел на банкетку и глубоко вздохнул:

– Я не вижу смысла больше продолжать этот диалог. Слава Аллаху, он сейчас показал, что мы никогда не будем счастливы. Даже сейчас, пока сильна страсть между нами... мы уже глубоко несчастны!

– Адам, хани, ну что ты такое придумал! У нас все еще только начинается!

– То, что начинается, это ад. Счастливыми можно быть только с теми, с кем не надо себя насиловать и притворяться. Такая, как ты есть, – тайком готовящая капусту со свиной или тискающая мопса...

– Это не мопс, – она не успела договорить.

– Порода не важна, ты поняла меня. Такая, как ты есть, – ты сложена. Я не хочу тебя ломать. Не для этого я женился на тебе. А сама ты не поменяешься. У нас просто нет общего будущего.

– А как же свадьба, путешествие?

– Я разрываю наш договор. Я одарю тебя, потому что ты стала моей возлюбленной. Завтра с утра у тебя будет чек на двести пятьдесят тысяч долларов. Я обменяю его на твой экземпляр орфи, и ты подпишешь документы, что не имеешь никаких претензий ко мне.

Каждое предложение обрушивалось на голову женщины булыжником. «Неужели все? Вот такой конец?» – мысли в голове Ребекки прозвучали, как будто не о ней.

Она почувствовала, что тонет. На берегу много людей, но ее никто не спасет. Никто не видит, что она тонет. А захлебываясь водой, она не может звать на помощь.

– Кольцо с бриллиантом можешь оставить себе, как и все другие подарки. Для щенка я принесу коробку. Завтра и он, и ты должны покинуть мой дом после завтрака. Он будет подан тебе в спальню.

За завтраком с дочерьми Адам объявил, что фрау покинет их дом и жизнь навсегда. Во время этого заявления отец внимательно смотрел в глаза средней дочери. Она не смогла скрыть вспышку радости.

– Нэнси, я знаю, что ты приложила немало сил, чтобы помешать Ребекке почувствовать себя здесь комфортно. И ты сделала мне больно.

– Я не хотела!

– Хотела! Я ожидал, что моя нежно любимая дочь достаточно взрослая, чтобы понять, что впервые после трех лет одиночества я встретил женщину, которую полюбил, что у меня тоже есть право быть счастливым. Я ожидал, что она уважит мой выбор.

– Папочка, а что Нэнси натворила? – жалобно спросила Данита.

– Она знает, желанная моя девочка.

И он продолжил, обращаясь к Нэнси:

– Ребекка Фэртиг, как выяснилось, не та женщина, которую я могу осчастливить, и которая осчастливит меня и моих девочек. Но поверь, Нэнси, это вскрылось и без твоего участия.

– Па, ты оставишь ей подарки? Выплатишь компенсацию?

– Тебя это волнует?

– Конечно, она ведь за богатством сюда явилась... Ну и с какой стати ей давать хоть что-нибудь?

– Во-первых, я одарю ее не потому, кто она, а потому, кто я. А я держу обещания. Во-вторых, даже если бы в орфи-контракте не была бы указана сумма компенсации за разрыв контракта с моей стороны, я бы ей выплатил эти деньги как «сорри» за тебя. В наказание за твою дерзость и равнодушие ко мне я лишаю тебя карманных денег на полгода.

– Целых полгода?! – Нэнси поджала губы, сглотнула комок от навернувшихся слез.

Но Адам точно понял природу этих слез. Нэнси несколько не жалела о своей подрывной программе. Если бы нужно было повторить – она повторила бы все до детали. Ей было больно от того, что ее имидж нежно любящей дочери предстал в новом ракурсе, который она предпочла бы скрыть.

– Па, но я тебе должна сказать что-то важное.

– Говори.

– Ребекка переводится с немецкого как «заманивающая в ловушку», а фамилия Фэртиг – «шустрая, скорая». Так что она даже не скрывала, кто она... Это ты, влюбленный, не хотел видеть...

– Вам пора в колледж и в школу!

– Жизнь продолжается! Да, пап?

– Жизнь всегда продолжается, Аль-хамду лиЛлех.

– Я бы предпочла сегодня остаться дома...

– Нет, этого триумфа у тебя не будет...

– Какого триумфа? – с наивным взглядом спросила дочь.

– Видеть, как фрау Фэртиг покидает этот дом. Девочки, бегом чистить зубы и переодеваться. Мистер Фэрис уже за рулем и ждет вас!

Глава 15. День фестиваля

Первый день фестиваля Эль-Аид начинается очень рано. Все готовятся к особой молитве в мечети к шести утра. Семейные люди отправляются в мечеть в полном составе семьи нарядно одетые, по возможности, в обновки. Желательно прийти пораньше, потому как места внутри мечетей всегда не хватает и люди молятся снаружи на циновках и даже на газетах.

Семья Адама была готова в пять утра к шествию в мечеть. Владелец Эль-Гуны – мистер Самих Сауэрас – христианин, тем не менее, возвел прекрасную мечеть в центре города.

Адам подарил дочерям новые платья, внуку – новый костюм из белой ткани с заклепками. Сам облачился в новое белье, белые батистовые брюки и белую галабею из отменного сатина.

Адам с внуком отправился к мужскому входу, девочки – к женскому. Условились встретиться у цветущего олеандра на углу улиц.

Когда торжественный молебен был завершен, Адам не спешил покинуть звенящее чистой пространством и совершил специальную молитву в два раката. Верующие просят Всевышнего об исполнении своих чаяний в дополнительных молитвах в особых случаях.

Адам в земном поклоне просил Аллаха даровать ему радость семейной жизни, в которой появится любимая женщина, которая примет его дочерей с нежностью. Он забыл попросить, чтобы и дочери приняли ее. Не исключено потому, что он был уверен, что его дочери мечтают о новой, нормальной маме.

После молитвы о ниспослании родственной души и отрады его телу, забывшему, что такое счастливые ночи, он почувствовал себя обновленным и воодушевленным. Он действительно много лет устраивал счастье всех вокруг, кроме своего... Скоро пятьдесят два. Пора бы уже.

По возвращении на виллу он решил посидеть на террасе с полчаса и полистать странички сайта знакомств, в котором у него был свой профиль под его настоящим именем.

Открывая свою презентацию в интернет-просторах, он раздумывал, какие фотографии размещать и как себя позиционировать. Каждый успешный и богатый мужчина хочет, чтобы его любили не за его деньги и статус. И в то же время его деньги и статус – это конкурентное преимущество и доказательство его ума и определенных достоинств, которые невозможно умалить, спрятать или отнять.

Он решил оставить как есть и не изображать из себя таксиста или дормена, как это делали некоторые его знакомые. Он присутствовал на фотографиях в своей типичной одежде и в своих привычных интерьерах. Дорогие рубашки и ботинки, качественная casual-одежда. Он на презентации в загородном клубе, на природе и, конечно, дома в модном интерьере с попугаем... У него был любимый питомец, который даже разговаривал – казалось, осознанно.

Конечно, Адам был засыпан предложениями девиц с неприкрытыми ногами и бюстами.

Пялиться на их соблазнительные, как они предполагали, тела, у Адама особо времени не было. Он их прочитывал по нескольким фотографиям, его мучило от зияющей пустоты в глазах или наполненности тем, что ему неинтересно.

Год на этом сайте результатов не дал. Он отважился на несколько свиданий, на которых ему становилось скучно. Не помогал даже сексуальный голод.

Сейчас же, после праздничной молитвы, он надеялся увидеть ту, которая изменит его жизнь к счастью.

Адам решил полистать обновления профилей женщин повзрослее и забил в фильтрах возраст 45—50 лет. И каково же было удивление, когда он увидел портрет женщины, выглядящей на сорок максимум, но с указанием, что ей пятьдесят.

Конечно, это могла быть ее фотография десятилетней давности – многие так делают: и женщины, и мужчины, – полагая, что такой прием сработает, как мед для насекомых. И где мозги у этих людей? Ведь при личной встрече их визави ждет неподъемное разочарование!

Адам решил изучить этот профиль внимательнее. Несколько фотографий в разных странах. Вот она поливает пышно цветущую орхидею, явно довольна своими ботаническими наклонностями.

Вот шинкует морковь на кухне, наверно, на своей. Чувствует себя хозяйкой.

Удивительно для европейки. Ни одного фото в купальнике и неглиже. Ни одного изображения с приоткрытыми губами и пьяными от сексуального томления глазами... Ни одного призыва: «Войди в меня!»

Отлично!

Что она о себе пишет? Ага, на итальянском. Адам открыл переводчик.

«Эмилия, настоящая. Жду состоявшегося мужчину для счастливой семейной жизни. Женатым, boy-friends и наркозависимым не беспокоить. Никакого эротического общения до свадьбы!» Неожиданно. Кратко и емко. Это радует.

Он глянул статистику посещения и одобрения ее профиля. Присвистнул. За 9 месяцев более пяти тысяч лайков. Она востребована! Казалось бы... Женщина не обещает легкого флирта, не раздает популярные в мужской среде обещания – и такой успех... Вообще противница современного стиля общения мужчин и женщин в Европе.

Он всматривался в ее глаза и увидел, что она приглашает туда, где ей уже хорошо. Просто вдвоем будет лучше! И ему захотелось оказаться в этом облаке искристой радости, которое она излучала с фотографий. Ее лицо он был склонен назвать обыкновенным для Западной Европы... Выраженный подбородок, округлые брови, нос, скорее свойственный римлянкам – с высокой переносицей. Грудь достаточно пышная, как у кремонок. Губы? Среднего размера. Но ее серые глаза говорили больше, чем она рассчитывала открыть первому встречному. Да, именно ее глаза звали его узнать, что же там, в их глубине, наверняка... Она была несколько полнее, чем он считал идеальными формами. Но странно, эта полнота вызывала желание упасть в ее мягкость. Она таила какие-то неведомые радости.

Он сразу написал ей сообщение. «Сочту за честь познакомиться с настоящей женщиной! Позволите ли общаться с вами по-английски?»

Она сразу ответила. Он удивился – еще было слишком раннее утро...

– Доброго дня и хорошего настроения! Благодарю за внимание к моему профилю, – ответила на английском.

– Я – Адам, бизнесмен, 52 года. Умеренно богат и доволен своим положением. В разводе много лет. У меня три дочери. Но я надеюсь на семейное счастье с новой женой, – выпалил Адам всю ключевую информацию.

– Я – Эмилия, журналист. Сама оплачиваю свою качественную жизнь и умею ею наслаждаться. Вдова три года. Есть взрослый сын, который живет отдельно. Хочу быть замужем с таким, как я, только мужчиной, разумеется.

Адаму показалось, что айсберг, сковавший его в глубинах сознания, подсознания, грудной клетки и живота, вдруг раскололся на мелкие куски и его понесло плавать в теплое течение...

– Я удивлен. Неужели вы – это не сон, а реальная женщина, которая способна говорить без хитростей?

– Да, люблю четкие коммуникации. Не хочу давать ложные надежды и растить в себе пустые мечты.

– А я как раз устал от женщин, которые впадают в две крайности: хотят замуж аж пицчат, но изображают холодных или неприступных принцесс в башнях. Или развратных квази гейш,

готовых сделать первую промоакцию прямо сейчас у экрана... Вы как глоток чистого воздуха. Спасибо, что вы есть!

– Рада, что стала причиной приятных эмоций для вас!

– Я буду рад стать вашим другом для того, чтобы понять, смогу ли я осчастливить вас, ставши, ин шэ'а Ллах, однажды вашим мужем.

– Мне нравится ваш старт.

– Спасибо!

– Давайте попробуем!

– Благодарю, что ответили «да!»

– Позвольте на сегодня завершить разговор, мне надо идти домой.

– Сорри, а вы где в такую рань?

– В мечети...

– А что вы там делаете?!

– Молилась. Сегодня же день ранней утренней молитвы!

– Вы мусульманка?!

– Да. Аль-хамду лиЛлех!

– О Аллах! Вот это сюрприз!

– Да, у всех такая реакция. Никто не ожидает...

– Я хотел жену европейку, но не смел ожидать, что она может быть мусульманкой!

Вместо ответа словами – значок улыбки.

– А из какой вы страны?

– Из Украины.

– И у вас вся семья мусульманская?

– О нет. К сожалению. Я одна.

– Алах йа халики, Эмилия!¹² Это означает, что вы во взрослом возрасте приняли ислам.

– Да!

– Вы счастливица!

– Почему?

– Да потому, что в этом возрасте, приняв ислам сознательно, вы свободны от грехов, вам легче попасть в рай. Мы, рожденные в исламских семьях, такой привилегии не имеем. На небесах для вас больше почета!

– Ин шэ Аллах. Почему?

– Потому что то, что нам дано как воздух с рождения, вы отыскали там, где это редкость. Хотя у вас, быть может, и путеводителей там нет... Я читал, что в славянских странах очень мало мусульман – едва ли два процента...

– Да, и их не видно в массе населения, если не отправиться в мечеть...

– Ну и в мечети явно не масса, а немного людей?

– Да, женская половина никогда не бывает полной. Мужская – почти полная на молебнах.

Но это на город в четыре миллиона жителей!

– Я не хочу вас отпускать. Я еще никогда не писал так много в первом чате...

– Благодарю за приятное начало дня! Я должна идти!

– Подождите, а в какой вы мечети?

– Я не знаю ее названия. С голубым мрамором внутри.

– Вы в Шарме сейчас?

– Да.

– Эта мечеть называется Салам. Давайте будем на связи!

– Давайте!

¹² Пусть Аллах даст длинную жизнь, о Эмилия! (араб.)

– Салям алейкум!¹³

– Уа алейкум ассалам!¹⁴

Адам не помнил, когда такое количество гормонов счастья впрыскивалось в его артерии. Он почувствовал себя юношей, который никогда не влюблялся ранее...

– Папа, с тобой все в порядке? – спросила Нэнси, которая, как оказалась, уже с полминуты стоит рядом.

– Да, любимая! А что?

– Ты где такие веселые таблетки взял? Поделись! Я тоже хочу так улыбаться!

– И я хочу веселые таблетки! – с радостным криком забежала Данита.

– Мы пойдем искать их в море рядом с разноцветными рыбками! Йалла!¹⁵ – подыграл детям Адам.

Это был день, когда он впервые не занимался закланием коровы. Барашка на их большую родню было маловато. Хали Ибрахим и его старший брат Ясин взяли на себя заботы по поставке священного мяса к обеду. И Адам мог вести семью на берег нагуливать аппетит.

С этих минут, чтобы он ни делал, его новая знакомая, казалось, присутствовала поблизости. И его окутывала радость от такого присутствия. Он остро захотел, чтобы она оказалась сегодня на их семейном празднике, ибо он был необычным, особенно в вечерней части.

Адам вместе с Нэнси стали режиссерами семейного шоу.

Что касается обеда, то он был относительно простым, но, конечно, очень вкусным. Они ели фетта – это старинное египетское блюдо, состоящее из трех частей: вареного мяса, порезанного небольшими кусками, и бульона, в котором оно варилось, белого отварного риса и «аиш мзармиш» – хлеба хрустящего. На дно тарелки выкладывают старинную версию чипсов – зарумяненные до хрустящего состояния в масле на сковороде маленькие кусочки хлеба – тонкой питы. Затем сверху кладут слой риса и заливают горячим бульоном с кусочками мяса. И сверху приправляют тушеным томатным соусом с толченым чесноком и нарезанной зеленью петрушки, укропа – что есть в доме.

Конечно, помимо основного блюда, были тахина, моченые лимоны, печеный перец, начиненный морковью и луком...

Благословенная еда наливает тело человека светом, а ум – безмятежностью.

После обеда Адаму хотелось отдохнуть в тени своей спальни, но он должен был позаботиться об ужине.

Он лично участвовал в фаршировке двух барашков. Его кузен Хаг Абдурахман доставил ритуально зарезанных, освежеванных и вымытых тщательнейшим образом барашков сверх праздничной питательной программы.

Адам был непревзойденным мастером по части фарширования тушек птиц или тех, кто крупнее.

Сегодня он чувствовал себя не меньше, чем маэстро. Сначала он обжаривал лук, который Сальма нарезала кубиками, в топленом буйволином масле. Аромат от горячего масла шел, мягко говоря, сложный, но главное – финальный результат.

Сначала он обильно присыпал лук солью, черным перцем и камуном, помял до потоков сока и отправил на сковороду с раскаленным маслом вместе с соком. В слегка позолоченный лук вложил нарезанные небольшими кубиками печень и сердца барашка, которые Нэнси промыла от кровавых сгустков так, как учили ее дотошные в этих вопросах египетские родственницы.

¹³ Мира вам. В арабском значении «салям» – это целостность, мир без войны, здоровье без изъяна, изобилие.

¹⁴ И вам мира! (араб.)

¹⁵ Давай идем! (араб.)

Перед готовкой порезанные субпродукты вымачивали полчаса в холодной воде, сливали ее и наливали новую порцию, пока она перестала окрашиваться кровью. Такой прием позволяет полностью удалить то, чего есть нельзя, и исключить отравление, поскольку в крови размножаются микроорганизмы еще лучше, чем в бульоне. Да и неприятный запах, который может исходить от субпродуктов, тоже удален вместе с кровью.

Слегка обработанные печень и сердце, в свою очередь, отправились в шестилитровую кастрюлю с вымытыми и доведенными до кипения зернами ячменя. «Хальта биль фэрик» – так называется эта начинка.

Дополнительно он приготовил обмазку для поверхностей барашков – татбила. Это смесь красного и черного перцев, камуна, соли, толченого чеснока и лука, оливкового масла и немного густого томатного пюре, лучше свежеприготовленного.

Поскольку готовить томатное пюре – дело хлопотное и долгое, оно было поручено женщинам из семейной ветки хали Азиза заблаговременно.

– Бисмилле Ар-Рахмэн Ар-Рахиим¹⁶, – призвал Адам имена Всевышнего и приступил к обмазке барашков изнутри ароматной татбиллой.

Его мама никому не дала право начинать барашков и выполнила эту важную часть работы сама. Ее почетным «шпагоносцем» трудился малыш Али: он держал наготове большие деревянные спицы, которые скрепят кожу на животах начиненных барашков.

В завершение тушки были смазаны татбиллой сверху и оставлены ненадолго пропитываться маринадом. Баранчики были отправлены в печь во дворе на четыре часа, из которых первый час поддерживали сильный жар, а остальные часы мясо томилось возле углей. По готовности перед подачей Омм Ясин торжественно посыпала их миндальными «лепестками».

Адам ловил себя на небывалой доселе странности. Все свои действия он сопровождал мысленными комментариями, обращенными к Эмилии:

– Вот, смотри, Эмилия, я кладу в нарезанный лук больше соли, чтобы не солить потом печень. Это маленькая тонкость, но она становится решающей во вкусе готового блюда.

– О Эмилия, если бы у нас был ковер-самолет и ты прибыла бы сюда по моему приглашению, то прочувствовала бы, что такое Аль-Аид! Что такое фестиваль! Ты ведь из другой страны, где такой атмосферы нет...

– Конечно, Эмилия, ты обитаешь на Синае, а я знаю энергию того места, но поверь, Эль-Гуна тоже прекрасна! Однажды ты должна увидеть этот уголок Египта! Когда у меня будет малейшая возможность, я приглашу вас. Сорри, я то на ты, то на вы с вами...

– Папа, с кем ты разговариваешь? – удивленно спросила Данита.

– А я разве разговариваю? – решил уточнить у дочери Адам.

– Да, у тебя шевелятся губы, ты поднимаешь брови и киваешь головой!

– Это мысли бурлят у меня внутри!

– Хорошие мысли!

– Почему ты так решила?

– У тебя лицо довольное!

«Хм... Хорошо, что это Данита, а не Нэнси! – подумал Адам. – Нэнси уже бы включила все системы наблюдения... А может, уже включила? А что, есть повод? Я же с Эмилией даже по телефону еще не разговаривал!»

Глава семейства оглянулся: средней дочери не было поблизости. Наверное, она переоделась в вечернее платье.

Все привыкли, что анимация в отелях – явление не только обязательное, но даже обычное. А вот анимация в рамках отдельной семьи на отдыхе...

¹⁶ С именем Всевышнего, Милостивого ко всем на этом свете и милостивого к праведникам на том свете (*араб.*).

«Богатая жизнь – она такая!» – с завистью глядя на семейный концерт при свете звезд, с глубоким вздохом вымолвил юный официант Дока. Он только три месяца назад приступил к службе в ресторане и считал, что ему в Эль-Гуне выпал шанс вырваться из нищеты его семьи, что было правдой. Только на его чаевые жила его семья в деревне под Асуаном: мама, двое братьев и сестра.

Его более рослый и более взрослый коллега Уэлид, родом из Хургады, хлопнув металлическим подносом по заду своего напарника, сказал: «Ну на самом деле никто не мешает беднякам готовить номера и развлекать друг друга: ты же видишь – из приглашенных – только диджей и танцоры танго!»

Концерт, по мнению всех членов семьи, удался! Правило концерта состояло в том, что каждый гость праздника обязательно выступает на концерте, за исключением самых взрослых дам. Им отводилась роль активных фанов.

Мальчики в возрасте девяти – тринадцати лет подготовили этнический танец с тростями, пяти-восьмилетние малыши выступили с барабанами и бубнами под руководством главного барабанщика, того самого хали Азиза – старшего брата со стороны матери Адама. Барабанщики и «бубнеры» сопровождали смешной ритмический танец «коня», который, в свою очередь, был двумя подростками с наброшенной на них попоной с игрушечной головой коня на палке. Адам изображал в этой сценке хозяина «коня», который хочет нагрузить его мешками, а «конь», конечно, не согласен и смешно увивается, сбрасывает мешки и норовит обтоптать ноги хозяину.

Взрослые мужчины спели попури по песням Амра Диаба.

Это был конкурс. Один пел одну строчку, второй должен был подхватить и продолжить...

Три девочки – племянницы Адама по линии отца – выполнили мапет-шоу – из тряпичных кукол на веревочках по сказке про Але Ад-дина. Это было достаточно сложное сценическое действие, и все взрослые смотрели его с замиранием сердца, хотя и знали все реплики наизусть.

Дочь Дана, внук Али и Дина – племянница Адама от его младшего брата Фарука – потешили всех родственников милым танцем утят на песню Аль Бано и Ромины Пауэр.

Старшая дочь Адама спела а капелла старинную песню из репертуара легендарной Омм Кальсум.

Нэнси – средняя дочь Адама – тоже выступила в песенном жанре под минусовку. Она очень любила песни Далиды и столь проникновенно исполнила великий хит «Helwa Ya Baladi», что Адам и его мать – достопочтенная Омм Ясин – прослезились.

Вся большая семья подпевала: «Моя страна – это сласть! Я помню то, через что мы прошли. И моя страна – прекрасная!» Эта песня, своего рода гимн Египта, который трогает сердце любого слушателя, что уж говорить о самих египтянах. Под конец песни плакали даже официанты.

Нэнси больше всего была похожа на свою маму, и это сходство еще сильнее волновало Адама неким подобием досады.

Завершением программы был получасовой букет из танго, исполняемый профессиональной парой русских, или белорусов, или украинцев... Адам не разбирался в различиях между ними. В общем, из бывшего СССР. Аргентинские мелодии сменяли друг друга, на площадке разворачивалась маленькая история страсти, длинная юбка горячего желтого цвета летала языками пламени, пояс партнера приковывал взгляд как неизменная константа в этом меняющемся мире, на которую нужно опираться женщине. Адам замирал в эстетическом экстазе. Танго – это его слабость. Кстати, на своей странице в Facebook чаще всего он размещал видео с этим танцем в разных стилях.

Такой семейный концерт с серьезной подготовкой не был типичным явлением в Египте, как вы поняли из реакции официанта. Хотя, конечно, египтяне отличаются веселым нравом и умеют веселиться в кругу соотечественников безо всяких стимуляторов.

Что касается Адама, через его тело лился ручей радости. И больше всего он удивлялся тому, что источников радости два. Сам Аль-Аид и, как ни странно, Эмилия.

Глава 16. Время перехода

Данила Викторович погиб на месте аварии, случившейся при странных обстоятельствах. Он был за рулем, хотя у него имелся водитель. Алкоголь в крови, хотя он не употреблял спиртное. «В чем же странность?» – спросите вы. А странность состояла в том, что он ехал по малой дороге через Музычи и на повороте у озера неожиданно появился трактор, в который автомобиль мужчины и врезался. Дело в том, что у Данилы Мережко в тех краях нет ни родни, ни знакомых, ни дел. А его туда почему-то занесло среди бела рабочего дня... Он явно куда-то спешил, потому как даже на сложном повороте не снизил скорость.

Расследование ничего не дало. Трактор с места происшествия удивительным образом исчез. А кто был за рулем – жителям деревни неизвестно – какой-то чужой мужик...

Ее пригласили на опознание изувеченного аварией тела супруга. Лица почти не осталось. Ее поразило тот факт, что лучше всего сохранились кисти рук. Но пальцы стали равномерно черными, хотя еще было рано им так почернеть.

Ей хотелось свернуть траурные дни в тугой рулон и бросить его в топку. Она не могла слушать слова сочувствия и принимать соболезнования, хотя люди искренне переживали.

Мама Эммы слегла: очень горевала из-за гибели зятя. Женщина искренне привязалась к нему, хотя они мало общались. Ей было достаточно того, как расцветала ее дочь с ним, как много тепла он дал Владу. Эмма перевезла маму и отца пожить с ней в загородном доме некоторое время, пока все придут в норму.

Эмма почувствовала, что значит «мир опустел». Ей везде чудилась фигура мужа. Вот он склонился над чертежами. Вот он рубит дрова. Вот он сыплет перец горошком в маринад. Вот он садится в машину на пассажирское сиденье и машет ей рукой...

В одну из ночей после похорон ей приснился сон о том, что на пороге спальни стоит ее муж и говорит:

– Прости меня, Эмма! Я очень виноват перед тобой! Мне очень плохо!

Эмма во сне ответила ему:

– Я люблю тебя. Чем я могу помочь?

– Накорми меня!

– Какое блюдо приготовить?

– Не едой...

И исчез...

Эмма часто возвращалась к этому сну. Ей хотелось узнать, чем можно накормить душу покойника, если не едой...

Прилетевший из Милана сын старался согреть ее, насколько это было возможно.

– Мама, Данила Викторович стал твоей жизнью. Как ты теперь будешь без него? Может, переедешь ко мне? Купим квартиру. Можно у Милана, чтобы подешевле уложиться...

– Я подумаю об этом, Владик, чуть позже.

– Я с тобой, мама. Звони мне в любое время дня и ночи. Хорошо?

– Да, мое продолжение!

– Я пойду ужин готовить, ок?

– Да.

Она сидела молча в патио и глядела на игру рыбок коуи.

Вдруг – совершенно вне всякой логики – всплыла одна картинка из ее прошлого с покойным Кириллом, обычная для того времени: стандартная ситуация, когда он был в состоянии полного истощения от алкоголя, уже ничего не ел, но требовал совместных посиделок на кухне. Он просто выжигал ее мозг разговорами в то время, когда она смертельно хотела спать. Но все-

гда после этих разговоров он давал согласие на вызов спецбригады – выводить его из запоя, поэтому она сжимала остатки внимания в кулак и внимала его текстам. Как бы это ни было парадоксально, даже его пьяные разговоры можно было записывать и делать лекциями для студентов. В таком состоянии он часто выдавал инсайты и афоризмы. Она их не записывала, а наутро забывала... У Эммы болела голова от них, поскольку эти беседы давались ей насильно и она видела своего мужа в непотребном виде...

Так вот, в ту ночь Кирилл сокрушался о том, что перевод сказок «Тысяча и одна ночь» осуществлен с купюрами. Был только один «некастрированный», как он выразился, перевод в пятидесятые годы, выпущенный в белорусском издательстве, но столь малым тиражом, что сейчас его не отыскать.

– Эмма, нас обокрали! От нас ведь скрыли технику безопасности! Ты думаешь, «Тысяча и одна ночь» – это сказочки? Это инструкции «Как жизнь прожить в благодати». Знаешь, что такое «в благодати»? Это значит в благах от Бога. Потому что благо может дать только Он, – Кирилл выразительно поднял указательный палец вертикально, в сторону неба.

Эмма увидела себя со стороны, сгорбленную, подставившую кулачок под щеку, внимательно глядящую слипающимися глазами на мужа.

– Вот известно ли тебе, Эмма, что нельзя по малой и большой нужде под куст или под дерево ходить? А арабам было известно! Потому как под кустами и деревьями – дома джинов. Это как? Прийти в чужой дом и нагадить! Конечно, джины свирепели от возмущения и вдували таким людям болезни. Даже девушкам-девушкам.

– То есть можно заболеть женскими проблемами даже просто от того, что не в чистом поле, а под кустиком? – неожиданно для себя оживилась Эмма.

– Да, дорогая моя! Ну, этот секрет был вырезан из первой сказки. А сколько еще таких секретов по всему тому! Не выйди из дому, чтобы не открыть дорогу словами «Аль-Фатихи», не подписать контракт на торговлю, чтобы не призвать имя Аллаха!

– Что такое «Аль-Фатиха»?

– Первая сура Корана. Священного Корана.

Сложно было переварить несоответствие состояния Кирилла и содержания его текстов. Они не то что не вязались, они были в разных мирах и непонятным образом соединялись в этом разрушенном алкоголем теле.

Ей показалось, что это не она сжимает в кулачок свое внимание, чтобы не вырубиться, а он. Чтобы донести до нее что-то очень важное. А то не ровен час – не успеет.

– Известно ли тебе, уважаемая Эмма, что люди знающие кусок в рот не отправят, не призвав имя Бога. А почему? Ну спроси меня!

– Почему?

– Да потому, что эти рогатые-хвостатые только и ждут, чтобы плюнуть в рот человеку неграмотному, это как ядом сбрызнуть еду или питье. И будет человек вкушать еду не благословенную Создателем, а испорченную бесами. А потом, отведав ядовитой еды, разрешит языку молоть непристойности, хотя до этого не мог. А потом и свернуть на темную дорожку, хотя раньше туда не ходил. Мозги-то отравленные! А там глядишь – и воротья нет. Да и сами бесы-то, они поживятся от этого стола, что запрещено Создателем. Их еда – нечистоты и кости...

– А что ж ты, такой грамотный, сам не воспользовался тем, что мне говоришь?

– А я вот только сейчас понял... – выдавил Кирилл, раскачиваясь на табуретке, – вот мысли вслух печальные. Опоздал...

– Ну, может, время бригаду вызывать? – Эмма была больше сконцентрирована на обрыве запоя, чем на смыслах ночного вещания.

– Утром, утром. Утро вечера мудренее. А тебя мне жаль, красавица Эмма!

Эмма и вовсе проснулась. Она знала правила построения беседы, учрежденные Кириллом перед вызовом бригады. Она была обязана спросить «Почему?».

– Отчего же, Кирюша, тебе меня жаль?

– Нету у тебя пути! Вот детей в школе «два плюс два» учишь, а сама неграмотная. Сказки не редактированные не читаешь. Глядишь, и обошла бы все кордоны да ловушки!

– Какие кордоны, какие ловушки?! – почти вскрикнула Эмма.

Она вдруг поняла, что он еще должен сказать самое важное.

Кирилл только молча смотрел на нее из другого мира. Вдруг его глаза поменялись – будто кто заслонки опустил. И они словно бельмами стеклянными да выпученными стали глядеть на Эмму.

– Воды!

Она налила стакан «Боржоми», потом еще один.

Эмма стала теревить его за плечо.

– Что, удобно моими мозгами жить? Сама, Эмма, дальше сама...

Он положил голову на стол и отключился.

«Почему я увидела этот фрагмент сейчас?» – с удивлением спросила саму себя Эмма.

Неожиданно ей пришла мысль – крупная, светлая, мощная, цельная, неделимая – о том, что ей надо оказаться в мечети. Ей срочно надо разузнать про ислам. Там есть все ответы, все советы и все пути.

Это ощущение родилось в сердце столь явно и четко, что у нее не было ни капли сомнения. Мысль вошла и расширила грудную клетку. А за этой мыслью пошел световой ручей – он наливал голову и тело холодным светом. И необычное ощущение обнаружила Эмма: даже если бы она хотела перекрыть этот ручей, то ни плотины, ни тумблера у нее не было.

Не в ее власти было останавливать этот поток.

– Вла-адик! – она громко позвала сына.

Когда он появился в проеме патио, она пригласила его присесть рядом.

– С тобой все хорошо? Ты странно выглядишь, – молвил сын, вглядываясь в ее лицо.

– У меня к тебе просьба.

– Да, мамуль!

– Ты смог бы сопроводить меня завтра в мечеть?

– Ух, неожиданно... Да, конечно. Когда?

– В десять утра выедем.

– Могу я узнать, что ты там хочешь делать?

– Твой отец оставил мне загадку. Мне надо ее разгадать.

– В мечети?

– Да. Такой себе квест.

– И надо именно завтра? – с недоверием переспросил Влад.

– Да. Если бы не было поздно сегодня, я бы помчалась сегодня. Мне кажется, если я завтра не приму ислам, я опоздаю навсегда, может, даже умру!

– Не говори так!

– Я говорю то, что чувствую! Как же мне тяжело!

– Хорошо, ма, не расстраивайся. Мне это не сильно понятно, но я буду с тобой.

Утро было усыпано лепестками цветущих яблонь. «Неужели мне важно было снова потерять любимого человека? Когда-нибудь я узнаю ответ на этот вопрос. Так же, как случилось после ухода Кирилла», – с такими мыслями она садилась в автомобиль на заднее сиденье. Влад занял пассажирское место рядом с водителем и сразу пристегнул ремень безопасности.

«А может, сегодня я потеряю себя? Старую? Ту, которую я знаю, ту, которую очень люблю, жалею... Которая думала, что живет, а сама, как во сне, как лунатик, тыкалась в стенки?»

В мечети Влад отправился на мужскую половину, Эмма – на женскую.

Белые стены, высокие окна, никаких картин. Ковры пушистые на полу, направленные в одну сторону рисунком. Ах, как легко здесь дышится! Нет уныния и стонаний!

Ее встретила взрослая женщина с лицом дагестанки, хранящим следы красоты ее молодости и освещенным особым сиянием. Таких лиц раньше Эмма не встречала – со светом, идущим из-под смуглой кожи.

– Салам алейкум! Я могу быть вам полезной?

– Да. Я пришла принять ислам.

– Аль-хамду лиЛлех. Меня зовут Ашара. Я шейха здесь. Я вас научу. Как вас зовут?

– Эмма. Это трудно?

– Легко, Эмма. Нужно произнести Свидетельство на арабском или на вашем языке.

– И все?

– И все.

– А ничего, что я в джинсах?

– Ничего. Это дозволено. А позвольте узнать, прочему вы решили принять ислам?

– Я не могу этого объяснить. Вчера меня посетила мысль, которая переросла в мощное желание. Мне казалось, я умру, если не приду сюда, если не стану мусульманкой.

– Каждого Аллах ведет своим путем. Аллаху Акбар!¹⁷ – сказала шейха грудным голосом и проникновенно, совсем не так, как в однообразных репортажах про мусульман с автоматами.

Она продолжила:

– Я сейчас произнесу на арабском Свидетельство и переведу на русский. А вы решайте. На каком языке легче, на таком и скажете Свидетельство.

– И все?

– И все.

– А сколько это стоит?

– Я не поняла вас...

– Сколько я должна заплатить?

– Нисколько... И так, «Ашхэда». Свидетельство, – она произнесла это слово с мягким звуком «х», как выдохом освобождения. – Так же, как и в слове «Аллах».

Арабское слова «Ашхеду» переводится шестью русскими словами: «Знаю умом, верю сердцем, подтверждаю языком».

Ашхеду энна ля илляхя илля Ллах – Свидетельствую (знаю умом, верю сердцем, подтверждаю языком), что нет Бога, кроме Единого Аллаха.

Ашхеду энна Мохаммед рассулу Ллах – Свидетельствую (знаю умом, верю сердцем, подтверждаю языком), что Мохаммед его Посланник.¹⁸

На каком языке хотите?

– На арабском.

– Удивительно для этих мест. Почему?

– Сильнее энергию передает.

– Да, так. Повторяйте за мной, – пригласила Ашара.

Она произнесла слова Свидетельства, которые повторила Эмма.

Эмму никто не предупредил о том, что с ней произойдет в следующее мгновение.

¹⁷ Аллах Велик! (араб.).

¹⁸ Расуль = Посланник (Аллаха) – выдающийся из пророков, которому было дано Послание для передачи людям. Так Великими Посланниками, получившими передачу знаний через Ангелов, были Святой Муса (Моисей) – получил Таурат, или Тору (Пятикнижие Моисея), Святой Дауд (Давид) – получил Забур, Святой Иса (Иисус) – получил Инджиль (Евангелие) и Святой Мохаммед – получил Коран. Другие пророки – их за историю человечества были сотни тысяч, среди них наиболее известны имена Адама, Ноха (Ноя), Ибрахима (Авраама), Юсуфа (Юсуфа), Сулеймана (Соломона). Они проповедовали веру в Единого Бога так же, как и великие Посланники.

У нее сразу возникло ощущение, что ее тело вдруг теряет физическую густоту и непрозрачность. Это можно назвать «родами наоборот». Контролировать, отменить, отложить невозможно. Как роды ребенка – только наоборот: извне вовнутрь нее. Это мощное вкачивание чего-то, чего в ней не было раньше.

– Что со мной, Ашара?

– Вы что-то особенное чувствуете?

– Да! Мне хочется плакать от счастья! Мне легко, как никогда ранее, хотя три дня назад я похоронила мужа!

– А вы не знали?

– Нет, откуда?

– Из вашей Книги Жизни только что удалили все грехи. У вас новая Книга Жизни, как у новорожденного человека.

Если бы Эмме такую информацию попытались вложить в уши раньше – она бы не поверила. А теперь она явно ощущала, что с этого момента у нее начинается другая жизнь. И эта жизнь вошла в нее с силой ледника, сметающего препятствия на склонах гор по дороге к подножью, стирая в пыль камни, смывая вулканический пепел.

Она должна была побыть наедине без движения.

Прошло минут пятнадцать.

– Можно вопрос?

– Да, конечно.

– Как мне начать изучать, что такое ислам, как мне поклоняться Всевышнему? Я ничего не умею.

– Все постепенно изучите, ин шэ Аллах. Я вам дам маленькие простые пособия. Вы прочтете, попробуете пока повторять слова – как они звучат на арабском. Приходите в пятницу на молитву Аль-Джума. Заранее. К одиннадцати. Будет урок. И мы сможем разучить, как молиться.

– Хорошо. Я буду.

– Ин шэ Аллах. Говорите: «Ин шэ Аллах». Это означает «если Богу угодно».

– Ин шэ Аллах. И еще вопрос. Мой покойный муж пришел ко мне во сне и просил помощи: покормить, но не едой. Знаете ли вы, что за помощь ему нужна?

– Знаю. Его душа страдает, поскольку его Книга Жизни содержит больше событий для дороги в ад. Он просит отмаливать его и делать угодные Аллаху дела от имени умершего. Я вас научу.

– Слава Богу!

– Ваша жизнь очень изменится к лучшему. Ведь вы теперь будете знать, что такое «Аль-хамду лиЛлех!» – «Спасибо Богу за все».

– Извините, шейха Ашара. У меня, наверное, чрезмерно много вопросов. Простите, если я задам глупый вопрос.

– Не смущайтесь, говорите, Эмма! – ровно молвила шейха.

– Я не знаю, почему меня это зацепило. На опознании тела я удивилась тому, что увидела: слишком черные пальцы на руках...

– Обычно у умерших чернее та часть тела, которой он или она грешили...

– Пальцы? Так он же архитектор, а не жулик или карманник! Какой в этом грех?

– Мне неизвестны обстоятельства жизни покойного. Возможно, со временем вам придет ответ на этот вопрос.

Глава 17. Плата за изъян

Но самое ужасное произошло дальше, когда через десять дней после похорон в ее дом позвонили и представились друзьями Данилы Викторовича и сообщили, что у них есть что передать вдове.

Она, естественно, впустила их в дом. Оказалось, это друзья по играм в покер.

– Мой муж был игроком в покер? – от неожиданности Эмма покачнулась и срочно зашла в зал, чтобы присесть на кушетку.

– Вы не знали о страсти своего мужа? – изумились пришедшие.

– Нет. Он тщательно скрывал, что у него есть страсть! Если она была, эта страсть!

У Эммы разверзся мраморный пол под ногами, и ей показалось, что она летит в пропасть вместе с изумрудной кушеткой.

Ее муж должен пять миллионов долларов! Она не ослышалась?

Проиграл незадолго до смерти... Было шесть миллионов. Он один успел погасить.

– Если вы сомневаетесь, у нас есть видеозапись. И даже без специальной подготовки вы обнаружите, что монтаж отсутствует.

– Да, я хочу увидеть эту запись.

Боль пронзила позвоночник. Как если бы покойный муж из могилы попал в ее спину из спортивного лука стрелой. Как это вынести? Эмма впала в протрацию только от мысли, что за семь лет замужества она не подозревала о том, что муж игрок! У нее не было сил даже гневаться! Вот что за ускользающие огоньки она обнаруживала в его глазах! Вот на самом деле какими были поздние заседания с клиентами... Когда он возвращался, Эмма никогда не чувствовала присутствия чужого женского духа и была спокойна... И вот теперь иная женщина по имени «Игра» забрала ее супруга и предъявила счет к оплате!

Счет, который она должна теперь погасить.

Ей дали один год и пообещали включить счетчик. Предупредили, что она не сможет покинуть страну до того, как рассчитается по долгам мужа. Также попросили ее не умирать до отдачи долга, потому как долг тогда придется выплачивать сыну, который скоро выпускается в своем пансионате. Эмма почувствовала, как ее захлопнули в ловушке. И неизвестно, как выбраться... Впрочем, помимо долга, покойный оставил состояние в деньгах и в материальных ценностях. Слава Аллаху, что не все так плохо как кажется сразу.

Деньги были в ящике его стола – пятнадцать тысяч и в семейной шкатулке на расходы на три месяца вперед. Их она и тратила в связи с похоронами. Она до сих пор не проверяла сейф.

Эмма побежала в его кабинет и открыла сейф. В нем раньше были около двухсот тридцати тысяч долларов. Сейчас полочка оказалась пустой.

Эмма перетряхнула все папки с документами, но денег там тоже не было.

Значит, еще должны быть деньги на его счету, но она получит к ним доступ только через полгода. Хотя в свете открывшихся обстоятельств не факт, что деньги там ее ожидают. На ее личном счету лежало порядка тридцати пяти тысяч евро, этого хватит на некоторое время, если резко сбавить обороты затрат. Трудно, но надо. И еще у него были незавершенные проекты... Надо все проинспектировать...

Звонок.

– Здравствуйте! Это супруга Данилы Викторовича?

– Да. Меня зовут Эмма Вадимовна.

– Эмма Вадимовна, я клиент архитектора Мережко, меня зовут Геннадий Дорошенко. До меня дошли известия о событии, постигшем вашу семью. Примите соболезнования.

– Благодарю. Чем могу быть полезной?

– Дело в том, что три недели тому назад я заплатил начальный задаток за разработку особняка. Насколько мне известно, ваш супруг не успел приняться за работу. Могу ли я получить задаток назад? Это одиннадцать тысяч пятьсот долларов.

– Я должна изучить документацию. Если ваш запрос подтверждается, конечно, я вам выплачу ваш задаток. Мне чужого не надо. Оставьте номер своего телефона, пожалуйста. Я свяжусь с вами завтра с утра.

А к вечеру раздался еще один звонок. С таким же запросом. Женщина заказала реставрацию сильно пострадавшего от вандализма «панського маєтку» на Воляни. Задаток был перечислен на счет в «Приватбанк», и сумма выглядит внушительно – 588 тысяч гривен, что по курсу составляло 24 500 долларов.

Эмма пообещала завтра же собрать информацию по данному проекту и дать ответ.

Она спросила себя: «Сколько еще таких сюрпризов придется разгребать?» Дай Бог, чтобы на этих двух звонках все и закончилось.

Она приняла душ, переделалась во все свежее и попросила водителя отвезти ее в мечеть, хотя пятница будет только через два дня.

К ее счастью, Ашара была на месте и проводила урок с одной девушкой.

– Салам алейкум, Ашара!

– Уа алейкум ассалам рахмату Ллах уа баракяту¹⁹, Эмма! Присоединяйтесь. Это – Амина. Она, как и вы, приняла ислам на этой неделе. И тоже из немусульманской семьи, сама вот решила, что это ее путь.

Не смея прерывать урок, Эмма присоединилась к Амине. Девушка была юна и красоты необыкновенной. От нее тоже, только меньше, чем от Ашары, лучился свет. Эмма насильно отводила от ее лица глаза.

Тема урока была – ритуальное омовение перед молитвой.

Оказывается, чтобы обращаться к Всевышнему с молитвой, надо привести себя в состояние особой чистоты. Нельзя, просто встав с ложа после ночи любви с мужем, отправиться молиться. Нужно смыть полностью все следы соития. Даже после-любовный аромат с макушки головы...

И после посещения туалета нельзя оставить тело без подмывания и идти молиться. Собственно, вообще нельзя оставлять нежные слизистые без подмывания каждый раз – вне зависимости от молитвы. Рот, ноздри, руки по локоть, ушные раковины, каждый пальчик на стопах и полностью стопы перемыть трижды...

В Эмме рождалось уважение к этой культуре.

Они повторили за Ашарой всю последовательность ритуального омовения – от полоскания рта и до обмывания подошв.

Занятие было коротким, минут тридцать. Эмма почувствовала, что каналы в теле заработали. Еще бы: не омовение, а самая настоящая китайская гимнастика с активацией важных точек и каналов.

– А можно еще вопрос на другую тему? – поинтересовалась Эмма.

– Да, слушаю. Вопрос очень личный или Амина может присутствовать?

– Думаю, может слышать.

– Благодарю. Мы ведь неслучайно оказываемся вместе. Может, то, о чем вы спросите сейчас, будет важным и для нее.

¹⁹ И вам мира и милости и благословения Аллаха (*араб.*).

– Понимаю. Мой муж был известным архитектором, очень богатым. Он открыл мне жизнь, которой раньше у меня не было. Я жила с ним, как в раю. И вот после его смерти оказалось, что он должен огромные деньги. Возможно, выплатив все, я останусь на улице. И пока я даже не знаю, хватит ли всего имущества, чтобы погасить долги. Почему так Аллах поступил со мной?

Далее шейха произнесла абсолютно парадоксальное утверждение.

– В этом стечении событий есть великое благо, Эмма.

– Вы серьезно? В этой беде – благо?

Женщина не была готова услышать такое резюме.

– Эмма, – мягко продолжила Ашара, – сегодня благо от утраты имущества и статуса трудно разглядеть. Когда у вас привычный мир выбит из-под ног. Почему Великий Аллах лишает тебя того состояния, которое было в твоём пользовании? Наверное, пришедшие деньги не все были праведными. И дабы обезопасить вас, а может, и ваших детей, Аллах так решил.

– Что значит, «не все деньги были праведными»?

– Получены или потрачены незаконно. Часть денег – были заработаны честно, без махинаций, без жульничества и не на запретных Аллахом полях – не на торговле алкоголем, азартными играми, изображениями тех, кто имеет душу, – статуями или иконами, например, или на торговле людьми. А часть могли быть заработаны запретным способом. Например, взятками. Но даже если честно заработанные деньги человек шел тратить на сомнительное или запретное, то его деньги перестают быть благословенными и становятся проклятыми.

– А что случается, если деньги прокляты?

– Не будет ни счастья, ни жизни – ни на этом свете, ни на следующем. Ни хозяину этих денег, ни тем, кто их коснулся. Например, члены семьи получали эти деньги на пропитание, на ведение хозяйства. И они начнут болеть тяжело и тратить на лечение или на оплату каких-то несчастий эти проклятые деньги, вместо того чтобы радоваться жизни.

– Поэтому на самом деле это лучший исход? Лишиться замаранных денег и предметов, и жилья?

– Лучше, Эмма. Повторюсь, хотя сейчас в это трудно поверить. Но если ты наберешься смирения, чуть позже ты увидишь, сколь безупречен был план Аллаха субхэнах уа таале²⁰.

– Шейха Ашара! И все же мой муж был очень хорошим человеком. А игра на деньги... Всего лишь один изъян...

– Как у вас говорят: ложка дегтя в бочке меда. Каким бы он хорошим ни был, а в итоге он наполнил дом грязными деньгами и обесценил все, что делал.

– Мне больно даже слышать это от вас, не то, что принять!

– Вы, наверное, часто слышали: «Достаточно быть хорошим человеком! А религия мне не нужна!»

– Да, очень часто. Муж мой тоже так говорил.

– Заносчивость дорого обходится, Эмма. Хорош человек, но его намерения спутываются без руководства от Аллаха. Хватит только одной ложки дегтя – и мед уже черный.

– О-о-о-ох! Какое счастье, что я до вас дошла!

– До себя, Эмма, до себя!

Эмма действительно испытала облегчение, и дорога приобрела ясность, как с включенным навигатором.

Первое, что сделала Эмма после разъяснений шейхи Ашары, – отправилась на встречу с инвестором Гариком. Там – в связи с проектом уникального дома – деньги благословенные. Значит, они смогут послужить ей во благо, ин шэ'а Ллах. Она выступила докладчиком про-

²⁰ Аллах Пречист (не знающий недостатка и несовершенства) и Возвышен (*араб.*).

екта мужа. В случае утверждения проекта ей могли выплатить вознаграждение, причитавшееся супругу, а речь как раз о миллионе долларов.

Гарик – импозантный мужчина, стиль которого оценили бы Доменико Дольче и Стефано Габбана. Канареечно-желтая сатиновая сорочка с высоким воротником и натуральными перламутровыми пуговками в тон, синий костюм в белую полоску, явно сшитый в каком-то ателье в Венеции, роговые очки в массивной оправе квадратных очертаний, в которых, словно в желе, присутствовала вторая краска – тоже желтая. Лощенные туфли природного цвета рыжей кожи модели «монки» с пряжкой на месте шнуровки, которые привлекательно поскрипывали, как может поскрипывать обувь ручной работы.

Он был одет так, как если бы ему предстояло пройти по красной дорожке, а не открыть обычный рабочий день.

Его лицо было овальным, с длинным выразительным носом, глубокими черными глазами под широкими черными бровями. «Наверное, в инвесторском дуэте он больше играет роль вдохновителя и разработчика, чем командира», – подумалось Эмме. В нем читалась подвижная энергия, которую он с трудом удерживает в своем тонком теле. И все же эта энергия была отлична от суеты хлопотливого человека. Это была подвижность игрока в теннис и одновременно теннисного мячика, который отправляется к цели.

Гарик выслушал доклад, взял на рассмотрение под расписку документы покойного Данилы Викторовича. Эмме нравилось, что инвестор с ней не заигрывал, но относился с нескрываемым деловым интересом. Не каждый день приходит супруга погибшего архитектора, способная защищать его интересы и продавать его детище.

Он распорядился принести им кофе. Кофе был подан в тончайших японских фарфоровых чашечках с орнаментом из 24-каратного золота. Не понятно зачем, инвестор стал делиться с Эммой подробностями семейной жизни. Как он любит маму и счастлив, что может выдавать ей в день карманных денег тысячу долларов. Дети ходят в Кловский лицей, но программа не во всем устраивает. «Наверное, иврит не преподают», – подумала Эмма. Он намерен отправить детей в Лондон. А как учится Влад в Лозанне? Ах, не в Лозанне. А возле Лугано... Эмма предполагала, что еврей затевает подобные беседы с определенным расчетом. Например, чтобы расположить Эмму и обеспечить большую сговорчивость при торгах. Или просто расслабился? Ну, евреи и инвесторы – тоже всего лишь «человеки»...

Вторая встреча состоялась ровно через неделю и прошла опять в раскрепощенной обстановке, уже в присутствии его партнера Марка. Он был плотной комплекции, с крупными чертами круглого лица, свойственного определенному фенотипу с Ближнего Востока, бритой головой и тщательно выбритыми щеками, пронзительными глазами. Черный костюм, белоснежная рубашка, серый в белую полоску галстук и серый платочек в наружном кармане. Черные высокие носки, черные туфли оксфорд-броги с классической перфорацией и на тонкой кожаной подошве.

Гарик на сей раз был без пиджака в рубашке розово-лавандового цвета и в серых брюках тонкой шерсти, на ногах его были тоже оксфорд-броги, но серого цвета с черными носками и пятками. Оправа очков – из дизайнерского пластика. Прозрачный материал, нашпигованный регулярно повторяющимися черными столбиками, которые при прямом взгляде кажутся черными точками, но при любом движении смотрящего или обладателя оправы срабатывает оптический эффект превращения точек в столбики.

Их вердикт был таков: они не рискуют взяться за такой инновационный дом по многим причинам. Прежде всего, они предпочли бы, чтобы автор был жив и курировал проект до его запуска, а доверить другим людям детище архитектора Мережко в таком прорывном решении они не готовы. Возьмут идею круглых этажей, планировки и отделки, но каждый этаж будет

стабильным. Разве что сместят этажи относительно друг друга, чтобы фасад выглядел интереснее – рельефнее.

Вдове готовы выплатить 125 тысяч евро, если она подпишет отказ от авторских и наследных прав. Эмма почувствовала, что с ней поступают справедливо, и согласилась без торга. Эта сумма в итоге окажется третьей частью наследства после погибшего мужа. Той частью, которая не пойдет на возвраты и выплаты по долгам.

На прощание она пожала совладельцам руки со словами: «Любопытно, но вы уже второй раз присутствуете косвенно в моей жизни!»

– И что было в первый раз?

– Глобус возле Главпочтамта.

– Вы имеете к нему отношение?

– Косвенное. Это была идея моего первого экс-мужа.

– Кирилл! Простите, забыл его фамилию, но точно не Любченко, как у вас!

– Да. Черногуз.

– Мы тогда заплатили вашему мужу одну тысячу долларов премиальных за продвижение удачной идеи!

– Знаю. Мы очень радовались и купили дорогой компьютер. Как видите, я делаю хорошую карьеру, – с горечью молвила Эмма.

– Что-то случилось?

– Да. Растут ваши гонорары. Но уже второй муж погибает.

Гарри встрепенулся:

– Не вздумайте себя винить в этом!

– Достаточно того, что вас будут обвинять другие! – добавил его партнер. – Вы толковая женщина, и вас однозначно ждет хорошая новая жизнь!

– Даже вы так считаете? Амин! – сказала Эмма и развернулась к выходу.

Она чувствовала признательность этим людям. Они сказали ей важные напутствия.

Всего через три года Эмма встретит на просторах Интернета информацию о том, что в Бразилии построен необычный дом, в котором каждый этаж вращается вокруг оси дома. А еще через несколько лет небоскреб с такой же функцией вращения начнут строить в Эмиратах. Спустя несколько лет Эмма увидит объект, спланированный ее вторым экс-супругом, на склоне Печерских холмов, на проспекте Дружбы Народов. Просто красивый округлый по периметру дом с урбанистическим обликом окон в пол. Она так и не узнает, являются ли те вращающиеся здания параллельным открытием архитекторов или это документы Данилы Викторовича пошли гулять по еврейскому миру... Есть вещи, над которыми мы не властны, и лучше не мечтать быть их собственниками или обладать властью контролировать их.

А вечером она принялась разбирать бумаги мужа.

Да, клиенты, запросившие возврат задатка, действительно подписали договора работ с ее покойным мужем. В первом случае в папке лежал уже пустой конверт с написанной суммой и датой.

Касательно второго случая она утром нового дня позвонила в банк и объяснила ситуацию. Банковский офицер имела права в форс-мажорных обстоятельствах предоставлять некоторую информацию и обслуживание супруге держателя счета.

Сотрудница подтвердила, что деньги на сумму 588 000 гривен заходили. Только вот сегодня на счету на всех картах только три тысячи гривен...

Эмма с минуту размышляла, что же ей делать с возвратом задатков? Она может выплатить эти деньги со своего личного счета, но на нем не хватает пятисот долларов для полного погашения. Можно изъять из рабочего ящика мужа эти пятьсот?

Тогда она останется без запаса денег на следующий месяц.

И все же Эмма приняла решение выплатить этим двум клиентам деньги немедленно, о чем сообщила им. В этот же день она передала оговоренные суммы в обмен на расписки в получении.

Она сидела на скамеечке в саду и плакала. От усталости. От неизвестности. От жалости к себе. Через месяц надо внести оплату на следующий – последний год обучения Влада в Швейцарии... Или уже не вносить, прервать учебу?

– Мама, тебе звонит Валентина! – прервал ее купание в отчаянии сын.

– Да, давай телефон.

Она услышала мурлыкающий голос Валентины:

– Эмма, доброго дня, надеюсь, он будет лучше предыдущего!

– Доброго дня, Валентина!

– Могу я к вам приехать в течение часа?

– Да, мой дом открыт для вас!

– Замечательно! Ждите!

Валентина прибыла в белоснежной рубашке в стиле бохо с ассиметричной застежкой и умопомрачительными пластмассовыми бусами до пупа. На ногах – бархатистые лосины и белые дизайнерские кеды. Она вошла с большой коробкой конфет, перевязанной красной лентой.

Она обняла Эмму:

– Как вы себя чувствуете?

– Туго...

– Я предпочитаю не комментировать ситуацию. Я вам сочувствую. Вы были очень гармоничной парой.

– Спасибо, Валентина.

– А вы, Эмма Вадимовна, конфеты открывайте!

– Мне не хочется сладкого. Разве вас угостить с чаем.

– Эти конфеты не сильно к чаю подходят...

Эмма приподняла брови и развязала ленту.

В коробке были пачки долларов. По виду – около двухсот тысяч.

– Сто восемьдесят три тысячи долларов, – торжественно объявила Валентина.

Если бы с неба сейчас посыпались цветы лотоса или заиграло бы северное сияние, наверное, она удивилась бы меньше.

– Это был остаток гонорара вашего погибшего мужа. Мы договорились, что я выплачу с некоторой отсрочкой, потом я улетела на полгода, а теперь вот вернулась, а тут такие новости...

Эмма чуть не расплакалась:

– Валентина, вы даже не знаете, как много значит то, что вы не выплатили вовремя гонорар и принесли его именно сейчас!

– А что, что-то стряслось? Вроде архитектор Мережко человек не бедный, он не мог вас оставить ни с чем...

– Стряслось, Валентина. Мне теперь срочно надо переформатировать всю мою жизнь. Нужно организовать постоянный источник доходов.

Валентина, на удивление, сразу включилась в какую-то мыслительную работу.

– Есть! – мягко закатывая глаза, произнесла с придыханием. – Вы ведь психолог?

– Да.

– А вы не против писать статьи по психологии бизнеса для одного онлайн-ресурса? Моя знакомая ищет автора в блог «Статус кво». Не думаю, что там будут гонорары, как у вашего покойного супруга, но на бутерброд с альпийским маслом заработать сможете.

– Если я подойду, то берусь!

– Вы мне нравитесь, Эмма! Есть еще вариант – тренинги в Интернете для всяких дамочек, жаждущих любви, денег, успеха...

– Я совершенно далека от этой стези.

– Я вас познакомлю с московской блогершей, окончившей школу Ковалевского, она ищет партнера на проведение женских курсов... Ее зовут Инесса Валерьевна. Но не пугайтесь, она не старая тетка – тридцатилетняя звезда столичных тусовок и при этом толковая барышня – психолог. Вы с ней поладите...

– Надо пробовать, раз дверь открывается!

– И у меня есть приятельница, она развивает сеть стоковых магазинов с британскими вещами, как раз собиралась заняться брендингом. Возможно, у вас будет заказ по психоколористике. Ее зовут тоже Валентина.

– Я вам очень признательна. Позвольте я вас обниму. – И, не дожидаясь ответа, Эмма сомкнула руки на спине у Валентины

– Побольше бы таких замечательных дней! – отреагировала гостья.

– Знаете, что мне особенно нравится в вас?

– Что же?

– Вы принесли очень крупную сумму денег и вручили ее с удовольствием!

– Удовольствие – это мой стиль, – улыбнулась Валентина, прокручивая ключи от автомобиля на пальце.

– Благослови вас Бог, Валентина!

– Если будет нужна помощь, обращайтесь! Я пару месяцев в отпуске и никуда не собираюсь срываться.

Помощь понадобилась.

Эмма придумала устроить аукцион для продажи ценных вещей. Валентина была организатором...

Как только Эмма вступила в права наследования и оформила объекты недвижимости на себя, она помогла выставить их на продажу. Наследство было крупным. Но Эмма волновалась о том, получится ли насобирать те злополучные пять миллионов. На наследство вздумала претендовать сестра покойного Вера, но когда Эмма предложила ей поучаствовать в сборе пяти миллионов, та решила отказаться от прав.

На рынок пошли особняк в соснах в полной комплектации с цикламенами и с рыбами кои, но за исключением одного предмета. Вы догадались? Да, желтая люстра. Она снова решила ее оставить себе как талисман. Еще была пятикомнатная квартира на улице Пушкина, которую они сдавали в аренду, офисное здание на Татарке в четыре этажа с только что завершившимся капитальным ремонтом и два автомобиля. Этого хватило на четыре с половиной миллиона. Она попросила отсрочку еще на два месяца – распродать свои шубы, драгоценности, ценные предметы из живописной коллекции мужа и предметы антиквариата. Еще была прекрасная квартира, в которой жили родители мужа на Зоологической. Теоретически можно было ее продать, родителям переселиться в квартиру попроще, и, к чести пожилых отца и матери Данилы, они стали обсуждать с ней этот вариант. Но Эмма решила ждать до последнего и не травмировать его родителей переездом.

Вдове удалось даже выйти за порог недостающих пятисот тысяч на пятьдесят тысяч сверху, но она решила оставить эти деньги его родителям. И в день, когда передала остаток долга, Эмма приняла решение покинуть Украину.

Куда отправиться? Решение пришло очень быстро: в Шарм-Эш-Шейх, на Синай.

«Почему?» – спросите вы. Потому, что это было своеобразным завещанием ее первого мужа, которое она не успела выполнить. Незадолго до смерти он просил ее изучить Коран и жизнь мусульман, а для этого пожить в мусульманской стране и одновременно в лучшем климате мира – на Синае. Она тогда очень удивилась такой просьбе и возразила, что они могут поехать втроем. Он ведь может переводы делать в любой точке мира, а она работу по специальности тоже всегда найдет... Но муж тогда ничего не ответил. Теперь она понимает почему: его душа уже знала, что у него нет времени на переезд.

Глава 18. Березовый часток

Решение о переезде на Синай было принято, но реализовано с некоторой отсрочкой и в несколько заездов.

Во-первых, Эмма арендовала квартиру в Киеве и срок аренды истекал через 20 месяцев после гибели супруга. Во-вторых, она считала себя подранком, которому надо залечить раны и набраться сил. В третьих, поездам, несущимся по своим рельсам, опасно резко менять направление движения... В общем, она написала в блокнотике слоган: «В новое место с новой энергией для новой жизни!» и начала собирать ту самую новую энергию.

И время понеслось вскачь. До Синая Эмма чувствовала себя в байдарке на горной реке. Прежде всего, ей предстояло организовать стабильный источник дохода, чтобы не проедать те деньги, которые были в ее распоряжении сейчас, – часть суммы, принесенной в коробке конфет Валентиной, и гонорар за округлый дом. Эмма смутно представляла, как лучше распорядиться этими деньгами, и решила ждать прояснения в мозгах.

В общем, оглядываясь в тот год, она сама удивилась, как много успела.

У тех, кому она должна была отдать долг покойного мужа, она получила разрешение на командировку в Москву и слетала туда. Она таки пообщалась и поработала с Инессой Валерьевной над разработкой программы тренингов.

Один из первых вопросов, который задала Эмма Инессе, была таков:

– Инесса, а зачем я вам? У вас более пяти тысяч подписчиков... У вас частная практика, вы проводите дорогие семинары в Москве.

– Дело в том, что я не могу учить женщин, как им быть счастливыми замужем и с малыми детьми. Я могу пять звезд иметь по теории этих дел, но у меня нет своей семьи и своих детей. Значит, я не имею права вещать, что делать тем, у кого это все есть. И мне нужен партнер – женщина, которая знает, что такое быть замужем, которая рожала, воспитывала ребенка и при этом знает жизнь от простой до статусной. Вы – идеальный кандидат.

– Ну, в данный момент я не замужем.

– О, это дело наживное, как мне видится, – оптимистично улыбнулась Инесса и тряхнула своими изумительными кудрями по пояс.

Инесса была редкостной красавицей – брюнеткой с голубыми глазами.

Оказалось, что Инесса показала фотографию Эммы своему отцу – в силу его профессии все члены семьи обязаны были информировать отца о своих контактах. Лицо Эммы напомнило ему первую любовь, и он страстно возжелал сам познакомиться с психологом из Киева. В итоге тогда на самом деле были смотрины не кандидата в программу для женщин, а невесты для отца Инессы, пребывавшего в разводе более десяти лет. Но об этом Эмма узнает позже.

Партия на самом деле была замечательная – бывший генерал МВД, чернявый казак с пышными усами, родом из Ставрополя, с интеллектом разведчика, поэтическим складом души и уникальным жизненным багажом.

Их беседы плелись в замысловатые пледы с ворсом, в которых хотелось утопать всем участникам и не выбираться наружу. А участниками были Эмма, Валерий Григорьевич и вся тогдашняя семья Валерия Григорьевича – дочь Инесса и сын Виталий, который трудился в строительном бизнесе своего отца и временно выполнял шоферскую работу для Эммы – отвозил из аэропорта и в аэропорт.

Принимали ее на подмосковной даче. Это было очень мудрое решение, поскольку, если бы Эмма не заинтересовала Валерия Григорьевича, он бы откланялся и удалился бы в их квартиру в Королеве, оставив дочь и ее приятельницу наслаждаться природой и мозговыми

штурмами. И все выглядело бы вежливо... В случае, если Эмма заинтересует главу семьи, он – вполне логично – проведет половину пятницы, субботу и воскресенье за городом, вне суеты...

Сама дача была аккуратной и обустроенной, но весьма скромной. Трехэтажный домик, обшитый вагонкой, с отоплением, душевыми, санузлами, полностью оборудованной кухней, маленьким каминным залом. Стены внутри выложены или кафельной плиткой, или обклеены обоями, которые на момент постройки дачи были модными.

На шести сотках разместились площадка для автомобиля с навесом, маленький яблоневый сад, малинник, группа желтых георгинов, которые притворялись хризантемами, баня, площадка для волейбола или тенниса и большая беседка с грилем и плетеными из лозы креслами с мягкими подушками. В беседке могли разместиться до десяти человек, а в режиме коктейль-вечеринки и больше.

Эмме интересно было оказаться в абсолютно новой обстановке, открывать новых людей, готовить с ними простую еду и деликатесы, прогуливаться вокруг озера по близости, просто сидеть в кресле с подушкой и часами пить травяные чаи...

Травы привезла Инесса с Алтая лично. Она прожила полгода в горах у староверов и у шамана. И вот теперь демонстрировала свои познания как травницы.

Блюда, приготовленные Эммой в один из дней, стали хитами и были с удовольствием съедены. Приз «поедательских симпатий» получил постный борщ. Эмма довела до совершенства рецепт ее мамы и бабушки. Во-первых, она не клала капусту. Во-вторых, она томила нарезанные мелкой соломкой свеклу и морковь в оливковом масле в той кастрюле, в которой будет вариться борщ. А до корнеплодов она золотила кубиками нарезанную большую луковицу. Потом были добавлены болгарский перец, коренья петрушки и пастернака, картофель, стебли сельдерея. За три минуты до окончания варки она положила порезанные четвертинками томаты, толченый зубчик чеснока и свежую зелень – укроп и петрушку.

Специи для борща были простые: лавровые лист, черный и душистый перец. Конечно, каждую порцию венчала маковка из сметаны. К борщу были поданы тонкие блинчики, начиненные тертым сыром типа «Эмменталь» и сливочным маслом с укропом, запеченные в духовке до хрустящих кончиков.

Валерий Григорьевич снимал видео с этапами готовки с таким почтением, как если бы это было свадебное шоу. Но все-таки кулинарный гран-при единогласно присудили другому блюду – паэлье из морепродуктов. Эмма готовила ее по собственному рецепту с добавлением дорогого натурального соевого соуса и итальянского виноградного уксуса в последние десять минут томления всех ингредиентов. Счастье, что в кладовой дачи еще хранились запасы подлинных зарубежных продуктов, купленных до введения санкций и запрета на ввоз европейских и американских марок.

Виталий, накладывая добавку в третий раз за ужин, приговаривал:

– Я буду просить отца, чтобы он просил вашей руки, Эмма!

– Ваш визит, Эмма, стал событием года, без преувеличения... – совершенно серьезно сказал Валерий Григорьевич

– Год-то еще не закончился! – улыбнулась Эмма.

Эмма удивлялась, что дети под благовидными предложениями часто удалялись и оставляли взрослых на виду, но наедине.

Эмма впервые встретила собеседника, который не уступал интеллектом ни ее первому, ни второму супругам, а некоторыми навыками, очевидно, превосходил их обоих. Валерий Григорьевич тоже на второй день общения признался, что давно не пил такого бальзама в разговорах...

– Кто-то женщинам внушил, что можно быть глупенькими!

– Это потому вы не женитесь долго после развода?

– Да. У меня аллергия на глупость. На отсутствие воспитания. Я становлюсь ядовитым, когда вынужден общаться с поверхностными девушками или женщинами, которые больны синдромом принцесс, не имея на то никаких оснований.

– Ну и, пожалуй, у вас проблема всех людей со статусом и с деньгами.

– О чем вы?

– Вы хотите, чтобы вас любили не за деньги и не за статус, но вы не можете их скрыть и вам не интересны женщины, которые не соответствуют вашим деньгам и вашему статусу.

– Правда. Дело говорите.

– И любую женщину с интересом к вам вы начинаете препарировать...

– Ну, я не патологоанатом.

– Значит, вы «заводите на нее дело»!

– Можно сказать и так.

– А вы пробовали по-другому?

– Сердцем? Вот за десять лет впервые екнуло... Рядом с вами. Потому я такой и растерянный...

– Вас что-то пугает?

– Я не принадлежу себе полностью. Вы знаете, в начале пути рвешь жилы, чтобы состояться. А когда вышел на звездный уровень хотя бы на погонах, начинаешь задавать вопросы: «А туда ли я шел?» А вот вернуться на исходную точку души уже невозможно.

В этот момент Эмма увидела, что его глаза-буравчики стали окнами в казематы.

– Вы разве не на пенсии?

– Я, наверное, скажу крамольную вещь. Но у нас нельзя уйти на пенсию...

– И чем же вы занимаетесь?

– Консультирую. Решаю проблемы людей большого бизнеса. Переговорщик, если вы слышали о таком.

– Предполагаю, в вашей системе выход или через тазик с цементом или через холмик на кладбище...

– Ну, вы сгустили краски...

– В общем, хотите быть хризантемом, но остаетесь георгином...

– Хризантемом?

– Да, хризантемой мужского рода...

– А вы сложнее, чем я предполагал с самого начала...

– Это хорошо или плохо?

– Это интересно! Я давно не получал интеллектуального экстаза...

– Полагаю, это комплимент...

– Нет. Комплимент – это лестный отклик. Я же далек от лести. Это констатация факта.

– Благодарю. В вашей истории ключевые слова «задавать вопросы».

– Что-что, а этому обучен в совершенстве.

– Вы не раб, если вы задаете вопросы и ищите ответы. А значит, ваше сердце не окаменело. Но у вас сильный разрыв между размахом ваших крыльев и гирей на ногах. От этого у вас и спина болит...

– Вы даже это почувствовали?! – выдохнул с облегчением Валерий Григорьевич, и его глаза неожиданно для него самого увлажнились.

– Простите, как-то я незаметно начала вас анализировать...

– Это профессиональная деформация. Как и у меня. Анализатор никогда не выключается.

– Даже иногда, когда сплю, мне снятся решения.

– Эмма, могу ли я спросить вас как психолога?

– Конечно!

Валерий Григорьевич налил новую порцию травяного чая в чашки, собираясь с духом:

– Меня волнует судьба моей дочери. Вы уже знаете, насколько она красива внешне – голливудская красавица, причем вся натуральная. Ум ее вы тоже могли проследить в действии. Она хорошо зарабатывает даже по московским меркам, да и приданое у нее есть – квартира на окраине Москвы двухкомнатная и дом я ей строю возле Астрахани. Поклонников – хоть батальон на плацу выстраивай из них, а замуж никто не зовет. Было два реальных жениха, и незадолго до свадьбы – в первом случае за три месяца, во втором – за полтора, парни разрывают помолвку. И в том, и в другом случае после помолвки они уже жили вместе и внешне все было замечательно. Я чувствовал, что в интимной жизни там тоже все было к взаимному удовольствию. Скоро ей исполнится тридцать четыре. Женщине пора уже двойку-тройку детей растить... Что с ней не так, Эмма Вадимовна?

– Первое, что мне пришло, – это то, что она заняла место своей мамы рядом с вами.

– ???

– Ну, разумеется, без интимной части семейной жизни.

– Инесса чувствует вину за свою мать, которая ушла от вас к другому мужчине. Ваша служба в Забайкалье – только внешний повод для расставания. И ваша девочка постаралась компенсировать отсутствие своей мамы в семье. Она занимается вашим лечением, готовит еду, опекает брата, следит за тем, чтобы у вас всегда были свежие наутюженные рубашки, она сопровождает вас на дни рождений друзей, она принимает ваших гостей. Она слишком выросла не в свою роль. И так закрыла свой путь к своей собственной семье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.